
A5 4/90

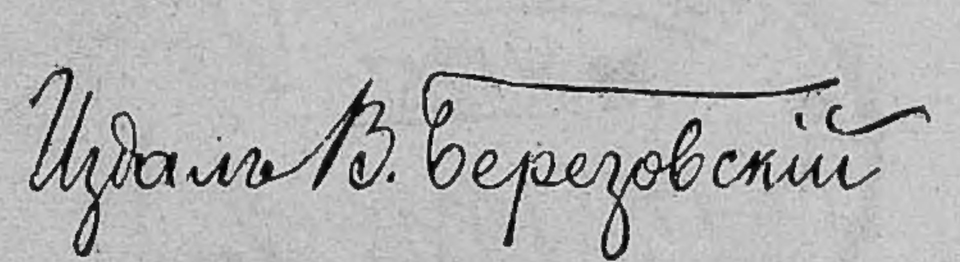
Д. ПАРСКIЙ.

ЧТО НУЖНО НАШЕЙ АРМIИ?

Современное ея состоянiе и необходимыя въ ней реформы.

„Надо помнить, что переживаемое
„время—не заурядное: на нашихъ
„глазахъ происходятъ событiя исто-
„рическiя".

„Оставаться такъ — значитъ за-
„крывать глаза на опасность, угро-
„жающую отечеству".

Издалъ В. Березовскiй
КОМИССIОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНIЙ
С.-Петербургъ, Колокольная улица 14.
1908.

„Русская Скоропечатня", Спб. Екатерин. кан., 94.

„Надо помнить, что переживаемое время— не заурядное: на нашихъ глазахъ происходятъ событія историческія".

„Армія, какъ одна изъ оснсвъ государственности, не можетъ и не должна оставаться безучастной свидѣтельницей происходящаго. Необходимо нравственное ея возрожденіе; нужна коренная, цѣльная и связанная съ общегосударственной реформа въ духѣ времени и нашихъ особенностей".

Оставаться такъ-значитъ закрывать глаза на опасность, угрожающую отечеству".

Введеніе.

Въ прошломъ году мною была составлена книжка подъ названіемъ „Причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей; необходимыя реформы въ арміи“. Въ ней я выяснилъ, почему проиграли мы послѣднюю войну и набросалъ, въ общихъ чертахъ, тѣ важнѣйшія реформы, которыя, по моему мнѣнію, должны быть проведены въ арміи.

Новая книга преслѣдуетъ, въ общемъ, тѣже цѣли—помочь разобраться въ познаніи арміи, наболѣвшихъ ея нуждахъ и вопросахъ, выяснить, въ чемъ и какія необходимы реформы; попутно съ этимъ, не обойдено молчаніемъ и значеніе переживаемой эпохи—я считалъ невозможнымъ говорить объ арміи, взятой внѣ времени, которое, къ тому-же, является такимъ необыкновеннымъ. Поэтому здѣсь приведенъ краткій очеркъ вліянія, какое должны оказать реформы 17 октября на измѣненіе государственнаго и военнаго строя.

По сравненію съ первой книгой, настоящая значительно больше по объему; это вызвано желаніемъ подробнѣе высказаться о реформахъ, не ограничиваясь, по возможности, одними фактами и общими мыслями. Въ этомъ—ихъ разница.

Изслѣдованіе мое не претендуетъ на полное и систематическое изложеніе всего того, что намъ необходимо—для этого я не считаю себя доста-

точно компетентнымъ, да и врядъ-ли оно подъ силу одному лицу. Работа моя—преимущественно матеріалъ, въ видѣ ряда мыслей и наблюденій, выводовъ и предложеній; тѣмъ не менѣе я стремился къ возможно полному очерку нужныхъ реформъ, объединенныхъ общею мыслью и духомъ; онѣ мнѣ представляются глубокими по значенію, цѣльными по связности и проведенію, согласованными съ нашими особенностями, духомъ времени и мѣрами государственнаго характера.

Изслѣдованіе причинъ нашихъ неудачъ въ послѣднюю войну, приведенное мною въ первой книжкѣ, во избѣжаніе повтореній, здѣсь опущено.

Программа книжки—видна изъ оглавленія; реформы разсматриваются въ ней попутно съ изображеніемъ современнаго состоянія арміи.

Я изложилъ здѣсь свои мысли съ полною откровенностью, будучи твердо убѣжденъ, что скрываніе и замалчиваніе недостатковъ ведутъ только къ вреду. Мои стремленія проникнуты горячимъ желаніемъ послужить на пользу арміи, въ будущность которой я глубоко вѣрю; и если высказанное здѣсь хоть чѣмъ-либо можетъ помочь ей, то я сочту свою цѣль достигнутою.

Если взгляды мои и не будутъ раздѣляться, то все-же они могутъ навести читателя на размышленія и вызвать новыя мысли. Я убѣжденъ, что вопросъ о реформѣ можно разработать глубже и практичнѣе; не надо только скрывать этого — кто имѣетъ что-либо сказать, обязанъ подѣлиться во имя общей пользы.

Быть можетъ меня упрекнутъ въ излишней страстности сужденій. Но развѣ это не есте-

ственно, принявъ въ расчетъ переживаемое время? Давно-ли окончилась несчастная война? И вслѣдъ за нею не развернулось-ли передъ нашими глазами нѣчто въ высшей степени важное и трагическое? Мы какъ-то слишкомъ легко относимся къ современной эпохѣ и, за обычной повседневщиной, не хотимъ видѣть той огромной внутренней работы, которая идетъ повсюду въ Россіи и опасности, съ которой она сопряжена.

Тоже самое надо сказать и объ арміи: несмотря на тишину, медленная работа несомнѣнно совершается и въ ней.

Надо своевременно и добросовѣстно сдѣлать, что нужно и можно; надо твердо захватить иниціативу въ свои руки, а не поддаваться передъ требованіями и криками толпы, или утѣшаться временнымъ затишьемъ и утомленіемъ. И только этотъ путь посѣетъ вѣру и успокоеніе, только онъ надежно урегулируетъ внутреннюю работу и направитъ ее по созидательному руслу.

Вдумаемся-же серьезно въ современное положеніе дѣлъ и въ состояніе арміи; откровенно выскажемъ все, что требуетъ измѣненій, не замалчивая своихъ недочетовъ.

Встряхнемся и сами, сбросимъ предубѣжденія и обычную беззаботность. Пусть каждый изъ насъ послужитъ великому дѣлу обновленія арміи!

Д. Парскій.

Вліяніе реформы 17 октября на измѣненіе государственнаго и военнаго строя.

Отрицательныя стороны новаго режима вообще и въ примѣненіи къ арміи.

Необходимость нравственнаго совершенствованія.

Внимательное изслѣдованіе причинъ нашихъ неудачъ въ послѣднюю войну должно привести къ заключенію, что онѣ обусловливались не свойствами народа и даже не качествами арміи, а, главнымъ образомъ,—государственнымъ строемъ и укладомъ; въ этомъ отношеніи мы были уже давно и серьезно нездоровы, что отзывалось рѣшительно на всемъ; и только съ особою яркостью обнаружилось оно во время войны, прежде всего, конечно, на орудіяхъ ея—арміи и флотѣ.

Несомнѣнно, много было и чисто военныхъ промаховъ, но, всматриваясь ближе, нельзя не замѣтить, что они являлись только плотью отъ плоти нашего государственнаго уклада; изъ него они исходили и съ нимъ неразрывно были связаны. Поэтому справедливо будетъ заключить, что потерпѣла пораженіе не армія и не народъ, откуда она вышла, а—режимъ.

Отсюда—первою и важнѣйшею нашею реформою было обновленіе государственнаго строя и всего уклада нашей жизни; она была необходима и

для преобразованія арміи, такъ какъ безъ нея даже самыя совершенныя мѣропріятія военнаго характера не будутъ имѣть твердыхъ основъ.

Высочайшимъ манифестомъ 17 октября 1905 г. нашъ государственный строй былъ измѣненъ—къ управленію страной призвано народное представительство. Явились Государственная Дума и Совѣтъ—высшія учрежденія, способныя во многомъ обновить жизнь нашего отечества; дарованы были и различнаго рода свободы.

Въ чемъ-же именно можетъ выразиться полезное вліяніе этой реформы на существующій у насъ государственный строй? Отвѣчу на это въ самыхъ общихъ чертахъ, затронувъ только наиболѣе важное:

Прежде всего,—въ установленіи путемъ народнаго представительства высшей законодательной власти, которой будутъ одинаково близки интересы всего населенія страны, а не отдѣльныхъ классовъ. Особенно это должно сказаться на положеніи наиболѣе обездоленнаго сословія—простонародья, и прежде всего—въ устройствѣ его матеріальнаго благосостоянія, просвѣщенія и правового положенія. Власть сдѣлается болѣе „государственною" по существу, такъ какъ будетъ блюсти интересы страны въ ея цѣломъ. Отсюда—большая широта и соотвѣтственность задачъ и мѣропріятій, довѣріе народа къ власти, что обезпечитъ послѣдней большую законопослушность и сдѣлаетъ ее сильнѣе.

Въ дореформенное время правительство относилось не одинаково ко всѣмъ классамъ: состоя почти исключительно изъ представителей высшихъ

сословій, оно недостаточно занималось интересами остальныхъ. Особенно мало вниманія удѣлялось темному простонародью, составляющему подавляющее большинство неселенія, нужды и жизненные вопросы котораго, казалось, никого не заботили и не трогали; и за все прошло столѣтіе чуть-ли не единственнымъ свѣтлымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи явились незабвенныя дѣянія Царя-Освободителя.

Послѣдствія такого отношенія были весьма важны: невѣжественность, обнищаніе и безправіе народа, полное недовѣріе его къ закону, власти и высшимъ классамъ; какъ результатъ—отсутствіе всякой связи, разность въ нуждахъ, взглядахъ, рѣшительно во всемъ; это повело къ образованію глубокой и опасной пропасти между правительствомъ и высшими классами, съ одной стороны и народомъ—съ другой. Въ этомъ—корень нашихъ бѣдствій и теперешняго смутнаго времени.

Затѣмъ,—въ разсредоточеніи власти, въ смыслѣ передачи нѣкоторыхъ ея правъ, средствъ и обязанностей мѣстнымъ органамъ самоуправленія (хозяйство, начальное образованіе и т. д.); это несомнѣнно окажетъ полезное вліянія на ростъ народнаго благосостоянія, такъ какъ вѣдать имъ будутъ не чиновники, а свои выборные люди, ближе стоящіе къ народу и болѣе знакомые съ его нуждами. Разумѣется къ такимъ органамъ будетъ и большее довѣріе.

Совершенно иначе было при прежнемъ укладѣ, однѣми изъ главныхъ основъ котораго являлись централизація и недовѣріе. Едва-ли не единственнымъ способомъ управленія во всѣхъ сторонахъ государственной жизни были различнаго рода „на-

чальники". Облеченные на бумагѣ извѣстными полномочіями и обязанностями, они въ дѣйствительности оказывались почти безпомощными въ дѣлѣ, которымъ часто „правилъ столоначальникъ". Если прибавить сюда большую власть, безконтрольность и безотвѣтственность, то станетъ яснымъ, что „начальники" эти могли приносить и явный вредъ; и такая система государственной опеки проходила сверху до низу.

Далѣе,—въ установленіи контроля надъ дѣйствіями исполнительныхъ органовъ правительства и въ извѣстной отвѣтственности ихъ передъ выборными народными представителями. Это заставитъ дѣлать болѣе тщательный выборъ лицъ для замѣщенія разныхъ должностей, дастъ возможность требовать отъ нихъ отчетовъ и объясненій и, въ случаѣ надобности, замѣщать болѣе подходящими. Въ общемъ, слѣдовательно, явится большая требовательность по отношенію представителей власти, чѣмъ затруднятся несоотвѣтствующія назначенія, произволъ и разнаго рода государственныя злоупотребленія. Однимъ словомъ, механизмъ управленія страной сдѣлается выше и въ большей мѣрѣ будетъ служить общей пользѣ, а контроль за нимъ—станетъ болѣе дѣйствительнымъ.

Не то было раньше: при полной безотвѣтственности правящихъ, которые во многомъ являлись и законодателями, централизаціи каждой отрасли государственнаго дѣла вверху и отсутствіи независимой печати—ни о какомъ контролѣ не могло быть и рѣчи. А это, при установившейся системѣ „изъ избы сора не выносить", большомъ, зачастую, безразличіи къ своему дѣлу и огромномъ

развитіи протекціи,—открывало широкое поле для государственныхъ злоупотребленій и крайне затрудняло соотвѣтствующій подборъ представителей власти. И въ то время какъ на различныхъ поприщахъ частной жизни—ученой, литературной и друг.—выдвигались высокіе таланты, пріобрѣтавшіе иногда міровую извѣстность,—нашъ официальный строй въ рѣдкихъ только случаяхъ являлъ людей крупнаго масштаба. Это сопоставленіе является весьма характернымъ и, до извѣстной степени, поясняетъ, почему къ нынѣшнему смутному времени пріурочилось такъ много не разрѣшенныхъ вопросовъ первостепеннаго значенія.

Въ значительномъ расширеніи круга, изъ котораго могутъ быть избираемы государственные дѣятели всѣхъ ранговъ и повышеніе его умственнаго и нравственнаго уровня. Это позволитъ, въ свою очередь, дѣлать лучшій подборъ людей, которые принесутъ и большую пользу.

И въ этомъ отношеніи разница со старымъ порядкомъ будетъ не меньшая, нежели въ прочихъ:

Какъ извѣстно у насъ и до сихъ поръ на первомъ планѣ вездѣ и всюду стоятъ связи, знакомства, поощряется преимущественно безличность, угодливость и легкость въ общежитіи; талантъ и способность пробиваются только случайно, а такія качества какъ идейность, твердость характера и убѣжденій, инициатива, настолько не поощряются, что обладатели ихъ часто почитаются лишь „неудобными“ и „безпокойными“. Поэтому-то у насъ люди недюжинные обыкновенно выкидываются или затираются, а вверхъ, къ власти и почету, сытой привольной жизни, ползетъ преимущественно знатное, ловкое, или безцвѣтное

и, въ свою очередь, тянетъ за собой такихъ-же. Естественно, что и выборъ лицъ на высшія отвѣтственныя должности государственнаго значенія дѣлается, минуя широкіе слои общества, почти исключительно изъ опредѣленнаго круга высшихъ классовъ и бюрократіи.

Въ общемъ подъемѣ народнаго благосостоянія и образованія, что позволитъ прилить вверхъ новыя свѣжія силы, упрочитъ матеріальное положеніе страны и сдѣлаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сильной и культурной. Въ свою очередь, умственное развитіе населенія, въ связи съ инымъ отношеніемъ власти, повліяетъ на ростъ гуманныхъ чувствъ, сознаніе своихъ правъ и обязанностей и уваженіе чужихъ.

Далѣе, дарованіе свободъ и вѣроятное уничтоженіе сословій и связанныхъ съ ними преимуществъ; мѣры эти уничтожатъ произволъ, угнетенія, поставятъ всѣхъ въ равныя права передъ закономъ повысятъ чувство самосознанія и еще болѣе расширятъ кругъ интеллигентныхъ силъ общества. Какъ и въ прочемъ, особенную важность пріобрѣтаетъ это по отношенію простого народа.

Послѣдніе два положенія настолько ясны, что не требуютъ особыхъ поясненій.

Въ образованіи общественныхъ силъ страны, развитіи печати и ростѣ общественнаго мнѣнія, что въ сильной степени увеличитъ оборотъ и количество мыслей, вызываемыхъ каждымъ событіемъ въ жизни государства и его послѣдствіями. Огромная интеллигентная сила общества и свободная печать дадутъ возможность зорко слѣдить за всѣмъ происходящимъ, открыто обсуждать дѣла и подвергать ихъ разносторонней

критикѣ; силы эти, при необходимомъ регулированіи ихъ, могутъ оказать странѣ незамѣнимыя услуги.

До реформы 17 октября мы были поставлены въ крайне тяжелыя условія для развитія общественности—печать была придавлена, а ко всѣмъ дѣламъ и начинаніямъ, не исходившимъ сверху, власть относилась ревниво и подозрительно. Вслѣдствіе этого открытыхъ общественныхъ стремленій не могло и быть; если-же онѣ, несмотря на запретъ и удерживались, то только въ немногихъ кругахъ, да въ подпольѣ, причемъ въ послѣднемъ вырождались уже въ ненависть къ существующему строю и зачастую пріобрѣтали отвратительный характеръ разрушенія. Преслѣдуя общественность, подъ которой понималось чуть не всякое стремленіе къ выходу изъ тяжелаго положенія, правительство по истинѣ являлось слѣпою угрозою всему нарождающемуся и, наряду съ дѣйствительно вредными проявленіями ея, несомнѣнно глушило и много полезныхъ. И, надо думать, что въ числѣ причинъ современнаго безлюдья не послѣднее мѣсто занимаетъ и эта; „исканіе правды", столь свойственное русской душѣ, поглотило много идеализма, безпокойныхъ и энергичныхъ силъ.

Въ увеличеніи инициативы, самодѣятельности и самостоятельности, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества, что поведетъ къ тому, что эти необходимыя въ государственной и общественной жизни качества найдутъ болѣе справедливую оцѣнку и приложеніе къ дѣлу, а люди, ими обладающіе будутъ продвигаться впередъ и приносить существенную пользу. Настолько такія качества не поощрялись раньше мы видѣли уже выше.

Въ развитіи здороваго патріотизма народа; обусловлено это будетъ дарованіемъ ему правъ и заботами о его благосостояніи, послѣдствіями чего явятся большая привязанность къ своей государственности и довѣріе къ власти, въ которой населеніе будетъ видѣть представительницу своихъ интересовъ; такимъ образомъ патріотизмъ односторонній, „оффиціальный", возродится въ болѣе естественное и глубокое чувство русскаго народнаго патріотизма; и, повидимому, нѣтъ основаній опасаться, что развитіе нашего національнаго самосознанія выразится въ проявленіяхъ жесткаго эгоизма — для этого мы слишкомъ мягки, „всечеловѣчны".

До сихъ поръ это было иначе: значительная часть интеллигенціи относилась къ правительству съ полнымъ недовѣріемъ; казалось, что въ ея глазахъ самое понятіе о патріотизмѣ какъ-бы отожествлялось съ правительствомъ и, не довѣряя послѣднему, теряя надежды на лучшее, она какъ бы охладѣла къ этому чувству; и, вѣроятно, вслѣдствіе этого, въ настоящее время извѣстная часть нашего общества являетъ собою образцы непонятнаго равнодушія ко всему русскому. Что же касается до простонародья, то, несмотря на всю его темноту и бѣдность, никакъ нельзя сказать, чтобы чувства патріотизма заглохли въ немъ; я полагаю, что въ общемъ народъ—гораздо патріотичнѣе нашей интеллигенціи и въ тяжелыя минуты государственной жизни правительство всегда находило въ немъ отзывчивость, особенно тогда, когда остановка была ему понятна.

И, наконецъ,—Въ повышеніи общаго государственнаго сознанія и принадлежности,

которое может быть вызвано сравненіем инородческаго и иновѣрнаго населенія въ главнѣйшихъ правахъ и преимуществахъ съ кореннымъ; оно можетъ выразиться въ большемъ примиреніи и взаимной терпимости разныхъ національностей и исповѣданій, что будетъ содѣйствовать большей силѣ и сплоченности государства.

Необходимо, однако, замѣтить, что если въ самой народной массѣ, за немногими исключеніями, не наблюдается большой племенной и религіозной розни, то интеллигентные и полуинтеллигентные слои инородцевъ относятся по большей части враждебно къ нашей государственности; въ будущемъ-же, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, это настроеніе можетъ проникнуть и въ народную среду. И, помимо причинъ историческихъ, культурныхъ и другихъ, нѣтъ сомнѣнія, что враждебность эта во многомъ питалась и питается отсутствіемъ нравственной связи, государственныхъ интересовъ и тѣми праволишеніями, которыми ограничены нѣкоторые инородцы и иновѣрцы Россіи.

Таковыми представляются мнѣ послѣдствія, которыхъ надо ожидать въ будущемъ, отъ реформъ 17 Октября. Излагая ихъ, я былъ, однако, далекъ отъ мысли, что только онѣ приведутъ насъ къ полному благополучію, я предусматривалъ лишь наиболѣе вѣроятные ихъ результаты.

Съ другой стороны и представительный строй, какъ извѣстно, имѣетъ свои отрицательныя стороны; и, въ примѣненіи къ намъ, онѣ навѣрное скажутся больше чѣмъ гдѣ-либо. Поэтому я разсмотрю вкратцѣ тѣ невыгодныя и, вѣроятно, неизбѣжныя послѣдствія предпринятой ликвидаціи

стараго строя, которыя могутъ имѣть мѣсто и съ которыми приходиться уже считаться и теперь.

Начнемъ съ предвзятости, односторонности и неустойчивости многихъ основныхъ нравственныхъ понятій, столь свойственныхъ всѣмъ переходнымъ эпохамъ. При благопріятныхъ къ тому условіяхъ, это можетъ вести къ стремленію полной и рѣзкой „переоцѣнкѣ цѣнностей“, не сообразованной съ краткостью времени и степенью развитія народной массы.

Уже и въ настоящее время замѣчается сильное развитіе такихъ проявленій: условность правды и справедливости, полная безразборность въ выборѣ средствъ для осуществленія цѣлей, большое равнодушіе къ своей и чужой жизни и, наконецъ, — самое лютое ненавистничество, нисходящее порою прямо до звѣринаго уровня.

Затѣмъ, политиканство, партійность и сопряженныя съ ними — агитація и преслѣдованіе частныхъ цѣлей, не брезгуя никакими способами; при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ это можетъ вести къ нескончаемымъ раздорамъ и серіозно мѣшать созидательной работѣ, что несомнѣнно будетъ сильно отзываться на интересахъ страны.

Мы видимъ, что уже и теперь чуть не все общество распалось на множество партій, нерѣдко враждующихъ между собой; за партіями стало не видно людей, а эгоистичныя ихъ стремленія какъ бы заслоняютъ собою интересы страны; и, какъ это ни странно, но среди нихъ, повидимому, нѣтъ до сихъ поръ ни одной, которая преслѣдовала бы блага Россіи въ ея цѣломъ и прежде всего — своего-же, русскаго народа.

Укажемъ на склонность къ огульному, безразборному крититизму всего существующаго, къ такъ называемой ,,оппозиціи" во что-бы то ни стало. Это можетъ имѣть цѣлью не пользу дѣла, а преимущественно подрывъ довѣрія и дискредитированіе власти или противныхъ партій; при извѣстныхъ же условіяхъ эта склонность можетъ обратиться въ привычку, разстаться съ которой будетъ трудно. Несомнѣнно, критика необходима, но она должна исходить изъ чистыхъ источниковъ—помогать выясненію истины и облегчать созидательную работу, а не ограничиваться лишь злобой, отрицаніемъ и насмѣшкой.

И нельзя сказать, чтобы переживаемое время не грѣшило сильно въ этомъ направленіи; конечно, явленіе это имѣетъ свои причины и, вѣроятно, современемъ будетъ урегулировано, но теперь это ярко бросается въ глаза.

Отмѣтимъ разнузданность и злостное своеволіе, личное и массовое, въ которыя, при переходномъ времени и ослабленіи власти, можетъ выродиться пріобрѣтенная во многомъ самостоятельность и связанныя съ нею—самосознаніе и иниціатива; послѣднія качества слишкомъ еще непривычны для ,,вчерашняго раба", кружатъ ему голову и долго еще, быть—можетъ, будутъ проявляться въ нежелательныхъ, преимущественно, формахъ. Настоящее на каждомъ шагу заставляетъ сталкиваться съ этими грустными, но неизбѣжными явленіями.

Далѣе,—развитіе центробѣжныхъ въ государственномъ смыслѣ стремленій среди нѣкотораго инородческаго населенія, что можетъ быть обусловлено его историческою враждеб-

ностью къ Россіи, разностью культуръ, отсутствіемъ нравственныхъ связей и государственныхъ интересовъ. Нечего и говорить, насколько угрожающимъ можетъ явиться это въ теперешнюю смутную эпоху. Конечно, всему есть свои причины и оправданія; но безпристрастный свидѣтель происходящаго не можетъ не видѣть, что въ то время какъ мы, русскіе, издавна еще ратовали и добивались реформъ рѣшительно для всѣхъ, готовые даже поступаться интересами своихъ младшихъ братьевъ, нѣкоторые инородцы дѣйствовали въ рѣзко выраженномъ эгоистическомъ направленіи, безусловно вредномъ государственнымъ интересамъ Россіи и

Наконецъ,—огромное развитіе періодической печати, что, наряду съ благотворнымъ вліяніемъ, можетъ вести и къ обычнымъ отрицательнымъ сторонамъ—ложь, клевета, служеніе партійности, политиканство и возбуждающая пропаганда разныхъ направленій, цѣли которой могутъ быть и весьма сомнительны. Наша настоящая печать вполнѣ подтверждаетъ эти опасенія, тѣмъ болѣе, что не малая часть ея находится въ рукахъ и подъ вліяніемъ инородцевъ, преимущественно евреевъ, — націи своеобразной, которая, вѣроятно, еще долго не помирится съ характеромъ нашей государственности.

Все перечисленное здѣсь получаетъ особенно важное значеніе, если принять во вниманіе темноту и бѣдность населенія, въ огромной массѣ еще не подготовленнаго къ воспріятію новаго, обстановку, при которой дарованы были реформы, разноплеменность населенія Россіи и пре-

восходство культуры нѣкоторыхъ инородцевъ надъ кореннымъ ея населеніемъ.

Изъ приведеннаго выше слѣдуетъ заключить, что переходъ къ новому государственному и общественному укладу, сопряженный съ ломкою старыхъ, установившихся, порядковъ не можетъ пройти сразу и безъ значительныхъ потрясеній— потребуется время, жертвы и большая внутренняя работа; наконецъ и самый новый режимъ, какъ заключающій въ себѣ серіозные недостатки, будетъ далекъ отъ совершенства.

И хотя со всѣмъ этимъ и приходится считаться, но, надо думать, что время, опытъ и здравый смыслъ большинства составятъ такой солидный регуляторъ, что зло это не можетъ преодолѣть полезныхъ свойствъ новаго режима, главнымъ идейнымъ преимуществомъ котораго являются высокія гуманныя стремленія.

Трудное время приходится переживать теперь: съ одной стороны — недовѣріе къ власти и закону, накопленное долгими годами озлобленіе, недовольство и желаніе скорѣе улучшить свое положеніе, не соображаясь съ общимъ состояніемъ дѣлъ; съ другой—страхъ передъ революціей и омраченіе свѣтлыхъ идеаловъ движенія явленіями самой отвратительной ненависти. Развѣ не характерно для нашего времени, что такія слова какъ „русскій“ и „истинно-русскій“, „свобода“ и „освободительное движеніе“ — употребляются часто въ видѣ насмѣшки? Онѣ какъ-бы перестали обозначать соотвѣтствующія понятія. Что-же мудренаго, если при этомъ у однихъ

является полная безнадежность по отношенію къ верхамъ, сомнѣнія въ желательномъ исходѣ, а у другихъ—ожесточеніе даже противъ самой идеи новаго режима, которая чуть не олицетворяется со всѣми отрицательными проявленіями нашего времени? А каково-же положеніе простонародья, которое, стремясь къ удовлетворенію давнишнихъ нуждъ своихъ, совершенно уже лишено возможности разбираться въ явленіяхъ современной жизни и потому подпадаетъ часто вліянію злостныхъ подстрекателей, или фанатиковъ идеи?

Несомнѣнно, оцѣнивать значеніе происходящаго, намъ, современникамъ, трудно—частные вопросы и интересы какъ-бы заслоняютъ общую картину. Но тѣмъ не менѣе къ возможно справедливой оцѣнкѣ положенія надо стремиться, такъ какъ нельзя-же сводить всего къ злобамъ дня и не видѣть лѣса изъ за деревьевъ. Конечно, это не легко — мы слишкомъ рабы нашихъ предразсудковъ, намъ трудно отрѣшаться отъ взглядовъ, привитыхъ воспитаніемъ, средой и сословностью; и при всемъ томъ необходимо культивировать въ себѣ новыя понятія, учитывать время и стараться смотрѣть впередъ не заслѣпленными глазами.

17-го октября мы получили великую реформу и это несомнѣнно составитъ историческую эпоху въ жизни Россіи. Но можно-ли успокаиваться только на этомъ, предоставляя все времени и организаціонной работѣ?

Нѣтъ, этого еще мало.

Тотъ или иной способъ правленія и укладъ, конечно, имѣютъ огромное значеніе, но всѣ надежды нельзя обосновывать только на ихъ измѣненіи. Гораздо выше внѣшнихъ реформъ жизни

стоятъ основы духовнаго порядка—стремленіе къ нравственному совершенствованію каждаго человѣка и всего общества, что обусловливаетъ собою внутреннюю работу въ смыслѣ преобразованія нравственныхъ идей.

Дѣйствительно: какая конечная цѣль всякой государственной и общественной реформы? Стремленіе къ возможно лучшему устройству жизни отдѣльнаго человѣка, общества и государства и движеніе по пути культуры и прогресса. Но можно-ли достигнуть этого только организаціоннымъ путемъ и не нуждается-ли послѣдній въ основахъ, ведущихъ къ улучшенію самаго человѣка?

Недостаточно измѣнить только формы, не затронувъ духа, который неизмѣримо важнѣе ихъ; форма—только оболочка, неспособная сама по себѣ глубоко измѣнить существо человѣка, только болѣе благопріятное условіе для духовнаго роста.

Возьмемъ хоть нашъ старый режимъ: конечно, во многихъ недостаткахъ повиненъ онъ, но нельзя не согласиться, съ тѣмъ, что если-бы мы сами были, или стремились быть лучшими, то и вопросъ о томъ или другомъ укладѣ не имѣлъ-бы, вѣроятно, такой остроты, какъ теперь; можетъ быть все нужное и даже болѣе совершенное мы имѣли-бы гораздо раньше; при нашемъ-же нравственномъ уровнѣ, конечно, старый укладъ, который воспитывалъ насъ въ безправіи, произволѣ и несправедливости, сказывался вреднѣе, чѣмъ всякій другой.

Мы сами несемъ тяжелое заслуженное испытаніе, разница только въ степени вины—гораздо большая сверху и—меньшая внизу. Утерявъ нрав-

ственные устои, отойдя отъ нашей высокой вѣры, выродившейся въ обрядность, мы не умѣемъ теперь ни любить, ни прощать; у насъ нѣтъ высокихъ стремленій, мы—мелки, трусливы и холодны. И, развѣ, по идеи своей наша революція не есть протестъ противъ всего этого?

Промѣнявъ содержаніе на бездушную внѣшность, мы, однако, не могли оставаться пустыми; утерявъ вѣру, стали искать новой, точно также, отойдя отъ идеаловъ стараго режима, мы обратились къ другимъ. И явились новая вѣра и новые идеалы, но уже иного содержанія. Поэтому въ настоящее время необходима огромная нравственная работа каждому надъ собой, чтобы содержаніе вновь не выродилось-бы въ одну внѣшность. А это несомнѣнно произойдетъ, если мы ограничимся только формой и тогда новый режимъ будетъ уже не такимъ большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ прежнимъ, и во всякомъ случаѣ не такимъ, какимъ могъ-бы быть; если при старомъ укладѣ было попраніе правъ, произволъ и удушье, то, вѣдь и въ новомъ можетъ осуществиться тоже и разница будетъ только формальная, т. е. противъ кого будетъ это обращено.

Такимъ образомъ, наряду съ мѣрами организаціонными, нужна большая духовная работа, съ цѣлью улучшенія нравственныхъ основъ человѣка, для каковой новый режимъ несомнѣнно являетъ болѣе благопріятныя условія.

Въ этомъ — смыслъ и взаимное соотношеніе нравственныхъ основъ и новаго режима.

Я знаю, что говорить о нравственномъ совершенствованіи — задача неблагодарная по тепереш-

нему времени, когда все склонно придавать значеніе больше матеріализму и организаціи; тѣмъ не менѣе, вѣруя прежде и больше всего въ духовную сторону человѣка, особенно дорогую въ военномъ дѣлѣ, я считалъ нужнымъ нѣсколько остановиться на ней.

Теперь, отъ общаго вопроса перейдемъ къ частному, наиболѣе намъ, военнымъ, близкому.

Прежде всего спросимъ себя, должно-ли отразиться измѣненіе государственнаго режима на укладѣ нашей военной жизни, или-же духъ времени обойдетъ насъ, такъ какъ все это—„политика“, а мы къ ней не должны быть причастны? Быть можетъ, наконецъ, армія нуждается только въ своихъ, спеціальныхъ, мѣропріятіяхъ? И я думаю, что тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній: нельзя себѣ представить, что въ то время какъ страна получила реформу, которая глубоко отразится на всемъ ея укладѣ, одинъ военный міръ остался-бы неподвижнымъ; современная армія — тотъ-же народъ и, очевидно, что и мы не можемъ не сообразоваться съ реформами общегосударственнаго значенія; если-же это и случилось-бы, то намъ будетъ грозить не малая опасность—отстать отъ народа и духа времени, утерять съ ними связь; къ какимъ послѣдствіямъ это можетъ вести — понять не трудно.

Итакъ, нужна и военная реформа, притомъ тѣсно связанная съ общегосударственной и изъ нея исходящая; слѣдовательно, она должна прежде всего быть глубокой и не можетъ ограничиваться измѣненіями чисто военнаго характера — нужно и то и другое, какъ дополняющее другъ друга.

Какимъ-же образомъ и въ чемъ именно можетъ отразиться измѣненіе государственнаго режима на укладѣ нашей военной жизни?

Прежде всего, — общій подъемъ образованія въ странѣ непремѣнно отзовется и на военномъ составѣ, такъ какъ повлечетъ за собою повышеніе образовательной постановки въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ офицеровъ, да и солдатъ будетъ являться на службу болѣе развитымъ. Поэтому къ офицерскому составу арміи вообще, и въ частности, къ высшимъ начальникамъ, можно и должно будетъ предъявлять большія требованія въ смыслѣ знанія и воспитанія; что-же касается до солдата то его впослѣдствіе не придется учить и грамотѣ, а спеціальныя военныя знанія онъ будетъ усвоивать легче и скорѣе; слѣдовательно, его можно будетъ учить лучше и подготовлять въ болѣе короткое время, что повліяетъ въ будущемъ на дальнѣйщее уменьшеніе срока службы, т. е., иначе говоря, возрастетъ запасъ арміи и численность послѣдней въ военное время. Въ общемъ, высшая культура и развитіе народа повлекутъ за собою и повышеніе уровня военнаго дѣла.

Далѣе, —Подъемъ народнаго благосостоянія, вызванный большими заботами власти, ростомъ образованія и культуры, позволитъ, вѣроятно, обратить на содержаніе арміи и большія средства, безъ излишняго обремененія государственнаго бюджета. Слѣдовательно, явится возможность повысить матеріальное положеніе арміи, въ частности, офицеровъ и нижнихъ чиновъ на службѣ и по окончаніи ея; по отношенію-же къ офицерскому вопросу это, отчасти, можетъ по-

вліять на большій приливъ лицъ, желающихъ посвятять себя военной службѣ, такъ какъ таковая будетъ болѣе выгодною, съ чѣмъ приходится считаться.

Затѣмъ, — Дарованіе населенію свободъ, съ уничтоженіемъ сословности и связанныхъ съ ними преимуществъ, поставитъ массу въ болѣе выгодныя условія по отношенію къ развитію и дальнѣйшему ходу, т. е. значительно расширитъ кругъ для комплектованія офицеровъ; а изъ большаго числа можно будетъ дѣлать и лучшій во всѣхъ отношеніяхъ подборъ.

Кромѣ того, это-же будетъ способствовать культивированію въ обществѣ такихъ качествъ какъ иниціатива, самостоятельность и чувство собственнаго достоинства, столь дорогихъ въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ военная среда отражаетъ въ себѣ общество; а это, въ свою очередь, выразится въ измѣненіи военнаго обихода: излишне суровый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто недостаточно твердый, нерѣдко оскорбительный и притупляющій режимъ, невольно долженъ будетъ уступить мѣсто болѣе законному, мягкому, свободному въ лучшемъ значеніи слова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе твердому и опредѣленному.

И въ особенности рѣзко должно проявиться все это по отношенію къ солдату, который внѣ службы явится такимъ-же полноправнымъ гражданиномъ, какъ и офицеръ; слѣдовательно, тутъ уже неумѣстны будутъ обычная грубость обращенья, личныя услуги и т. д.

Оговорюсь, что упоминая здѣсь о грубости, я подразумѣваю подъ ней грубость, ничѣмъ не-

оправдываемую и не вызываемую, происходящую вслѣдствіе нашей малой культурности и неравноправія; нѣкоторая-же доза этого качества, въ смыслѣ категоричности и энергіи, неизбѣжно останется въ арміи, такъ какъ военное дѣло грубо ужъ по своему существу.

Развитіе въ арміи твердости, иниціативы и самостоятельности, при условіяхъ непремѣннаго регулированія этихъ качествъ, принесетъ службѣ огромную пользу.

Наконецъ, нельзя не сказать и о томъ, что сравненіе всего населенія въ правахъ и преимуществахъ несомнѣнно повлечетъ за собою постепенное уничтоженіе классовой неприязни и недовѣрія, обостренныхъ въ настоящее время; съ своей стороны, это дастъ въ результатѣ большее довѣріе и связь офицера съ солдатомъ, въ которомъ послѣдній до сихъ поръ еще склоненъ видѣть „барина“, что одно уже часто препятствуетъ ихъ взаимному сближенію.

Разсредоточеніе власти въ государственномъ отношеніи неминуемо поведетъ за собою и уменьшеніе централизаціи въ управленіи арміею, въ смыслѣ предоставленія низшимъ инстанціямъ большихъ правъ и средствъ. При извѣстномъ регулированіи высшаго управленія, это принесетъ большую пользу, такъ какъ низшіе органы стоятъ ближе къ войскамъ и лучше знаютъ ихъ бытъ и нужды; кромѣ того, это-же будетъ невольно способствовать большей самостоятельности въ распорядительномъ отношеніи, уменьшенію заѣдающей все переписки и упрощенію въ сношеніяхъ.

Нѣкоторый, хотя-бы и крайне ограниченный

контроль народнаго представительства по расходованію военнаго бюджета. Въ связи съ духомъ времени, свободой печати и развитіемъ военнаго самосознанія, это можетъ оказывать вліяніе на способы расходованія казенныхъ денегъ и, въ частности, на злоупотребленія, дѣлать которыя будетъ ужъ не такъ легко, а скрывать — много труднѣе.

Не пройдутъ безъ вліянія на военную среду и ростъ общественнаго мнѣнія и развитіе печати; послѣдствіемъ этого неизбѣжно явится и нарожденіе военно-общественнаго мнѣнія въ широкомъ, армейскомъ, и болѣе тѣсномъ смыслѣ,—въ предѣлахъ частей,—а также развитіе спеціальной печати; разумѣется, то и другое допустимо только въ той мѣрѣ, насколько это будетъ совмѣстимо съ духомъ военной службы.

Послѣдствіями развитія военной общественности и печати будутъ: большая чувствительность реагированія на жизнь и событія военнаго міра и, въ частности, по отношенію столь развитаго злоупотребленія казеннымъ интересомъ, а также существенная помощь въ дѣлѣ образованія и боевой подготовки арміи.

Конечно, все это потребуетъ болѣе тонкаго и развитого состава начальствующихъ лицъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во многомъ должно облегчить послѣднему и коррективъ служебной дѣятельности подчиненныхъ, такъ какъ оцѣнка послѣднихъ гораздо полнѣе и справедливѣе будетъ сдѣлана совмѣстно начальниками и товарищами, нежели одними первыми.

Большая популярность арміи и вообще военнаго дѣла въ населеніи, что будетъ обу-

словлено большимъ довѣріемъ къ власти и закону, представительницею силы коихъ является армія, измѣненіемъ военнаго режима, въ смыслѣ большей мягкости и справедливости послѣдняго и, наконецъ, — развитіемъ общей и военной печати. Поэтому, усилится связь населенія съ арміей и военнымъ міромъ вообще, а также облегчится подготовка къ войнѣ въ государственномъ отношеніи.

Общій ростъ патріотизма въ странѣ, конечно, отразится и на арміи, которая будетъ еще болѣе привязана къ своему отечеству и выступитъ, въ случаѣ нужды, на его защиту съ большею сознательностью и подъемомъ духа.

Наконецъ, — уравненіе въ правахъ инородцевъ и иновѣрцевъ поведетъ къ тому, что они меньше будутъ чуждаться и избѣгать военной службы; ослабленіе-же національной и религіозной розни дастъ арміи большую сплоченность, которая увеличитъ ея духовную силу.

Однако, наряду съ полезными послѣдствіями измѣненія общаго режима, въ арміи грозитъ появиться и многое другое, безусловно уже вредное и противное ея существу и духу.

Къ такимъ опаснымъ проявленіямъ надо отнести:

Партійность и агитацію, которыя будутъ, вѣроятно, стремиться проникнуть съ улицы въ казарму, чтобы деморализировать и привлечь армію на свою сторону; въ будущемъ надо считаться и съ возможнымъ развитіемъ антимилитаризма; вредъ всего этого настолько очевиденъ, что о немъ распространятся не приходится.

Излишнее вмѣшиваніе въ военныя дѣла со стороны общества, печати и даже са-

мого народнаго представительства, что можетъ имѣть сомнительныя цѣли и повлечь печальныя послѣдствія; въ частности, сюда-же надо отнести и возможныя проявленія сантиментализма по отношенію арміи и, въ особенности, нижнихъ чиновъ, въ который могутъ выродиться гуманныя стремленія общества, мало знакомаго съ службой и бытомъ войскъ.

Вредное направленіе военно-общественнаго мнѣнія и печати, что, при поддержкѣ извнѣ, можетъ обнаружиться въ формѣ сплошной, безразборной критики всѣхъ существующихъ государственныхъ и военныхъ порядковъ вообще и, въ частности, начальствующихъ лицъ; это въ свою очередь, можетъ вести къ подрыву основного устоя арміи—дисциплины.

Своеволіе и распущенность, въ которыя могутъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, обратиться иниціатива и самостоятельность, разъ онѣ не будутъ должнымъ образомъ регулированы; съ нѣкоторою-же дозою этихъ качествъ, вѣроятно, придется считаться при ежегодномъ пополненіи арміи новобранцами, такъ какъ простонародье вообще своеобразно понимаетъ свободу, а извѣстная часть его подпадаетъ вліянію агитаціи.

Все это представляетъ большую опасность для арміи и, въ особенности, для ея многочисленнаго, но болѣе слабаго состава — нижнихъ чиновъ, — систематически возбуждаемаго теперь противъ офицерскаго персонала. Поэтому справедливость, твердость и опредѣленность въ воспитаніи арміи, служебныхъ требованіяхъ и въ быту,—особенно необходимы въ наше неустойчивое время, полное неожиданностей и ошеломляю-

щихъ событій. Все это тѣмъ болѣе вѣрно, что переживаемая эпоха представляетъ странную смѣсь разнообразнѣйшихъ идей, чувствъ и ихъ проявленій, начиная съ высокихъ и увлекающихъ и кончая самыми грубыми и звѣрскими; такое время особенно дѣйствуетъ на неустойчивую молодежъ, воспріимчивость, которой теперь сильно повышена.

И первая, важнѣйшая, задача всѣхъ руководителей арміи—понять время и обстановку, отнестись къ нимъ возможно безпристрастно и непредубѣжденно, сохраняя необходимую твердость и спокойствіе.

Такимъ образомъ и въ арміи установленіе новаго режима ограничится не одними полезными свойствами его; и въ первое время, быть можетъ, онѣ скажутся даже въ болѣе отрицательной формѣ; но въ общемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что послѣдствія его будутъ благотворны для арміи.

Изъ приведеннаго выше сопоставленія полезныхъ и отрицательныхъ сторонъ новаго режима можно усмотрѣть, какъ осторожно и тонко нужно дѣйствовать руководителямъ арміи, чтобы, не допуская въ ней развитія всего вреднаго, противнаго ея силѣ и духу, не заглушать въ то-же время того, что будетъ необходимо, справедливо и послужитъ ей только на пользу,

Заканчивая этимъ разсужденіе о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ общей реформы на нашу военную жизнь, я остановлюсь нѣсколько на вопросѣ о нравственномъ совершенствованіи въ примѣненіи къ арміи,

Все то, что было сказано о немъ выше, цѣликомъ и даже еще въ большей степени должно быть отнесено и къ арміи; говорю въ боль-

шей потому, что если духовныя основы важны вездѣ, то въ нашемъ, военномъ, дѣлѣ,—которое прежде всего есть самоотреченіе и готовность къ смерти, — онѣ особенно господствуютъ надъ матеріальной стороной. Поэтому внутреннее, нравственное, возрожденіе арміи и должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ; разумѣется, крайне нужны и реформы организаціоннаго и матеріальнаго свойства, но онѣ должны, прежде всего, подчиняться нравственной сути военнаго дѣла, затѣмъ—быть цѣнными постолько, посколько ей содѣйствуютъ и, наконецъ,—выливаться въ такія формы, при которыхъ она можетъ быть осуществлена легче и полнѣе. Безъ этого—никакая реформа, даже самая совершенная—дѣлу не поможетъ; и чѣмъ больше будемъ мы заниматься только внѣшностью, средствами, забывая о внутреннемъ содержаніи,—тѣмъ дальше уйдемъ мы отъ него и тѣмъ рѣже будемъ заглядывать въ душу нашего воина.

Теперь я обращусь къ изслѣдованію современнаго состоянія арміи, назрѣвшихъ въ ней нуждъ и вопросовъ, а равно и тѣхъ реформъ, въ которыхъ она нуждается.

Понимая слово „армія" въ широкомъ смыслѣ, я начну свое изложеніе съ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ офицеровъ; потомъ перейду къ войскамъ и разсмотрю ихъ воспитаніе, образованіе, службу и бытъ офицера и солдата; затѣмъ скажу о боевой подготовкѣ арміи и подготовкѣ къ войнѣ; конецъ изслѣдованія будетъ посвященъ вопросу о военной реформѣ вообще.

Разборъ необходимыхъ реформъ излагается

послѣдовательно, сообразуясь съ указанной ниже программой, причемъ первая половина каждаго отдѣла послѣдней составитъ описаніе современнаго положенія дѣла, а вторая заключитъ въ себѣ выясненіе того, что и въ какой мѣрѣ необходимо; вопросы нравственнаго свойства, за сложностью ихъ выдѣленія въ особую главу и связью между ними и мѣропріятіями организаціонными, разсматриваются попутно съ послѣдними. Степень подробности изслѣдованія каждаго отдѣла обусловливается, отчасти, его значеніемъ, но, главнымъ образомъ, личнымъ моимъ знакомствомъ съ сущностью того или иного вопроса, такъ какъ я писалъ здѣсь преимущественно то, что узналъ, испыталъ и наблюдалъ самъ въ теченіе своей службы и считалъ болѣе важнымъ; во всякомъ случаѣ я стремился къ возможно полному и связному очерку нужныхъ, по моему мнѣнію, реформъ.

Программа изслѣдованія—такова:

I. Воспитательная и образовательная подготовка къ офицерскому званію.

II. Образовательная подготовка офицеровъ на службѣ.

III. Строевой офицерскій составъ; прохожденіе службы; бытъ.

IV. Воспитаніе и подготовительное образованіе солдата; бытъ.

V. Служба въ войскахъ вообще; обстановка и служебный режимъ.

VI. Боевая подготовка войскъ.

VII. Генеральный штабъ; его подготовка и прохожденіе службы. Штабная служба.

VIII. Подготовка къ войнѣ въ военномъ и государственномъ отношеніи.

и IX. О военныхъ реформахъ вообще.

Современное состояніе арміи; назрѣвшія въ ней нужды и вопросы. Необходимыя реформы и мѣропріятія въ военномъ вѣдомствѣ вообще.

I. Воспитательная и образовательная подготовка къ офицерскому званію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ: Кадетскіе корпуса, Военныя и Юнкерскія Училища.

Заведеніями, подготовляющими офицеровъ, служатъ: кадетскіе корпуса, военныя и разнаго рода юнкерскія училища. Изъ нихъ первые, какъ дающіе первоначальное направленіе и подготовку, являются основными; поэтому мы съ нихъ и начнемъ.

Кадетскіе корпуса.

а) Общая постановка.

Цѣль ихъ—давать будущимъ офицерамъ военное воспитаніе и общую образовательную подготовку; послѣдняя соотвѣтствуетъ, примѣрно, гимназической.

Корпуса, за исключеніемъ нѣсколькихъ,—заведенія строго сословныя, а по характеру своему—закрытыя. Въ общемъ, по духу, они—нѣчто среднее между прежними корпусами Николаевской эпохи и смѣнившими ихъ военными гимназіями временъ Милютина; въ нихъ, правда, нѣтъ той опредѣленной идеи и послѣдовательности, которыя были положены въ основу существовавшихъ

ранѣе военно-учебныхъ заведеній; но въ общемъ они ближе подходятъ къ старымъ корпусамъ.

Доступъ въ корпуса открытъ только для дѣтей дворянъ, офицеровъ и лицъ служащихъ по военно-учебному вѣдомству; пріемъ производится по конкурсу вступительнаго экзамена, а зачисленіе на казенный счетъ обусловливается заслугами родителей, успѣхами и поведеніемъ воспитанниковъ. Нѣсколько корпусовъ открыто для всѣхъ сословій, а одинъ (Пажескій) доступенъ лишь дѣтямъ особо заслуженныхъ родителей.

Такимъ образомъ важнѣйшимъ ограниченіемъ пріема въ корпуса является сословность. Это вполнѣ отвѣчало условіямъ прежняго времени, когда офицерскій составъ нашей арміи былъ исключительно дворянскимъ, и самое слово офицеръ являлось какъ-бы синонимомъ дворянина; теперь—не то: наряду съ воспитанниками корпусовъ и военныхъ училищъ, въ армію давно уже допущены и офицеры изъ разнаго рода юнкерскихъ училищъ, куда могутъ поступать лица всѣхъ сословій; притомъ, по числу, послѣднихъ въ арміи даже значительно больше, нежели первыхъ. Поэтому настоящій офицерскій составъ не является уже болѣе дворянскимъ, а—смѣшаннымъ и притомъ не только въ смыслѣ происхожденія, но и—полученной подготовки.

Я полагаю, что въ интересахъ арміи необходимо имѣть офицерскій составъ цѣльный, однородный по своему военному воспитанію и образованію; а этого, при современныхъ условіяхъ жизни, можно достигнуть только путемъ установленія однотипности заведеній, подготовляющихъ къ офицерскому званію. И, по моему мнѣнію, та-

кими единственными заведеніями должны остаться корпуса и ихъ необходимыя дополненія—военныя училища; военныя школы, юнкерскія и вообще всѣ училища, комплектуемыя пріемомъ со стороны, должны быть упразднены; къ этому вопросу я, впрочемъ, возвращусь еще ниже, въ главѣ о военныхъ училищахъ.

Такимъ образомъ первою мѣрою для достиженія однородности офицерскаго состава должна быть однотипность подготовительныхъ заведеній и, я полагаю, что эта мѣра дастъ большіе результаты, чѣмъ существующая въ корпусахъ сословность.

Дѣйствительно, нужно-ли въ настоящее время обусловливать ею пріемъ въ корпуса? Прежде, при томъ значеніи, которое имѣло дворянство—среда болѣе другихъ состоятельная, воспитанная и образованная, сильная своими традиціями,—это было дѣйствительно необходимо и вполнѣ отвѣчало духу эпохи. Но остается-ли это справедливымъ теперь, при совершенно измѣнившихся условіяхъ и не ограничиваемъ-ли мы тѣмъ самымъ возможность болѣе лучшаго офицерскаго подбора?

Я думаю, что, при условіи указанной выше однотипности подготовительныхъ заведеній, сохраненіе въ корпусахъ сословныхъ ограниченій будетъ только вреднымъ: оно лишитъ ихъ болѣе широкаго выбора, поведетъ къ излишнему изолированію офицерскаго состава отъ остальнаго общества и можетъ вызывать извѣстныя нареканія со стороны послѣдняго. Поэтому, желательно допустить въ корпуса дѣтей всѣхъ сословій, увеличивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преимущества по отношенію сыновей военныхъ, что будетъ совершенно

понятно и справедливо. Быть можетъ мѣра эта долгое время будетъ еще не вполнѣ осуществимою на практикѣ (напримѣръ, матеріальныя условія нѣкоторыхъ состояній, предубѣжденіе противъ военной службы въ извѣстной части общества и др.), но я не сомнѣваюсь, въ томъ, что въ будущемъ результаты ея скажутся вполнѣ осязательно и благотворно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, исходя изъ требованій однородности офицерскаго состава и продолжительности военнаго воспитанія, надо установить, что только извѣстное время пребыванія въ корпусѣ и училищѣ должно давать право на производство. Поэтому я полагаю, что пріемъ поступающихъ въ корпуса вообще долженъ быть ограниченъ тремя младшими классами; такимъ образомъ, считая и училище, молодые люди будутъ воспитываться не менѣе 6—7 лѣтъ (лишній годъ въ спеціальныхъ училищахъ), что, при лучшей постановкѣ этого важнаго дѣла, несомнѣнно послужитъ на пользу арміи.

Наконецъ, справедливымъ и естественнымъ является желаніе сравнять всѣ корпуса въ правахъ и преимуществахъ, рѣшающимъ условіемъ чего долженъ служить только успѣхъ въ наукахъ и соотвѣтствіе требованіямъ службы, а никакъ не заслуженность или особое положеніе родителей.

Въ числѣ мѣръ общей постановки дѣла подготовки къ офицерскому званію самою главною и неотложною является принятіе единаго типа такихъ заведеній, затѣмъ—уничтоженіе сословности въ корпусахъ и, наконецъ, сравненіе ихъ въ правахъ дальнѣйшей службы.

Наконецъ, ко всему этому я прибавилъ-бы

еще—стремленіе въ будущемъ, конечно, еще не близкомъ, разкрѣпостить корпуса, т. е. обратить ихъ въ заведенія открытыя; къ этому я, впрочемъ, еще возвращусь ниже.

б) Воспитаніе; составъ воспитателей; веденіе кадетъ, бытъ.

Дѣломъ воспитанія въ корпусахъ ближайшимъ образомъ вѣдаютъ ротные командиры и воспитатели, составъ коихъ комплектуется изъ строя, почти исключительно изъ лицъ, окончившихъ курсъ корпуса и военнаго училища; въ нѣкоторыхъ корпусахъ стремятся дѣлать подборъ офицеровъ изъ числа своихъ бывшихъ воспитанниковъ и склонны отдавать предпочтеніе академикамъ.

При безпросвѣтной постановкѣ нашей строевой службы въ арміи, попасть воспитателемъ въ корпусъ для многихъ и многихъ является весьма заманчивымъ: улучшеніе матеріальнаго и служебнаго положенія (быстрсе производство, казенная квартира, сокращенная пенсія), обезпеченіе воспитанія дѣтей, болѣе культурная жизнь въ лучшихъ городахъ и, наконецъ, избавленіе отъ непріятныхъ сторонъ существующаго режима въ строю,—все это ведетъ къ тому, что въ кандидатахъ на должность воспитателей недостатка не бываетъ.

Насколько-же соотвѣтственнымъ своему дѣлу является нашъ офицеръ въ роли воспитателя, какъ онъ готовится къ ней и, наконецъ, что служитъ мѣриломъ для предпочтенія одного кандидата другому?

Никакой спеціальной подготовки такой офицеръ не имѣетъ, такъ какъ до того онъ служилъ въ строю и вѣдалъ лишь воспитаніемъ солдатъ, что, конечно,—не одно и тоже; остаются, слѣ-

довательно, воспоминанія о лично пережитомъ, короткій срокъ прикомандированія „для испытанія“, почти всегда кончающагося въ пользу кандидата, да примѣръ старыхъ уже воспитателей. Что же касается до выбора, предпочтенія, то тутъ, какъ и вездѣ, все сводится преимущественно къ офиціальнымъ аттестаціямъ, связямъ, знакомствамъ и „усмотрѣніямъ“.

Я полагаю, что это является далеко недостаточнымъ для такого коренного и отвѣтственнаго дѣла, каковымъ является подготовка будущихъ офицеровъ; да и каждый-ли способенъ быть хорошимъ воспитателемъ?

Помочь этому, мнѣ кажется, можно слѣдующими мѣрами:

Обусловить выборъ офицеровъ на должность воспитателя прежде всего прослуженіемъ въ строю не менѣе 5-ти лѣтъ и полученіемъ аттестацій начальника и товарищеской, которыя удостовѣрили-бы полную соотвѣтственность кандидата службѣ воспитателя; меньшимъ срокомъ выслуги трудно ограничиться, такъ какъ слишкомъ молодой человѣкъ не годится быть воспитателемъ; что-же касается до товарищеской аттестаціи, то она безусловно поможетъ лучшему познанію и оцѣнкѣ офицера. Затѣмъ, — учредить особые военно-педагогическіе курсы продолжительностью въ 2—3 года, оканчаніе которыхъ давало-бы, до извѣстной степени, возможность подготовиться къ дѣлу воспитанія дѣтей еще до поступленія въ корпусъ *); конечно, одной этой подготовки недостаточно, особенно въ дѣлѣ, гдѣ чуть не все зи-

*) Военно-педагогическіе курсы существуютъ и въ настоящее время, но обставлены недостаточно широко.

ждется на духовныхъ свойствахъ человѣка, но несомнѣнно, что офицеръ, окончившій курсъ, будетъ располагать большими средствами въ смыслѣ знаній и подготовки къ обязанностямъ воспитателя. По окончаніи курса, офицеры прикомандировываются къ разнымъ корпусамъ, гдѣ испытываются нѣкоторое время (1—2 года) и, въ случаѣ годности (начальническая и товарищеская оцѣнка), переводятся на вакансіи, а въ обратно случаѣ— возвращаются въ войска.

Съ учрежденіемъ такихъ курсовъ, необходимо закрыть въ корпуса доступъ для академиковъ, такъ какъ они не будутъ имѣть преимуществъ, ни въ знаніяхъ, ни въ спеціальной подготовкѣ.

Но этого мало: служба воспитателя — такъ отвѣтственна и тяжела, что только немногіе способны нести ее съ пользою долгое время; обыкновенными послѣдствіями являются быстрое утомленіе, большая нервность и раздражительность, которыя нежелательны въ воспитателѣ. Поэтому, необходимо установить особое прибавочное жалованье за выслугу извѣстныхъ сроковъ (напримѣръ, начиная съ 10-ти лѣтъ) и еще большее противъ существующаго усиленіе пенсій; послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что переходъ офицеровъ корпуса въ строй, какъ и всѣхъ нестроевыхъ, было-бы желательно совершенно запретить.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманія на дальнѣйшее движеніе воспитателей по службѣ; я говорю о нерѣдкихъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ случаяхъ назначенія директорами, а иногда и

*) Во всякомъ случаѣ вопросъ о правѣ на таковой переходъ долженъ быть разработанъ въ связи съ чинопроизводствомъ, которое въ корпусахъ гораздо быстрѣе, нежели въ строю.

инспекторами, корпусовъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, или лицъ, окончившихъ артиллерiйскую академiю. Дѣйствительно, какiя основанiя къ такимъ назначенiямъ? Казалось бы, что люди эти, въ своемъ прошломъ, за рѣдкими исключенiями, ничѣмъ не были связаны съ дѣломъ воспитанiя и готовились къ иной совсѣмъ дѣятельности. За что-же, спрашивается, лишать преимуществъ тѣхъ лицъ, которыя посвятили воспитанiю кадетъ чуть не всю свою службу?

Несправедливое преимущество это должно быть отмѣнено теперь-же, такъ какъ всякое дѣло, а тѣмъ болѣе такое сложное какъ воспитанiе, требуетъ большой подготовки и, не зная его близко,— трудно быть хорошимъ директоромъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о воспитателяхъ, я нѣсколько коснусь и преподавателей. При военномъ исключительно составѣ первыхъ, вторые — почти всѣ люди штатскiе; врядъ-ли это желательно, такъ какъ, вѣдь, преподаватель есть тоже, до извѣстной степени, воспитатель и, съ своей стороны, нѣсколько влiяетъ на кадетъ, что при вѣроятномъ различiи въ воспитанiи и взглядяхъ не будетъ соотвѣтствовать цѣльности воспитанiя. Поэтому, желательно замѣнить въ корпусахъ, хотябы большинство штатскихъ преподавателей военными; конечно, невозможно, да и нѣтъ надобности дѣлать это сразу, но исподволь, сохраняя опредѣленное стремленiе; учрежденiе военно-педагогических курсовъ, при условiяхъ расширенiи ихъ цѣли, можетъ существенно облегчить такую замѣну.

Послѣдовательность намѣчаемыхъ мѣропрiятiй по части подготовки и службы воспитателей должна быть, полагаю, слѣдующая:

Прежде всего, — болѣе строгій подборъ и учрежденіе спеціальныхъ курсовъ для подготовки; затѣмъ—замѣщеніе всѣхъ высшихъ должностей по военно-учебному вѣдомству исключительно изъ персонала воспитателей; установленіе прибавокъ жалованья за выслугу извѣстныхъ сроковъ и усиленіе пенсій; наконецъ—постепенное замѣщеніе преподавательскаго состава офицерами.

Теперь я перейду къ воспитанію кадетъ, ихъ жизни и быту.

Думаю, что не ошибусь много, если скажу, что наше корпусное воспитаніе основывается больше на наружномъ наблюденіи за порядкомъ, запретительныхъ мѣрахъ и муштрѣ, нежели на внутренней связи офицера съ кадетомъ и руководствѣ душой послѣдняго. Въ рѣдкихъ, обыкновенно, случаяхъ воспитатель близокъ къ мальчику и непосредственно вліяетъ на него; гораздо большую роль играютъ тутъ давно и прочно установившія понятія и своя-же товарищеская среда.

Вѣроятно, всякій бывшій въ корпусѣ хорошо помнитъ ту традиціонную грубость въ отношенія старшихъ къ младшимъ и болѣе сильныхъ къ слабымъ—такъ называемые „закальничанье“, „изводъ“, а также вымогательства разнаго рода. По существующимъ обычаямъ, все это вполнѣ естествено, а „товарищескія“, якобы, понятія совершенно ограждаютъ интересы старшаго и болѣе сильнаго, который можетъ дѣлать все, что угодно; въ результатѣ—либо полная подавленность, либо, что рѣже, — жалоба, почти всегда кончающаяся кулачной расправой, отъ которой жалобщика ничто не избавитъ, да установленіе за нимъ презрительной клички „ябеды“.

Такое извращеніе товарищескихъ понятій ведетъ къ полному произволу, господству права сильнаго и безнаказанности, что, въ свою очередь, подрываетъ вѣру въ справедливость и способствуетъ, съ одной стороны, грубости и озлобленію, а съ другой—подавленности. И это, конечно, не остается безрезультатнымъ: оно проявляется нерѣдко и въ отношеніяхъ офицера къ солдату, сказывается во взглядѣ на жалобы нижнихъ чиновъ и т. д.

Конечно, о прошломъ обыкновенно вспоминается легко, иногда съ усмѣшкой, помнятся больше лучшія стороны, но въ свое время много горькаго пришлось переживать въ корпусѣ; и я думаю, что это—не только мое личное впечатлѣніе.

Излишнимъ, мнѣ кажется, является и обычное обращеніе (въ нѣкоторыхъ корпусахъ) воспитателей къ кадетамъ на „ты". Къ чему—это? Добро-бы еще оно служило показателемъ близости.

Казалось-бы, слѣдуетъ съ малыхъ лѣтъ развивать въ дѣтяхъ вѣру въ право, справедливость и отнюдь не вести ихъ грубо; иначе и они въ будущемъ неминуемо сдѣлаются такими-же по отношенію тѣхъ, кто будетъ ввѣренъ ихъ воспитанію. Это надо всегда помнить и теперь больше, чѣмъ когда нибудь.

Что-же нужно, чтобы предупредить эти явленія въ корпусѣ?

Отвѣтить на это возможно только тогда, когда извѣстны причины ихъ, а онѣ, я думаю, лежатъ въ слѣдующемъ:

Прежде всего,—въ установившихся прочно

традиціяхъ сословныхъ корпусовъ, сохранившихся еще съ Николаевскихъ временъ; затѣмъ, сказывается здѣсь несомнѣнно вліяніе духа закрытыхъ заведеній вообще и, наконецъ—недостаточно —близкія отношенія и связь воспитателей съ кадетами.

Для измѣненія этого нужно, чтобы офицеры стояли ближе къ воспитанникамъ, больше съ ними общались и вліяли на нихъ, что поселялобы взаимное довѣріе и обезпечивало-бы прочную связь; иначе жизнь кадета, какъ это и есть въ большинствѣ случаевъ, непремѣнно будетъ идти внѣ ихъ вліянія. Но возможность довѣрія и связи, кромѣ другихъ причинъ (удачнаго подбора воспитателей и т. д.) обусловливается также и тѣмъ числомъ кадетъ, которое приходится на одного воспитателя; а такъ какъ въ основѣ воспитанія лежитъ прежде всего познаніе, то, разумѣется, надо стремиться, чтобы это число было возможно меньшимъ; слѣдовательно составъ воспитателей—возможно большій.

Говоря о связи кадетъ съ ихъ ближайшими руководителями, нелишнимъ будетъ замѣтить, что въ старыхъ, дореформенныхъ, корпусахъ, при всей ихъ грубости, она была крѣпче, особенно по отношенію высшихъ чиновъ; стоитъ вспомнить горячія отношенія къ кадетамъ Государя Императора Николая I-го и Великаго Князя Михаила Павловича.

Помимо довѣрія и связи, не останется безъ вліянія на корпуса и отмѣна ихъ сословности, съ установленіемъ которой непривлядныя стороны ихъ жизни, надо думать, будутъ постепенно ослаблены. Это измѣненіе корпуснаго режима

требуетъ, однако, большой осторожности, такъ какъ, наряду съ дѣйствительно дурнымъ, можетъ уйти и много хорошаго; а положительными сторонами корпуснаго воспитанія безспорно являются: привычка къ дисциплинѣ, необходимое однообразіе, простота отношеній, нѣкоторыя проявленія дружбы, товарищество и т. д. Но коренного измѣненія режима кадетскихъ корпусовъ въ этомъ отношеніи можно ожидать только съ раскрѣпощеніемъ ихъ, т. е. обращеніемъ въ открытыя заведенія. Однако, въ настоящее время эта мѣра является во многихъ отношеніяхъ настолько невыполнимой, что о ней не можетъ быть и рѣчи; приходится только думать объ этомъ и имѣть его передъ собой во имя будущаго.

Въ основу кадетскаго воспитанія должно быть положено: развитіе чувства долга, товарищества и патріотизма въ лучшемъ значеніи этихъ словъ, образованіе характера, культивированіе рѣшительности, самодѣятельности и самостоятельности. Но этого еще недостаточно: наша грубая, въ извѣстномъ смыслѣ, спеціальность требуетъ готовности къ смерти, что обусловливаетъ развитіе отваги, великодушія и, наоборотъ—притупленіе чувства страха и эгоизма. Конечно, послѣднее — чрезвычайно трудно и сложно въ примѣненіи къ воспитанію дѣтей, особенно въ наше время, когда гуманизмъ сдѣлалъ уже такіе успѣхи, но стремленія эти непремѣнно должны быть заложены въ корпусѣ. И какъ на одинъ изъ наличныхъ задатковъ, могу указать на существующее тамъ и нынѣ товарищество; если его правильно поставить и развить до степени „братства", то это

будетъ огромный успѣхъ, который несомнѣнно облегчитъ достиженіе остального.

Я здѣсь упомянулъ именно о „братствѣ“, такъ какъ оно, вмѣстѣ съ чувствомъ долга и патріотизмомъ,—едва-ли не самый сильный стимулъ всякой военной корпораціи включительно до арміи, которая по существу своему должна быть ничѣмъ инымъ, какъ обширнымъ и правильно организованнымъ военнымъ „братствомъ“.

Какія-же средства могутъ вести къ достиженію этого?

Первое и самое важное—отличный подборъ офицеровъ, которые будутъ вести эту сложную работу. Затѣмъ,—ихъ личный примѣръ въ службѣ и жизни; тѣсная связь съ кадетами, умѣніе ихъ распознавать и направить, совершенно отрѣшившись отъ всякой „казенщины“ въ отношеніяхъ.

Разъ связь и довѣріе на лицо,—то и воспитатель явится среди кадетъ начальникомъ въ видѣ старшаго товарища; и только тогда онъ сможетъ владѣть сердцами и направлять ихъ въ нужную сторону.

Нравственная чистота, тѣсное братство, развитіе и подъемъ духа, привязанность къ родинѣ—таковы должны быть главнѣйшія стремленія офицера-воспитателя въ роли руководителя и старшаго товарища; не надо забывать и религіозной стороны, обращая вниманіе на ея суть, а не на внѣшнія только проявленія.

Затѣмъ, большинство насъ, русскихъ, страдаетъ отсутствіемъ воспитанія характера, столь необходимаго въ военномъ. И съ этой точки зрѣнія корпусъ, какъ и всѣ наши воспитательныя

заведенія, даетъ очень немного. Мало поощряются также и проявленія самодѣятельности и самостоятельности; въ корпусахъ даже замѣчаются стремленія къ излишнему нивеллированію и опекѣ кадетъ, путемъ ряда мѣръ запретительнаго, преимущественно, характера, что не способствуетъ выработкѣ инициативы и часто ведетъ къ стиранію характерныхъ чертъ.

Все изложенное выше указываетъ, какъ тяжела и отвѣтственна задача воспитателя и не первою-ли, поэтому, заботою военнаго вѣдомства должны быть кадетскіе корпуса и, въ частности, подготовка и положеніе педагогическаго ихъ состава?

Заканчивая этимъ о воспитаніи, я хочу сказать два слова о формѣ одежды и помѣщеніи кадетъ.

Необходимо дать имъ болѣе удобную форму; теперешній неуклюжій мундирчикъ, бушлатъ и шинель изъ твердаго сукна сильно стѣсняютъ быстро развивающійся дѣтскій организмъ. Какая нибудь тужурка или куртка изъ мягкаго сукна больше удовлетворяла-бы своему назначенію; въ пользу этого удобства слѣдовало-бы поступиться всѣми ненужными украшеніями вродѣ галуновъ и т. д.

Въ смыслѣ помѣщеній корпуса обставлены очень хорошо, нѣкоторые даже, пожалуй, излишне роскошно, что врядъ-ли согласуется съ духомъ военнаго воспитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что существующія огромныя зданія корпусовъ, особенно первое время, производятъ какое-то мрачное впечатлѣніе; отъ нихъ какъ-бы вѣетъ холодомъ и казенщиной.

Нельзя сказать того-же о пищѣ, которая не вездѣ и не всегда бываетъ соотвѣтствующей установленному значительному отпуску на продовольствіе; причины—извѣстныя: съ одной стороны—недостатокъ наблюденія, излишнія траты на показную сторону и удовольствія кадетъ, съ другой—обычная повадка господъ экономовъ, личное благосостояніе коихъ часто сильно возрастаетъ за счетъ кадетскаго желудка.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о воспитаніи кадетъ, неразрывно связаннымъ съ составомъ воспитателей, важнѣйшимъ дѣломъ является измѣненіе самой системы путемъ перенесенія центра тяжести ея съ внѣшнихъ, преимущественно, проявленій на сущность и духъ, что, конечно, потребуетъ тонкаго, отборнаго состава руководителей и не можетъ быть осуществлено сразу.

в) Образованіе.

Вопросъ этотъ, съ которымъ такъ часто приходится считаться теперь,—общій: какъ извѣстно, постановка образованія нашей средней школы требуетъ многихъ измѣненій и, разумѣется, корпуса не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Относительно современной постановки образованія надо замѣтить слѣдующее: курсъ корпуса не расходится много съ програмой гимназій и это, я думаю, надо признать правильнымъ, такъ какъ въ смыслѣ образованія онъ есть средне-учебное заведеніе; въ немъ не должно быть спеціально военныхъ предметовъ, но важнѣйшіе изъ общеобразовательныхъ не могутъ быть обойдены.

Особенно слабыми, сравнительно, мѣстами явля-

ется въ корпусахъ, вѣроятно, какъ и въ прочихъ заведеніяхъ, постановка преподаванія Закона Божьяго, Исторіи, Географіи и иностранныхъ языковъ.

Законъ Божій приходится удивительно сухо и бездушно: суть ученія Христа ускользаетъ обыкновенно за обиліемъ мало-понятныхъ и едва-ли нужныхъ текстовъ катехизиза; поэтому, изученіе этого предмета не идетъ глубоко внутрь, а только скользитъ въ памяти кадета, не оставляя въ немъ прочныхъ слѣдовъ. А между тѣмъ предметъ этотъ — несравнимъ съ другими по своей важности: вѣдь, главная обязанность священника— пояснять и культивировать въ своихъ слушателяхъ идею христіанства, развивать въ нихъ высшія стороны человѣческаго духа и стремиться низвести до minimum'а дурныя склонности; священникъ больше, чѣмъ какой-нибудь другой учитель, есть воспитатель и труды его должны идти рука объ руку съ офицеромъ. И по формѣ преподаванія Законъ Божій долженъ быть не „урокомъ", а—живою, интересною бесѣдою учителя съ учениками. Отсюда, какъ выводы: первый,— что не всякій священникъ можетъ быть „духовнымъ отцомъ" въ полномъ смыслѣ слова — необходимъ строгій выборъ и второй — что священнику нужно хорошо знать кадетъ, т. е. онъ долженъ быть не одинъ; поэтому надо желать, чтобы по крайней мѣрѣ каждая рота кадетъ имѣла-бы своего духовнаго учителя.

Конечно, можно спорить о томъ, нужно-ли вообще преподаваніе Закона Божьяго въ корпусахъ, но разъ это признается необходимымъ, то должно сдѣлать такъ, чтобы оно не вырождалось

въ скучную и обременительную для памяти формальность.

Почти тоже приходится сказать о Географіи и Исторіи. Основательная постановка и знаніе этихъ предметовъ чрезвычайна важна въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ ведетъ къ познанію своей родины въ широкомъ смыслѣ, зарожденію интереса къ ея судьбамъ и въ результатѣ,—къ поднятію патріотизма. А между тѣмъ предметы эти приходится въ корпусахъ довольно шаблонно: по географіи—это преимущественно только практика для памяти въ видѣ длинныхъ перечней рѣкъ, заливовъ и т. д., а по исторіи—сухое изложеніе и хронологія; если къ этому прибавимъ еще, что русская географія и исторія недостаточно выдѣляются по своей важности, да полную нивеллировку и безцвѣтность въ оцѣнкѣ событій и странъ по ихъ значенію, то станетъ яснымъ, что такое изученіе приноситъ мало пользы. И это, конечно, сказывается — наши офицеры, въ общей массѣ, плохо помнятъ исторію Россіи и недостаточно знакомы съ ея географіей.

Для лучшей постановки этихъ предметовъ, прежде всего нужны широко образованные учителя, а по географіи, кромѣ того и личное знакомство ихъ съ важнѣйшими мѣстами нашего отечества; курсы должны быть созданы такъ, чтобы на Россію и русскихъ было-бы обращено гораздо большее вниманіе, сравнительно съ прочими странами и народами; въ нихъ тщательно должно быть отдѣлено важное отъ неважнаго, а самое преподаваніе поставлено въ полную взаимную связь и постепенность прохожденія. Кромѣ того, по Исторіи надо задаваться цѣлью знакомить

слушателей съ ходомъ развитія культуры и цивилизаціи въ той или иной странѣ, не упуская параллельныхъ сравненій, а не ограничиваться только перечнями царствовавшихъ династій и происшедшихъ событій. Наконецъ, какъ общее заключеніе— оба эти предмета должны давать представленіе объ особенностяхъ нашей исторической жизни, страны, государственнаго и народнаго склада. И только при такой постановкѣ, при горячей любви къ дѣлу, исторія и географія дѣйствительно дадутъ въ результатѣ знанія и интересъ къ отечеству и будутъ способствовать развитію патріотизма.

Мнѣ остается еще сказать объ иностранныхъ языкахъ; результаты ихъ изученія въ корпусахъ обыкновенно крайне незначительны — въ общемъ кадеты ихъ не любятъ и традиціонно не знаютъ; не преувеличеніемъ будетъ, если скажу, что рѣдко кто выноситъ удовлетворительныя знанія при окончаніи, но пріобрѣтенныя еще до корпуса—тамъ забываются съ успѣхомъ [1]). А между тѣмъ годъ отъ году необходимость изученія иностранныхъ языковъ все растетъ и дѣлается болѣе осязательной, приходится подумывать не только о французскомъ, нѣмецкомъ, а и о другихъ; ктому-же языкамъ вообще, какъ извѣстно, легче и скорѣе всего можно выучиться именно съ малыхъ лѣтъ.

Какія же причины такихъ отношеній и результатовъ? Не берусь утверждать окончательно, но, сколько знаю и испыталъ на себѣ—дѣло въ преподаваніи: скромность пріемныхъ требованій, от-

---

[1]) Исключеніемъ въ этомъ отношеніи является Пажескій корпусъ, воспитанники коего обыкновенно хорошо владѣютъ языками.

сутствіе практики въ самомъ корпусѣ, неудачный часто подборъ учителей, сплошь, да рядомъ дурно и смѣшно говорящихъ по русски — вотъ вѣроятныя причины этого; сюда остается прибавить, развѣ, издавна господствующій среди кадетъ взглядъ на излишность или неважность знанія языковъ, пренебреженіе, вслѣдствіи чего занимаются ими гораздо меньше, нежели другими предметами.

Помочь этому дѣлу можно прежде всего подборомъ учителей, установленіемъ обязательной практики во время уроковъ и нѣкоторымъ повышеніемъ вступительнаго ценза; въ будущемъ можно будетъ предъявлять болѣе серіозныя въ этомъ отношеніи требованія и къ воспитателямъ, что дастъ возможность болѣе широкой практики.

Переходя къ общей постановкѣ образованія въ корпусахъ, я отмѣчу прежде всего недостатокъ самодѣятельности и нѣкоторую грубость, такъ сказать, неуклюжесть умственнаго развитія кадетъ. Необходимо обставить ее такъ, чтобы она болѣе развивала умъ, пріучала-бы его къ правильному мышленію и вырабатывала бы въ нихъ широту, смѣлость и непредубѣжденность взглядовъ; корпусъ долженъ заложить въ умахъ своихъ воспитанниковъ такія основы, отправляясь отъ которыхъ они могли-бы идти по пути дальнѣйшаго совершенствованія.

Такимъ образомъ, по части образованія въ корпусахъ, необходимыми являются указанныя измѣненія въ характерѣ общей постановки дѣла и, въ частности—въ преподаваніи Закона Божьяго, Исторіи, Географіи и иностранныхъ языковъ.

г) Выпускъ.

Кадеты, окончившіе курсъ корпуса, распредѣляются по разнымъ военнымъ училищамъ; при этомъ, лучшіе по успѣхамъ попадаютъ въ такъ называемыя „специальныя" училища—артиллерійскія и инженерное, а остальные – въ пѣхотныя; въ кавалерійское училище идутъ, по установившемуся обычаю, преимущественно состоятельные; наконецъ—совершенно незначительная часть поступаетъ въ высшія гражданскія заведенія.

Относительно этихъ распредѣленій можно замѣтить слѣдующее: безспорно, артиллерійскія училища (какъ и инженерное) требуютъ лучшей подготовки и большихъ способностей къ наукамъ, по крайней мѣрѣ къ математическимъ; однако, на практикѣ однимъ изъ послѣдствій такого отбора являлось то, что выпуски изъ артиллерійскихъ училищъ какъ-бы пропадаютъ для строя, потому, что большинство уходитъ въ различныя академіи или устраивается иначе; и какъ это ни странно, служилый составъ нашей артиллеріи, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, составляли преимущественно офицеры изъ пѣхотныхъ училищъ; явленіе это и было, вѣроятно, одною изъ причинъ учрежденія второго артиллерійскаго училища (Константиновскаго).

Стремленія лучшихъ кадетъ въ специальныя училища вполнѣ понятны; онѣ объясняюся лучшею учебною постановкою послѣднихъ, дающею возможность впослѣдствіе легче подготовиться въ соотвѣтствующія академіи, установившимися традиціями считать службу и среду артиллеріи и инженерныхъ войскъ выше и „чище", нежели въ пѣхотѣ и, наконецъ, отчасти, подобными-же взгля-

дами, существующими и въ обществѣ. И хотя все это, конечно, имѣетъ свои основанія, но мириться съ такими взглядами, мнѣ кажется, не слѣдуетъ—армейская пѣхота и безъ того уже обездолена у насъ во всемъ—офицерство сбродное, солдатскій составъ хуже, чѣмъ въ прочихъ службахъ, режимъ—построже, а форма—сѣрѣе, нежели гдѣ либо. Въ своемъ мѣстѣ я скажу объ этомъ подробнѣе, здѣсь-же ограничусь только замѣчаніемъ, что такое чужданіе пѣхоты должно вызвать мѣры къ соотвѣтствующему подъему ея значенія въ арміи; и въ этомъ отношеніи первою мѣрою будетъ безспорно созданіе однороднаго офицерскаго состава вообще, что явится особенно важнымъ именно для пѣхоты.

Поступленіе въ кавалерійское училище обусловливается, помимо желанія, едва-ли не въ большей степени имѣющимися средствамии, такъ какъ, по господствующимъ и теперь еще взглядамъ, въ кавалерію могутъ идти только состоятельные. Такъ это и бываетъ на дѣлѣ, хотя и меньше чѣмъ прежде; и много лицъ, способныхъ и желающихъ служить въ кавалеріи, вынуждены отказываться отъ этого.

Мнѣ кажется, что явленіе это, имѣвшее свои основанія прежде, нынѣ потеряло всякій смыслъ и только препятствуетъ болѣе широкому выбору для комплектованія кавалерійскаго училища. Поэтому является необходимымъ фактически установить, чтобы въ училище допускался-бы каждый кто хочетъ и будетъ признанъ способнымъ къ конной службѣ, такъ какъ теперь многіе смущаются предстоящими расходами, какъ въ училищѣ, такъ и на службѣ; если желающихъ будетъ слиш-

комъ много и потребуется конкурсъ, то справедливѣе рѣшать исходъ его путемъ предпочтенія лучшей научной подготовкѣ. Надо думать, что такой способъ выбора дастъ болѣе лучшій во всѣхъ отношеніяхъ составъ.

Совершенно на особыхъ, сравнительно съ другими, основаніяхъ поставлены Пажескій и Николаевскій корпуса. Первый изъ нихъ имѣетъ спеціальные классы, соотвѣтствующіе военнымъ училищамъ, при самомъ корпусѣ, а второй является какъ-бы подготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ кавалерійское училище. Преимущества, данныя этимъ „привиллегированнымъ" корпусамъ, какъ не имѣющія никакихъ основаній, должны быть отмѣнены и всѣ корпуса сравнены въ правахъ выпуска; теперешнее же ихъ положеніе ведетъ только къ тому, что питомцы ихъ захватываютъ значительную часть гвардейскихъ и кавалерійскихъ вакансій; кромѣ того, они склонны смотрѣть свысока на остальныхъ юнкеровъ, особенно пѣхотныхъ, для коихъ существуютъ даже особыя нелестныя клички, что въ свою очередь вынуждаетъ и послѣднихъ косо смотрѣть на кавалеристовъ; такія отношенія, разумѣется, служатъ не въ пользу необходимой между офицерами связи.

При выпускѣ изъ корпусовъ слѣдуетъ оставлять извѣстный клапанъ для выхода съ военной службы людей, почему либо къ ней не склонныхъ, или нездоровыхъ. Дѣйствительно, при условіи поступленія въ корпуса въ лѣтахъ несознательныхъ, трудно допустить, чтобы между всѣми воспитанниками ихъ не нашлось-бы впослѣдствіе такихъ, которые рѣшатъ устроить свою судьбу иначе. И хотя это и нежелательно для заведеній,

столько лѣтъ трудившихся надъ подготовкой ихъ, но, вѣдь, въ тысячу разъ важнѣе предохранить службу отъ людей, не сочувствующихъ ей и, быть можетъ, даже совсѣмъ не подходящихъ.

И такой законный выходъ тѣмъ болѣе необходимъ, что корпуса, какъ заведенія корпоративныя и замкнутыя, накладываютъ на своихъ воспитанниковъ нѣкоторый естественный отпечатокъ стадности; вслѣдствіе этого, многіе бываютъ склонны колебаться въ вопросѣ объ окончательномъ рѣшеніи своей участи и часто только въ силу такихъ колебаній, или опасеній отбывать службу въ войскахъ, переходятъ въ училища.

Поэтому, я полагаю, что кадетамъ надо предоставить самимъ свободно рѣшать вопросъ о выборѣ карьеры по окончаніи корпуса, не насилуя ихъ обязательной военной службой. И право при этомъ больше шансовъ, что всѣ нежелающіе и неподходящіе будутъ отходить въ сторону, отчего выиграетъ только служба и они сами. И если принять во вниманіе ту-же замкнутость и корпоративность корпусовъ, то надо думать, что такихъ будетъ не много; быть можетъ даже число ихъ еще уменьшится, вслѣдствіе измѣненія корпуснаго режима и постановки воспитанія, о которыхъ я говорилъ выше.

Съ другой стороны, какъ бы не обставлять корпуса, но всегда найдутся люди, которые почему либо не могли попасть туда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ стремиться въ военныя училища. Слѣдуетъ-ли отказывать имъ, основываясь на томъ принципѣ, что офицеромъ можетъ быть только тотъ, кто былъ въ корпусѣ?

Я думаю, что, оставляя указанный принципъ

въ полной силѣ вообще, слѣдуетъ допустить, чтобы небольшой процентъ вакансій предоставлялся-бы желающимъ поступить въ училища со стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не заполнены кадетами; здѣсь конечно, будетъ необходимъ строгій отборъ путемъ конкурснаго экзамена и тщательныхъ справокъ о личности поступающаго.

Такой частичный пріемъ въ училища не послужитъ къ вреду, по незначительности удѣляемаго процента; достаточное же число желающихъ явится вполнѣ вѣроятнымъ, въ виду закрытія юнкерскихъ училищъ.

Заканчивая этимъ о кадетскихъ корпусахъ, я хочу высказать, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ они, въ общемъ, поставлены довольно хорошо и своему назначенію удовлетворяютъ; и въ какихъ-бы измѣненіяхъ они не нуждались, но несомнѣнно одно, что не въ нихъ надо искать корней главнѣйшихъ недостатковъ нашего офицерскаго состава.

Военныя училища.

Заведеніями, непосредственно выпускающими офицеровъ, являются разнаго рода училища— военныя, юнкерскія и съ военно-училищными курсами.

а) Общая постановка.

Выше было указано, что нашъ офицерскій составъ является неоднороднымъ, что объясняется различіемъ въ принятыхъ способахъ его комплектованія.

Въ арміи, наряду съ офицерами, вышедшими изъ корпусовъ и военныхъ училищъ, служатъ и лица, отбывавшіе повинность вольноопредѣляющимися, и достигающіе офицерскаго званія путемъ

окончанія юнкерскихъ училищъ; наконецъ, есть офицеры, получившіе военную подготовку только въ училищахъ (съ военно-училищнымъ курсомъ); при этомъ, училища двухъ послѣднихъ категорій пополняются на разныхъ основаніяхъ бывшими воспитанниками всевозможныхъ учебныхъ заведеній.

Что интересы арміи требуютъ цѣльности офицерскаго состава—никто оспаривать не будетъ, но вопросъ о способѣ достиженія этого вызываетъ большое разногласіе: одни бракуютъ систему корпусовъ и военныхъ училищъ, которая не даетъ возможности ознакомиться со службою и бытомъ солдатъ до производства; другіе—недовольны пестротою состава, уровнемъ развитія и подготовкою, которую даютъ юнкерскія училища. Не меньше противуположныхъ мнѣній высказывается и по поводу того, нужно-ли спеціальное военное воспитаніе съ малолѣтства, или-же достаточно ограничиться 2—3 годами въ юношескомъ уже возрастѣ.

Съ своей стороны, полагаю, что наиболѣе удачнымъ единымъ типомъ заведеній, подготовляющихъ къ офицерскому званію, надо признать корпуса и военныя училища; правда, эта система имѣетъ свои невыгоды и нуждается въ серьезныхъ поправкахъ, но недостатки ея, какъ мнѣ кажется, не могутъ идти въ сравненіи съ серіозными отрицательными сторонами, которыя являетъ собою система юнкерскихъ училищъ. Дѣйствительно:

Для подготовки всякаго спеціалиста требуется продолжительное время, а въ примѣненіи къ военной службѣ,—гдѣ самое важное воспитать духовную сторону человѣка,—это особенно важно. Конечно, сознательное военное воспитаніе не начинается

съ первыхъ-же шаговъ въ корпусѣ; однако, несомнѣнно, что, соприкасаясь постоянно и въ теченіе большаго времени съ извѣстными требованіями, взглядами и привычками военнаго режима и обихода, кадетъ невольно проникается ими и, ко времени выхода изъ училища, усвоитъ ихъ тверже, нежели тотъ, у кого вся военная подготовка сводится иногда къ 2-хъ—3-хъ лѣтнему пребыванію въ училищѣ, притомъ зачастую уже въ возврастѣ близкомъ къ совершеннолѣтію. Но этого мало: воспитанники корпуса и военнаго училища, при совершенно одинаковомъ воспитаніи, несомнѣнно придадутъ большее однообразіе офицерскому составу, нежели сборный и случайный во всѣхъ отношеніяхъ комплектъ юнкерскихъ училищъ, значительную часть котораго составляютъ люди, которымъ некуда больше дѣться.

Подтвержденіемъ всего сказаннаго служитъ сама дѣйствительность: въ тѣхъ родахъ службы или частяхъ, гдѣ составъ офицеровъ, такъ или иначе, подобранъ, однообразенъ—онъ несомнѣнно лучше и выше: стоитъ сравнить, напримѣръ, составъ гвардейскаго полка, артиллерійской, или инженерной части съ любымъ армейскимъ полкомъ; да и въ самой арміи, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ служатъ больше воспитанниковъ корпусовъ и военныхъ училищъ,—лучшимъ, болѣе однообразнымъ и сплоченнымъ является и офицерскій составъ; отсюда—большая крѣпость традицій въ такихъ частяхъ и, прибавимъ,—и иныя отношенія къ солдату.

Корпусамъ и военнымъ училищамъ часто ставятъ въ упрекъ „непрактичность" выпускаемыхъ ими офицеровъ.

Да, конечно, это такъ—въ смыслѣ знанія

солдата и войскового обихода они несомнѣнно уступаютъ бывшимъ вольноопредѣляющимся, по крайней мѣрѣ первое время. Но, я думаю, что для службы, едва-ли, менѣе важно получить офицеровъ лучше воспитанныхъ въ военномъ отношеніи, нежели хотя и совершенно „готовыхъ“ къ исполненію всего военнаго обихода, но уступающихъ первымъ въ смыслѣ подготовки духа. Ни одно заведеніе не въ состояніи дать вполнѣ „готоваго“ офицера, да это и не его задача: оно прежде всего должно воспитать офицера, снабдить его необходимыми познаніями и заложить въ немъ отправныя данныя для дальнѣйшаго совершенствованія; окончательная же обработка и развитіе офицера—дѣло службы и его самаго. Поэтому, съ нѣкоторой „непрактичностью“ только что прибывшаго въ часть и совѣмъ не жившаго еще офицера—приходится мириться какъ съ явленіемъ, до нѣкоторой степени, естественнымъ; надо только его направить какъ слѣдуетъ, что и составляетъ важную обязанность командира части, прямыхъ начальниковъ и всего общества офицеровъ.

За всѣмъ этимъ, дѣйствительно является необходимымъ, чтобы юнкера военныхъ училищъ, еще до производства, хотя-бы отчасти, знакомились съ солдатомъ; объ этомъ, впрочемъ, я скажу ниже.

Такимъ образомъ, во имя необходимаго въ арміи однообразія и болѣе прочнаго воспитанія офицерскаго состава, я полагаю необходимымъ совершенно упразднить всякаго рода юнкерскія училища и признать единымъ типомъ подготовительныхъ для офицеровъ заведеній—корпусъ и военное училище. Какъ было уже указано выше,

при сохраненіи этого принципа, полезно допустить къ пріему въ военныя училища небольшой процентъ лицъ со стороны; малое ихъ, относительно, число и строгій выборъ, который можно будетъ дѣлать при пріемѣ, послужатъ гарантіями того, что элементы эти совершенно сольются съ огромнымъ большинствомъ кадетскаго состава училищъ.

Одновременно съ послѣдовательнымъ уничтоженіемъ юнкерскихъ училищъ, должно быть увеличено число корпусовъ и военныхъ училищъ и притомъ въ мѣрѣ, соотвѣтствующей средней ежегодной потребности арміи въ офицерахъ.

Существующія военныя училища, въ общемъ, поставлены хорошо и цѣли своей удовлетворяютъ вполнѣ; въ смыслѣ постановки дѣла я выразилъ бы лишь слѣдующія пожеланія;

Въ видахъ большаго однообразія офицерскаго корпуса въ арміи вообще и, въ частности, въ разныхъ родахъ оружія, — слѣдовало-бы лицъ, окончивающихъ курсъ корпуса, не разбивать по спеціальностямъ тотчасъ-же, какъ это дѣлается теперь, а собирать на годъ въ общія военныя училища, послѣ чего уже распредѣлять сообразно съ ихъ желаніями, обнаружившимися склонностями и успѣхами; въ теченіе этого года юнкерамъ должны быть привиты общія понятія о военномъ воспитаніи, дисциплинѣ и службѣ. При этомъ условіи получится большое однообразіе въ смыслѣ объединенія основныхъ военныхъ понятій, болѣе твердая связь и товарищество родовъ оружія; это, наконецъ, дастъ и большія гарантіи въ правильности выбора дальнѣйшей спеціальности.

Военная подготовка такихъ училищъ должна носить общій характеръ, т. е. не принаровленный спеціально къ какому-либо роду оружія и соотвѣтствовать, примѣрно, уменьшенной и нѣсколько измѣненной программѣ младшаго класса пѣхотныхъ училищъ. По распредѣленіи въ спеціальныя училища, юнкера должны проходить тамъ тѣже 2-хъ—3-хъ лѣтніе курсы, какъ и теперь.

Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ нашей арміи является отсутствіе товарищества между родами оружія, часто переходящее въ открытые нелады. А между тѣмъ вопросъ этотъ очень важенъ и все, что ведетъ къ благопріятному его разрѣшенію,—должно быть сдѣлано.

Въ тѣхъ-же видахъ я хотѣлъ упомянуть здѣсь и о названіи—„спеціальныя" училища; не пора-ли отрѣшиться отъ нихъ и принять, что пѣхота, если ужъ на то пошло,—такая-же спеціальность, какъ и артиллерія, инженерныя войска? Разумѣется, дѣло не въ выраженіяхъ, и я упомянулъ объ этомъ только потому, что на пѣхоту у насъ вообще смотрятъ какъ-то свысока: „ученый" кантъ, синіе штаны, шпоры – все это, якобы, даетъ право смотрѣть сверху на пѣхотную сѣрость.

Конечно, такіе взгляды имѣли, да и теперь еще имѣютъ, свои причины, но надо-же стремиться сравнить положеніе пѣхоты съ другими родами оружія рѣшителъно во всемъ, до мелочей включительно; будемъ помнить, что она — главная сила арміи, служба которой и потери въ военное время—гораздо тяжелѣе, нежели какого-либо другого рода оружія и службы.

Вопросъ о привлеченіи выпускныхъ юнкеровъ

въ войска, съ цѣлью ознакомить ихъ, еще до производства, съ жизнью и службой арміи и, въ частности, нижнихъ чиновъ, — обсуждался не разъ; при всей желательности его разрѣшенія, таковое сильно затрудняется въ чисто-техническомъ отношеніи (распредѣленіе по частямъ, переѣзды, положеніе юнкеровъ въ частяхъ, надзоръ, руководство и т. д.); сколько знаю, оспаривается онъ и по существу, многіе сомнѣваются въ пользѣ такихъ командировокъ; и въ этомъ есть доля правды.

Дѣйствительно, представимъ себѣ, что юнкера, по группамъ и подъ руководствомъ своихъ училищныхъ офицеровъ, будутъ распредѣлены между частями, хотя-бы на время послѣднихъ передъ производствомъ лагерныхъ сборовъ. Если они будутъ собраны въ особую команду, руководимую своимъ офицеромъ, то врядъ-ли польза этихъ прикомандированій будетъ велика — они будутъ жить всетаки особою отъ солдатъ и офицеровъ жизнью, въ средѣ только своихъ товарищей; конечно, они будутъ соприкасаться съ войсками, участвуя въ ученіяхъ и т. д., но достаточно-ли этого? Возьмемъ другое рѣшеніе: юнкера, по нѣсколько человѣкъ, распредѣляются между частями того полка, къ которому прикомандированы; тутъ ужъ роль училищнаго офицера становится меньшею — юнкера будутъ разсѣяны; въ этомъ случаѣ они дѣйствительно больше узнаютъ жизнь и бытъ солдата, но, вѣдь, врядъ-ли они будутъ нести службу совершенно наравнѣ съ нимъ; и, понятно, полковое начальство, будетъ смотрѣть на нихъ какъ на временныхъ и весьма неудобныхъ гостей. Стоитъ, въ параллель съ этимъ, вспомнить положеніе вольноопредѣляющихся въ частяхъ; и ихъ,

вѣдь, иногда собираютъ въ отдѣльныя команды, или распредѣляютъ по ротно, но развѣ можно сказать, что они, въ большинствѣ случаевъ, служатъ наравнѣ съ солдатомъ? Развѣ послѣдній не видитъ тѣхъ льготъ, коими вольноопредѣляющійся законно и незаконно пользуется? И много-ли, наконецъ, изъ этихъ вольноопредѣляющихся выходитъ дѣйствительно хорошихъ служакъ въ нижнемъ званіи? Конечно, при желаніи, они могутъ многое вынести изъ своей общей жизни съ солдатомъ, но чаще всего послѣдній сторонится отъ нихъ и видитъ въ нихъ не своего брата, а—„барина", „паныча", которому служится много легче и привольнѣе, чѣмъ ему.

Не тоже-ли, отчасти, будетъ и при командировкахъ въ войска юнкеровъ военныхъ училищъ? Во всякомъ случаѣ теоретически разрѣшить это трудно и опыты въ этомъ направленіи являются полезными и даже необходимыми; нужно только обстоятельно продумать обстановку ихъ.

Чтобы закончить съ общей постановкой училищъ, я коснусь, въ частности, артиллерійскихъ.

Какъ показалъ опытъ, пѣхотныя училища выпускаютъ нерѣдко до $1/5$ своего состава въ артиллерію, причемъ туда часто идутъ лучшіе юнкера. Мнѣ кажется это неправильнымъ: пѣхотныя училища должны служить исключительно для укомплектованія пѣхоты, иначе все лучшее неминуемо будетъ уплывать изъ нея; если-же существующихъ двухъ артиллерійскихъ мало, то надо, значитъ, увеличить ихъ штатъ, а въ крайности—создать еще одно училище.

Затѣмъ, крѣпостная артиллерія у насъ пополняется юнкерами артиллерійскихъ и даже пѣхот-

ныхъ училищъ. При теперешнемъ ростѣ и усложненіи техники крѣпостной части, необходимо ее разсматривать какъ особую спеціальность, во многомъ отличающуюся отъ полевого артиллерійскаго дѣла; нужна, слѣдовательно, и особая спеціальная подготовка. Поэтому, при артиллерійскихъ училищахъ должны быть основаны особые крѣпостные отдѣлы.

б) Воспитаніе.

Все, что было сказано выше о корпусномъ воспитаніи (подборъ офицеровъ, режимъ и т. д.), въ полной мѣрѣ должно быть отнесено и къ училищамъ.

Училища обставлены въ воспитательномъ отношеніи довольно хорошо; остается желать только бóльшей близости и простоты въ отношеніяхъ между офицерами и юнкерами; дѣло это должно быть поставлено такъ, чтобы юнкеръ свободно обращался-бы за разрѣшеніемъ всякихъ вопросовъ къ своему офицеру, какъ къ самому близкому ему человѣку; нужны мѣры и къ установленію бóльшей связи между самими юнкерами, такъ какъ въ въ настоящее время часто бываетъ, что близкія отношенія ограничиваются преимущественно небольшими кружками товарищей по корпусу, не распространяясь на другихъ; при однообразіи кадетскаго режима и воспитанія дѣло это—вполнѣ достижимое; конечно, и здѣсь необходимо объединяющее вліяніе офицеровъ.

Училища разныхъ спеціальностей имѣютъ недостаточную связь; по большей части она поддерживаются исключительно корпуснымъ товариществомъ. Какъ указано было выше, важнѣйшей

мѣрой для объединенія и однообразія воспитанія офицерскаго состава является созданіе общихъ военныхъ училищъ съ одногодичнымъ курсомъ, прохожденіе коего предшествовало-бы дѣленію юнкеровъ по спеціальностямъ; къ этому слѣдуетъ добавить еще и необходимость уничтоженія существующей разницы въ высшемъ подчиненіи училищъ; надо принять, что всѣ безъ исключенія училища должны быть изъяты изъ вѣдѣнія спеціальныхъ вѣдомствъ и подчинены Главному Управленію Военно-Учебныхъ Заведеній *).

Но если связь между училищами недостаточна вообще, то особенно вѣрно будетъ это по отношенію Пажескаго корпуса и Николаевскаго кавалерійскаго училища; эти заведенія въ гораздо большей степени сторонятся отъ другихъ, первое, вѣроятно, по причинѣ своей особой „привиллегированности", а второе—въ силу установившихся тамъ обычаевъ. Я уже имѣлъ случай упомянуть о той недоброжелательности, которая существуетъ по отношенію къ этимъ двумъ заведеніямъ со стороны прочихъ училищъ; къ изложенному могу только добавить, что въ кавалерійскомъ училищѣ, не знаю какъ у пажей, повидимому, и до сихъ поръ еще сохранились странныя традиціи, граничащія съ какимъ-то издѣвательствомъ старшихъ надъ младшими, что совершенно отсутствуетъ въ остальныхъ; впрочемъ, какъ я слышалъ, въ казачьей сотнѣ, основанной при кавалерійскомъ училищѣ, сравнительно, недавно, это не привилось-тамъ отношенія проще и естественнѣе. Нежелательными являются и нѣкоторые другіе уста-

*) Надняхъ состоялась передача Юнкерскихъ Училищъ въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній.

новившіеся обычаи, вродѣ чуть не обязательства одѣваться на свой счетъ и т. д., такъ какъ они ведутъ только къ тому, что люди безъ средствъ стѣсняются идти въ кавалерію; въ гораздо меньшей степени, но кое-что замѣчается въ этомъ отношеніи и въ другихъ училищахъ—напримѣръ, мода непремѣнно имѣть лакированные или вообще не—казенные сапоги и т. д.; быть можетъ, къ этому есть и нѣкоторыя основанія, но надо принять во вниманіе, что даже и такіе расходы являются не по средствамъ очень многимъ.

Въ общемъ, училища выпускаютъ офицеровъ воспитанныхъ въ военномъ отношеніи, простыхъ и скромныхъ; въ огромномъ большинствѣ молодые люди эти являются въ части съ полною готовностью служить и не вина училищъ, если впослѣдствіе значительная часть ихъ уходитъ со службы, а остающіеся часто не даютъ изъ себя того, что могли-бы дать при иной обстановкѣ; причиною этого — сама служба, ея режимъ и укладъ.

в) Образованіе.

Это дѣло въ училищахъ поставлено въ общемъ достаточно прочно; я коснусь здѣсь только нѣкоторыхъ частностей, которыя, какъ мнѣ кажется, нуждаются въ измѣненіи.

Преподаваніе иностранныхъ языковъ поставлено не хорошо и въ этомъ отношеніи училище врядъ-ли дѣлаетъ успѣхъ по сравненію съ корпусомъ; настоятельность знанія языковъ, въ особенности нѣмецкаго, на которомъ говоритъ нашъ сильнѣйшій и вѣроятнѣйшій непріятель, слишкомъ очевидна, чтобы о ней распространяться; и все большая нужда въ языкахъ ощущается чуть-ли

не съ каждымъ годомъ; приходится подумывать даже и о другихъ—англійскомъ и японскомъ.

Обращаетъ на себя вниманіе и несоотвѣтствующая постановка тактики и фортификаціи, особенно первой; преподаваніе ея обставлено какъ-то слишкомъ книжно, отвлеченно и пріучаетъ къ „разговорамъ"; необходимо стремиться къ практической, по возможности, постановкѣ этого предмета, каковая только и можетъ принести пользу. Средствами для этого должны быть разнаго рода практическія занятія въ классѣ и въ полѣ, въ коихъ обращалось бы вниманіе на суть дѣла, а не на отчетную сторону, которая часто заѣдаетъ его; главнымъ-же условіемъ подъема уровня тактическихъ знаній въ средѣ юнкеровъ, какъ и вообще въ арміи, должна явиться большая осязательная необходимость, интересъ и требовательность въ этомъ дѣлѣ; это, съ своей стороны, будетъ обусловливаться измѣненіемъ господствующихъ взглядовъ, въ смыслѣ постановки боевой стороны въ основу военнаго образованія; въ настоящее же время средства (строй, стрѣльба и т. д.) получаютъ такое развитіе, что онѣ какъ-бы заслоняютъ собою суть—боевую подготовку. Кромѣ того, у насъ въ арміи глубоко укоренились оборонительныя тенденціи и шаблоны; поэтому, необходимо еще на школьной скамьѣ культивировать привычки къ живому, смѣлому и самостоятельному мышленію, здравому пониманію и оцѣнкѣ мѣстныхъ условій.

Желательно, чтобы юнкера были-бы ознакомлены съ главными основами педагогіи и получали хотя-бы самыя общія понятія о флотѣ; первое исходитъ изъ того, что всякій офицеръ прежде

всего является руководителемъ и учителемъ солдата; необходимость-же второго поясняется совершеннымъ отсутствіемъ представленія о флотѣ у огромнаго большинства нашихъ офицеровъ, изъ числа коихъ многимъ, однако, приходится служить въ приморскихъ округахъ. Наконецъ, общими пожеланіями по отношенію постановки образованія въ училищахъ являются: полная соотвѣтственность его современной военной наукѣ и техникѣ; послѣдняя получаетъ все большее и большее значеніе въ военномъ дѣлѣ; мы находимся, едва-ли, не наканунѣ весьма важныхъ примѣненій ея въ военномъ дѣлѣ и должны быть готовы къ этому; поэтому въ настоящее время особенно важно вырабатывать въ юнкерахъ пытливость и живость ума, смѣлость мысли; наоборотъ, крайне нежелательными являются въ нихъ умственная лѣнь, инертность и предубѣжденіе.

и г) Выпускъ.

Здѣсь мнѣ пришлось-бы повторять то, что было сказано въ главѣ о корпусѣ, съ окончаніемъ курса коего, по большей части, опредѣляется судьба кадета въ смыслѣ избранія имъ дальнѣйшей военной спеціальности. Опуская, поэтому, все это, я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ, совершенно частичнаго характера.

Воинскій духъ учитъ насъ смотрѣть особеннымъ образомъ на оружіе, положенное офицеру. А между тѣмъ при выпускѣ изъ училища это оружіе дается совершенно также, какъ, напримѣръ, фуражка, бѣлье и прочая принадлежность, т. е. его просто покупаютъ и передаютъ юнкеру. Я думаю, что ради поддержанія воинскаго взгляда

на оружіе, слѣдуетъ вручать его при выпускѣ каждому произведенному отъ имени Царя и отечества и сдѣлать его именнымъ. Тогда и взглядъ на него будетъ иной—оно дѣйствительно будетъ служить эмблемой воинскаго духа и чести; и бросать его, или сдать,—будетъ постыдно. Раздачу оружія слѣдовало-бы обставить возможно торжественнѣе, дабы вполнѣ осмысленная и полезная обрядность эта запечатлѣвалась-бы въ воспріимчивомъ умѣ молодого офицера. Необходимо, притомъ, чтобы оружіе выдавалось отличнаго качества, болѣе удобнаго и красиваго образца, чѣмъ существующее, напримѣръ, кавказское; это послужитъ къ тому, чтобы имъ еще болѣе дорожили. *)

II. Образовательная подготовка офицеровъ на службѣ: Самообразованіе; офицерскія общества; Академіи и высшія военныя школы.

Подготовкой, полученной въ училищѣ, образованіе офицера далеко не можетъ считаться законченнымъ; училище даетъ лишь minimum необходимыхъ познаній и основы для дальнѣйшаго совершенствованія; послѣднее-же дѣло службы и самого офицера.

Въ настоящее время всѣ подготовительныя занятія съ офицерами въ частяхъ исчерпываются почти такъ называемыми „тактическими“ занятіями, которыя производятся зимой на планахъ, а лѣтомъ—въ полѣ; впрочемъ, занимаются обыкновенно только первыми, вторыя—развиты очень мало, а зачастую и совсѣмъ опускаются. Кромѣ

*) Слѣдуетъ допустить и ношеніе старыхъ, напримѣръ, переданныхъ по наслѣдству, клинковъ, обставляя передачу ихъ тою-же обрядностью.

того, устраиваются иногда военныя игры и читаются сообщенія на различныя темы; эти занятія носятъ совершенно неопредѣленный, даже случайный, характеръ. Наконецъ, существуютъ еще полевыя поѣздки строевыхъ офицеровъ, совершаемыя ежегодно подъ руководствомъ Генеральнаго Штаба, но въ нихъ участвуетъ очень небольшое число офицеровъ.

При общемъ направленіи и требованіяхъ службы, обращенныхъ почти исключительно на строй, стрѣльбу и хозяйство, а равно—вслѣдствіе самой постановки тактическихъ занятій, — онѣ пользы никакой не приносятъ; наоборотъ, всѣ ими обыкновенно тяготятся и считаютъ въ душѣ излишними. И, при настоящемъ положеніи дѣла, съ этимъ нельзя не согласиться.

Положительные результаты этихъ полезныхъ и даже необходимыхъ въ сущности занятій скажутся только тогда, когда будетъ измѣнено общее направленіе службы, т. е. при условіи, если боевой подготовкѣ будетъ отведено въ арміи первое мѣсто. Въ настоящее время къ войскамъ предъявляются требованія строевыя, парадныя, хозяйственныя и стрѣлковыя, послѣднія въ самомъ узкомъ значеніи слова, но на боевую, тактическую, сторону образованія—вниманія обращается очень мало. И это станетъ понятнымъ, если принять въ соображеніе, что послѣдняя требуетъ гораздо большихъ знаній и развитія начальствующаго персонала, чего нѣтъ на дѣлѣ; войска и даютъ то, что отъ нихъ требуютъ. Поэтому-то всѣ наши боевые уставы и наставленія въ глазахъ арміи не идутъ въ сравненіе съ прочими, коимъ придается большее значеніе; войска усваи-

ваютъ ихъ только наружно, а суть чаще всего остается мертвой буквой.

Слѣдовательно, лучшая постановка всякаго рода тактическихъ занятій съ офицерами будетъ возможна только при условіи коренного измѣненія служебныхъ требованій въ сторону боевыхъ. Только тогда онѣ получатъ смыслъ, жизненность и непосредственную связь съ дѣломъ службы, а не будутъ какимъ-то скучнымъ, безполезнымъ упражненіемъ, какъ это есть теперь; только тогда, прибавимъ, явятся и хорошіе руководители.

Обращаясь къ современной постановкѣ этого дѣла въ войскахъ, сразу приходится натолкнуться на совершенное неумѣніе непосредственныхъ руководителей, которыми преимущественно являются батальонные и соотвѣтствующіе имъ командиры что, конечно, замѣчается подчиненными и учитывается ими въ смыслѣ отношенія къ этимъ занятіямъ; нельзя сказать, чтобы и командиры частей, въ большинствѣ, были-бы подготовлены въ этомъ отношеніи. Правда, иногда въ войска командируются офицеры Генеральнаго Штаба, но это— лишь палліатива: они—гости въ частяхъ, ничѣмъ съ ней не связаны и безотвѣтственны за подготовку офицеровъ; командира части никто и ничто не можетъ замѣнить и заслонить; наконецъ, и Генеральный Штабъ, занятый больше канцелярскою службой въ Штабахъ и Управленіяхъ, не вездѣ и далеко не въ одинаковой мѣрѣ, привлеченъ къ участію въ тактическихъ занятіяхъ строевыхъ офицеровъ.

И какъ-бы то ни было, но къ лучшей постановкѣ тактическихъ занятій въ войскахъ необходимо стремиться и теперь. Я полагаю, что помочь

этому дѣлу, до нѣкоторой степени, можно слѣдующими мѣрами:

Систематическимъ привлеченіемъ въ помощь командирамъ частей офицеровъ Генеральнаго Штаба; послѣдніе должны быть распредѣлены между частями такъ, чтобы на каждые 1—2 полка непремѣнно приходился-бы свой офицеръ Генеральнаго Штаба. Для этого фактически должно быть выполнено требованіе „инструкціи для занятій съ офицерами“, согласно которой служеніе войскамъ составляетъ важнѣйшую обязанность Генеральнаго Штаба. Конечно, и это трудно осуществимо въ полной мѣрѣ, за недостаткомъ и отвлеченіемъ Генеральнаго Штаба, но надо-же по крайней мѣрѣ стремиться къ помощи войскамъ въ этомъ отношеніи и имѣть эту цѣль всегда впереди себя.

Затѣмъ, слѣдовало-бы ввести всякаго рода тактическія занятія въ росписаніе обязательныхъ служебныхъ часовъ, что содѣйствовало-бы установленію на нихъ болѣе правильнаго взгляда и избавило-бы строевого офицера отъ излишняго утомленія; послѣднее бываетъ довольно чувствительнымъ при условіяхъ разбросаннаго квартированія нѣкоторыхъ частей.

Сокращать, по возможности, отчетную сторону дѣла, съ выполненіемъ ея исключительно во время занятій; какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, отчетность по тактическимъ занятіямъ часто заслоняетъ собой суть и, ложась обременительно на офицерскій досугъ, содѣйствуетъ только небрежному и формальному отношенію къ дѣлу.

Изъять изъ обращенія при рѣшеніи задачъ всякаго рода тактическіе задачники и справочныя книжки, которые иногда довольно произвольно

толкуютъ дѣйствующіе уставы, а главное—ведутъ къ усвоенію шаблоновъ.

При низкомъ уровнѣ тактическаго развитія, въ такихъ книжкахъ наше офицерство ищетъ часто не мелкихъ подробностей и цифръ, какъ это должно быть, а — чуть-ли не мыслей и отвѣтовъ на всѣ случаи. И успѣхъ подобныхъ пособій въ войскахъ объясняется главнымъ образомъ этимъ; другими причинами его являются развитіе требованій отчетнаго характера и рѣшеніе задачъ на дому. Поэтому, слѣдуетъ установить болѣе строгій разборъ въ оффиціальной рекомендаціи войскамъ такихъ руководствъ, а самыя занятія производить исключительно въ назначенное для того время.

Наконецъ, необходимо стремится и къ болѣе соотвѣтствующей постановкѣ заданій, отрѣшаясь отъ господствующихъ нынѣ шаблоновъ и оборонительныхъ тенденцій. У насъ въ заданіяхъ обыкновенно стремятся дать слишкомъ много и все предусмотрѣть; надо измѣнить постановку ихъ, приближая къ дѣйствительности, т. е. дѣлать ихъ болѣе общими, разнообразными и притомъ не расписывать ролей заранѣе („обороняющійся", „наступающій"); нужно извѣстное руководство при рѣшеніи задачъ путемъ разныхъ вводовъ и предположеній, что будетъ пріучать офицеровъ разбираться въ обстановкѣ. Отлично, повидимому, поставлены тактическія занятія въ Германской арміи; поэтому ознакомленіе со способами и системой, принятыми тамъ, было-бы очень полезно для нашихъ войскъ. *)

*) Очень интересна въ этомъ отношеніи вышедшая недавно книжка Генер. Штаба Подполковника Незнамова „Прикладная тактика въ задачахъ на дивизію и отряды меньшаго состава".

Занятія съ офицерами, однако, не должны исчерпываться исключительно одною тактикой; необходимо вводить сюда элементы фортификаціонный и техническій, вліяніе коихъ все больше и больше возрастаетъ; не надо забывать и ознакомленія съ соотвѣтствующими иностранными арміями, ихъ устройствомъ, службой и способомъ дѣйствій.

Конечно, все это требуетъ наличія знающихъ и опытныхъ руководителей, которыхъ нѣтъ въ войскахъ, но, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе общаго роста образованія и реформъ, предпринятыхъ въ арміи, они несомнѣнно явятся.

Самообразованіе. Офицерскія образовательныя общества.

Но даже и наилучшимъ образомъ поставленныя обязательныя занятія въ частяхъ не принесутъ всей пользы, если сами офицеры не будутъ содѣйствовать этому; необходимо, чтобы каждый изъ нихъ стремился къ развитію своихъ военныхъ познаній.

Къ сожалѣнію, наши военно-учебныя заведенія недостаточно содѣйствуютъ зарожденію интереса къ военной наукѣ. И это сказывается въ арміи, гдѣ читать вообще не любятъ, особенно-же книги спеціально военнаго содержанія.

Тоже отсутствіе интереса наблюдается и въ разныхъ собраніяхъ, въ разговорахъ; общеніе у насъ развито, какъ извѣстно, недостаточно и, собираясь, мы говоримъ о чемъ угодно, но только не о своемъ кровномъ дѣлѣ; разговоры же о службѣ обыкновенно ограничиваются узкою повсеа дневщиной и злобами дня, рѣдко выходящими за предѣлы

устава и полковой жизни; поэтому, всѣ такія собранія и разговоры бываютъ мало продуктивны.

Если иногда въ части и появляется живой, знающій начальникъ, которому удается побороть косность и зародить интересъ, то съ его уходомъ обыкновенно все глохнетъ, тухнетъ какъ огонь въ каминѣ. Но такихъ начальниковъ—мало, они—лишь счастливая случайность. Въ общемъ, въ нашей военной средѣ мало интереса къ своему дѣлу, нѣтъ системы и преемственности для его поддержанія, а потому она является въ этомъ смыслѣ плохою школою. Причинами такого равнодушія, помимо насъ самихъ, является установившійся въ арміи режимъ—безпросвѣтность службы, обезличиваніе и нивеллировка, отсутствіе мѣръ поощренія достойныхъ и, наконецъ, давленіе на проявленія личнаго почина.

И все это составляетъ очень неблагодарную почву для проведенія въ жизнь всякихъ реформъ; поэтому, во главѣ ихъ должна стоять главнѣйшая—измѣненіе нашего военнаго режима. Но задача эта будетъ не по плечу однимъ оффиціальнымъ начинаніямъ сверху — необходимо призвать самодѣятельность общественныхъ силъ арміи.

Въ этомъ отношеніи большую помощь могло-бы принести развитіе образовательныхъ офицерскихъ обществъ. Такія общества, народившіяся путемъ частной инициативы, существовали кое-гдѣ и раньше, (ревнители военныхъ знаній), но до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлано, что-бы поддержать ихъ ростъ въ арміи и потому дѣло это подвигается очень туго. А между тѣмъ развитіе этихъ обществъ несомнѣнно облегчило-бы офицерскому составу самообразованіе и поддерживало-бы въ

немъ интересъ къ своему дѣлу, что въ результатѣ создало-бы гораздо болѣе благопріятную почву для проведенія реформъ въ жизнь. Поэтому, военному вѣдомству непремѣнно слѣдуетъ помочь такимъ обществамъ путемъ созданія ихъ, по возможности, во всѣхъ значительныхъ гарнизонахъ каждаго округа; конечно, наша всеобщая косность и неподвижность создавали большія препятствія этому дѣлу, но во многихъ случаяхъ и само начальство косилось на него—общества эти какъ-бы не внушали ему довѣрія, что, разумѣется, лишь служило отраженіемъ общаго взгляда на всякія проявленія общественности. Надо отрѣшиться отъ этихъ предубѣжденій, которыя закрываютъ глаза на хорошее, полезное дѣло; пора понять, что безъ такихъ обществъ намъ трудно будетъ проводить въ жизнь всѣ благія начинанія. Въ чемъ-же могла-бы выразится помощь, оказываемая военнымъ вѣдомствомъ образовательнымъ офицерскимъ обществамъ?

Прежде всего—въ нравственной сторонѣ дѣла, въ смыслѣ установленія и распространенія въ арміи надлежащаго на нихъ взгляда. Затѣмъ—содѣйствіе ихъ возникновенію путемъ извѣстнаго поощренія всякаго почина, даже частнаго характера; наконецъ,—облегченіе ихъ дѣятельности путемъ предоставленія имъ, при всякой возможности, казенныхъ помѣщеній (напр. гарнизонныя офицерскія собранія и т. д.) и нѣкоторыхъ другихъ льготъ (облегченіе снабженія книгами, журналами военнаго содержанія и т. д.); собственно идеаломъ развитія такихъ обществъ должно быть образованіе ихъ въ каждой болѣе или менѣе значительной части, т. е. иначе—расширеніе сферы

существующихъ офицерскихъ обществъ; но это—совершенно недостижимо въ настоящее время, теперь можно только стремиться къ образованію ихъ въ большихъ гарнизонахъ каждаго округа.

Образовательныя общества слѣдуетъ обставить полезно, интересно и дешево; онѣ должны быть терпимы и давать доступъ всякимъ мнѣніямъ и и мыслямъ, исключая, конечно, вредныхъ духу службы и дисциплинѣ. Съ другой стороны и направленіе ихъ дѣятельности необходимо регулировать соотвѣтствующими законоположеніями и наблюденіемъ начальства тѣхъ гарнизоновъ, гдѣ онѣ будутъ расположены; это вызывается тѣмъ, что въ исключительныхъ, будемъ думать, случаяхъ дѣятельность обществъ можетъ принимать и явно вредное направленіе, что особенно нежелательно въ переживаемое время.

Необходимо замѣтить, что послѣ несчастной войны интересъ къ своему дѣлу у насъ значительно возросъ — замѣтно развилась спеціальная литература и даже рѣдкая изъ большихъ общихъ газетъ обходится теперь безъ военнаго отдѣла. Это—несомнѣнно хорошій показатель, который непремѣнно надо учитывать при проведеніи реформъ.

Академіи. Высшія военныя школы.

Цѣлямъ распространенія высшаго военнаго образованія въ арміи служитъ у насъ Академія Генеральнаго Штаба; являясь одновременно и спеціальнымъ заведеніемъ для подготовки офицеровъ къ службѣ Генеральнаго Штаба, она выполняетъ свое назначеніе только въ этомъ послѣднемъ отношеніи; первой цѣли—она не дости-

гасть, такъ какъ изъ не попавшихъ въ Генеральный Штабъ мало кто остается на службѣ въ войскахъ, большинство устраивается иначе—въ учебныхъ заведеніяхъ, штабахъ и т. д. И хотя нашъ Генеральный Штабъ и возвращаетъ впослѣдствіе часть своихъ силъ въ войска, но дѣлаетъ это только по отношенію старшихъ чиновъ и должностей—отъ командира части и выше; слѣдовательно, взявъ изъ строя лучшія молодыя силы, онъ удерживаетъ ихъ въ цѣляхъ своей спеціальной службы и отдаетъ обратно не все и, притомъ, слишкомъ поздно. Такимъ образомъ, младшій офицерскій составъ арміи, т. е. главная масса строевыхъ офицеровъ, какъ-бы обходился высшимъ военнымъ образованіемъ, въ смыслѣ возможности его распространенія въ своей средѣ.

И такой обходъ строевой молодежи, представляющей, разумѣется, наиболѣе благодарную среду въ смыслѣ возможности и пользы дальнѣйшаго совершенствованія,—является весьма характернымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне вреднымъ для арміи.

Этотъ крупный пробѣлъ долженъ быть непремѣнно заполненъ. И лучшимъ, какъ мнѣ кажется, для этого средствомъ является созданіе особыхъ высшихъ военныхъ школъ, цѣлью которыхъ должна быть поставлена именно та, которой не выполняетъ въ настоящее время Академія Генеральнаго Штаба, т. е.—служитъ разсадникомъ высшаго военнаго образованія въ арміи. Взявъ изъ строя лучшую часть младшаго офицерскаго состава, школы эти дожны возвращать его туда-же, но уже снабженнаго высшими знаніями. Получивъ этимъ путемъ извѣстныя права, примѣнимыя исклю-

чительно въ строю, офицерство именно въ немъ будетъ видѣть лучшій исходъ своей служебной карьеры, т. е. то, чего нѣтъ теперь и что въ высшей степени важно.

Однако, правильное и наиболѣе полезное функціонированіе подобныхъ высшихъ школъ возможно будетъ только при условіи разсредоточенія дѣла: школъ этихъ должно быть нѣсколько, а никакъ не одна, центральная. Слѣдующимъ условіемъ ихъ созданія является предоставленіе оканчивающимъ ихъ какихъ-либо правъ для службы въ строю; и, я полагаю, что установленіе такихъ преимуществъ какъ чинъ при успѣшномъ окончаніи и право на ускоренное, относительно, производство въ штабъ-офицеры—привлечетъ въ такія школы много хорошихъ силъ.

Къ этимъ условіямъ остается добавить только два: поступленіе не позже чина Штабъ-Капитана и двухъ-годичный курсъ школъ; все остальное— лишь детали.

Разумѣется, совершенно невозможно сразу осуществить на дѣлѣ созданіе многихъ школъ, да это и не такъ необходимо; можно начать и съ одной, но при непремѣнномъ условіи постепенно расширять это дѣло и никоимъ образомъ не централизовать его; въ дальнѣйшемъ будущемъ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждый округъ имѣлъ свою высшую школу. Учрежденіе и развитіе высшихъ военныхъ школъ несомнѣнно должно отразиться и на тѣхъ исключительно большихъ правахъ, которыми надѣленъ по отношенію къ строевой службѣ нашъ Генеральный Штабъ; права эти, по справедливости, должны быть значительно сокращены и перенесены на тѣхъ, ко-

торые получаютъ высшую военную подготовку исключительно въ цѣляхъ дальнѣйшей службы въ строю.

До учрежденія-же школъ функціи ихъ приходится, отчасти, выполнять Академіи Генеральнаго Штаба; это обстоятельство имѣетъ нѣкоторое значеніе въ рѣшеніи вопроса, должна-ли послѣдняя быть только аппликаціонной школой, или же преслѣдовать и цѣли распространенія въ арміи высшаго военнаго образованія. И, если вообще будетъ правильнѣе въ офицерѣ Генеральнаго Штаба видѣть спеціалиста, то, съ другой стороны, приходится, до извѣстнаго времени, быть осторожнымъ и съ исключительно утилитарнымъ взглядомъ на академію и дѣлать нѣкоторыя уступки во имя другой преслѣдуемой ею цѣли.

Къ вопросу о задачахъ академіи и ея соотношеніяхъ съ высшею школою, въ смыслѣ предоставленія правъ на службу въ строю,—я возвращусь еще ниже, въ отдѣлѣ о Генеральномъ Штабѣ. Что касается другихъ академій (артиллерійской и инженерной), то онѣ еще въ меньшей мѣрѣ служатъ непосредственнымъ интересамъ войскъ, преслѣдуя преимущественно свои узко-спеціальныя цѣли.

Наконецъ, помимо академій, у насъ существуетъ еще такъ называемыя офицерскія школы, стрѣлковыя (пѣхотная), артиллерійская и кавалерійская; вліяніе этихъ школъ, преслѣдующихъ практическія и спеціальныя цѣли, за исключеніемъ, развѣ, кавалерійской, куда привлекается болѣе молодой составъ—мало замѣтно въ арміи.

III. Офицерскій составъ арміи, младшій, старшій и высшій: прохожденіе и обстановка строевой службы; режимъ, бытъ; отношенія офицерскаго состава къ современному обществу и событіямъ. Положеніе офицеровъ на нашихъ дальнихъ окраинахъ.

Офицерскій составъ арміи.

Достоинства и недостатки арміи рельефнѣе всего обнаруживаются, конечно, на войнѣ; и только послѣдняя можетъ окончательно рѣшить вопросъ о томъ, насколько удовлетворяетъ она своему назначенію.

Ядромъ всякой арміи является ея офицерскій составъ; отсюда—съ большою достовѣрностью можно заключить, что послѣдній можетъ служить показателемъ ея качествъ. Исходя изъ этихъ двухъ положеній, спросимъ себя, какимъ показалъ себя на войнѣ нашъ офицерскій составъ?

Прежде всего оговорюсь, что я подраздѣляю его на три категоріи: младшій—оберъ-офицерскій, старшій—штабъ-офицеры и генералы до начальниковъ дивизій включительно и, наконецъ, высшія начальствующія лица—командиры корпусовъ и командующіе арміями.

Начнемъ съ младшаго состава.

Въ чемъ были его недочеты—всѣмъ извѣстно: недостаточность военнаго образованія вообще и, въ частности—тактической подготовки и знакомства со свойствами дальнобойнаго и скорострѣльнаго оружія, непривычка къ совокупнымъ дѣйствіямъ разныхъ родовъ оружія, неумѣніе пользоваться мѣстностью и т. д.; все это было замѣчено еще въ мирное время. Съ другой стороны, огромный процентъ выбывшихъ изъ строя и большое число отдѣльныхъ молодецкихъ дѣлъ малаго

масштаба—показываютъ, что нашъ офицеръ былъ преданъ долгу, храбръ, смѣтливъ и врядъ-ли уступалъ непріятелю въ этомъ отношеніи.

Комплектуемый изъ разныхъ источниковъ, составъ младшихъ офицеровъ являлся неоднороднымъ, что сказывалось на его сплоченности; исключеніе въ этомъ отношеніи составляли части съ болѣе подобраннымъ составомъ (европейскіе стрѣлки, артиллерія), или-же успѣвшіе сплотиться въ условіяхъ продолжительной боевой обстановки. Эта неоднородность, въ связи съ большими измѣненіями, вызванными неудачнымъ способомъ мобилизаціи и огромными потерями, не могла не отозваться въ крайне неблагопріятную сторону: въ рѣдкихъ только случаяхъ офицеры въ частяхъ были сплочены между собою и хорошо ознакомлены съ нижними чинами.

Разумѣется, не прошелъ безслѣдно для офицера и служебный режимъ мирнаго времени: нѣкоторая забитость, преимущественно въ пѣхотѣ, недостатокъ самостоятельности, часто безпросвѣтность службы, какая-то общая нивеллировка и слабость поощрительныхъ мѣръ для выдвиженія лучшихъ—все это повело къ тому, что изъ арміи уходило много способныхъ молодыхъ офицеровъ, а въ большинствѣ оставшихся—глохнулъ интересъ къ дѣлу, результатомъ чего являлась апатія. Конечно, на самомъ молодомъ составѣ это сказывалось меньше, такъ какъ онъ былъ свѣжѣе и воспріимчивѣе, но онъ оказался и лучшимъ.

За всѣмъ тѣмъ, грѣшно было-бы сказать, что нашъ офицерскій составъ, до ротнаго и батарейнаго командировъ включительно, показалъ себя плохо на войнѣ; справедливѣе будетъ заключить,

что онъ мало, или даже вовсе не уступалъ японскому.

Значительно слабѣе показалъ себя старшій составъ. И это было понятно, такъ какъ онъ дольше подвергался вліянію служебнаго режима, а между тѣмъ предъявляемыя къ нему требованія были гораздо серьезнѣе. Составъ этотъ являлся неодинаковымъ: онъ комплектовался, какъ армейскими офицерами, такъ изъ Гвардіи и Генеральнаго Штаба.

Офицеры первой категоріи въ общемъ мало отвѣчали своему назначенію: пробившись долго въ строю и, проскочивши, часто случайно, въ подполковники, они являлись обыкновенно людьми пожилыми и съ подорванными уже силами; правда, они были опытны въ войсковой жизни, но зато служебный режимъ вырабатывалъ изъ нихъ преимущественно слѣпыхъ исполнителей. За долгій періодъ строевой службы, офицеры эти какъ бы „выдыхались“ ко времени полученія Штабъ-офицерскаго чина, а тѣмъ болѣе отдѣльной части и, бывая нерѣдко отличными ротными командирами, оказывались слабыми въ роли батальонныхъ и полковыхъ, гдѣ предъявлялся большій запросъ на образованіе и способность управлять. Ко всему этому надо прибавить, что при существовавшихъ системахъ производства и взглядахъ на служебныя аттестаціи, нельзя сказать, чтобы выдѣлялись дѣйствительно лучшіе; случалось же, что удостоеніе чиномъ служило даже средствомъ къ удаленію негоднаго. Генеральскихъ чиновъ такіе офицеры достигали, сравнительно, рѣдко и на этихъ степеняхъ службы оказывались, конечно, еще слабѣе.

Офицеры изъ гвардіи были моложе и самостоятельнѣе, но, не служивъ раньше въ армейскай средѣ, не всегда хорошо сходились со своими частями, на которыя нерѣдко смотрѣли только, какъ на ступени для дальнѣйшаго движенія по службѣ. Обыкновенно это бывали люди корректные, хорошіе строевики, но недалеко уходившіе отъ армейскихъ офицеровъ по части военныхъ знаній и вообще въ смыслѣ подготовки къ занятію высшихъ назначеній. Наконецъ, офицеры Генеральнаго Штаба по условіямъ прежней службы, часто оказывались непрактичными въ войсковой жизни вообще. Конечно, по сравненію съ прочими, они являлись болѣе образованнымъ элементомъ, но не въ той степени, какъ этого можно было бы ожидать, по причинѣ направленія предшествовавшей ихъ дѣятельности, мало способствовавшей развитію военныхъ знаній; поэтому преимущество въ образованіи часто не выкупало въ офицерѣ Генеральнаго Штаба отвычки отъ строя и неумѣнія управлять людьми. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что Генеральный Штабъ въ послѣднюю войну далъ значительную часть нашихъ лучшихъ начальниковъ отъ командировъ полковъ до корпусныхъ включительно.

Недостатокъ характера и самостоятельности, привычка вмѣшиваться въ мелочи, упуская общее управленіе, узкій кругозоръ,—словомъ всѣ плоды нашего мирнаго режима были цѣликомъ перенесены на боевую почву и, разумѣется, личная доблесть большинства старшихъ строевыхъ начальниковъ—не могла искупать этихъ крупныхъ недостатковъ.

Въ общемъ, если старшій составъ нашихъ офицеровъ замѣтно отличался отъ непріятеля въ не-

выгодную сторону въ смыслѣ образованія и развитія, то уже несомнѣнно сильно уступалъ ему во всемъ, что касалось твердости, иниціативы, умѣнія управлять и взаимной поддержки. И въ столкновеніяхъ съ японцами наблюдалась общая характерная черта: если наша охотничья команда, рота или батарея (гораздо рѣже—батальонъ и полкъ) не уступали непріятелю, и даже часто брали верхъ, то уже бригада, а тѣмъ болѣе высшія соединенія —совершенно не могли идти съ ними въ сравненіе; онѣ управлялись гораздо слабѣе и въ степени, обратно пропорціональной ихъ величинѣ.

Наконецъ, высшія начальствующія лица—корпусные командиры и командующіе арміями.

Эта категорія издавна была и есть слабѣйшею въ арміи, что и проходитъ красною нитью по всей нашей военной исторіи. И это несомнѣнно происходитъ во первыхъ оттого, что на эти должности, какъ и вообше, назначаются далеко не лучшіе люди—протекція и связи сказываются здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ категоріяхъ; во вторыхъ—предъявляемыя къ этимъ степенямъ службы требованія уже настолько серьезны, что среди обыденнаго круга нашихъ начальствующихъ лицъ является очень немного людей, удовлетворяющихъ тому рѣдкому сочетанію ума, характера и образованія, какое необходимо руководителю высшихъ соединеній всѣхъ родовъ оружія.

Способъ замѣщенія этихъ важныхъ должностей носитъ у насъ чуть-ли не случайный характеръ и совершенно не гарантируетъ соотвѣтственности назначеній. Здѣсь часто можно встрѣтить офицера Генеральнаго Штаба, гвардейца и, изрѣдка,—бывшаго армейскаго офицера.

Недостатки этой категоріи начальствующихъ лицъ, въ общемъ,—тѣ-же, что и предшествующей, но обнаруживались они, конечно, гораздо сильнѣе и вели къ болѣе серіознымъ послѣдствіямъ; помимо указанныхъ раньше, здѣсь приходится отмѣтить: отсутствіе гражданскаго мужества и необходимой твердости, стремленіе соблюсти только свой интересъ и недостаточное сознаніе общаго дѣла. Несомнѣнно, съ такими руководителями войскъ и ближайшими помощниками, Главнокомандующему нашему трудно было управлять арміями чуть не полу-милліонной численности и уже поэтому одному несправедливо было-бы видѣть въ немъ одномъ единственную причину нашихъ неудачъ.

Конечно, и на этихъ степеняхъ бывали исключенія, но у насъ ихъ не долюбливали и не давали имъ хода; да и большинство изъ нихъ, встрѣчая только противодѣйствіе, соблазнялось обыкновенно разсчетомъ и не доносило вверхъ того, о чемъ, быть можетъ, думало въ лучшую пору своей жизни. Поэтому, даже и у лучшихъ людей и въ важныхъ случаяхъ часто „языкъ прилипалъ къ гортани“ при необходимости высказаться открыто и правдиво.

Изъ этого краткаго очерка видно, что соотвѣтственность нашего офицерскаго состава своему назначенію являлась неодинаковою въ различныхъ его степеняхъ, замѣтно уменьшаясь снизу вверхъ. Какъ мы увидимъ дальше, не представлялъ въ этомъ отношеніи исключенія и нашъ солдатъ, не уступавшій, можно сказать, младшему офицеру. И въ общемъ, я полагаю, не ошибусь, если скажу, что представителями лучшихъ сто-

ронъ нашей арміи являлись именно младшіе ея чины, что и составляетъ одну изъ характерныхъ ея особенностей, по сравненію съ нѣкоторыми иностранными арміями.

Болѣе подробная характеристика нашего офицерскаго состава лучше всего будетъ видна изъ разсмотрѣнія условій прохожденія и обстановки службы.

Прохожденіе и обстановка строевой службы; режимъ; бытъ.

Въ большинствѣ случаевъ, выпущенные изъ училищъ офицеры представляютъ собою благодарный матеріалъ, который остается только направить какъ слѣдуетъ и использовать въ служебныхъ цѣляхъ.

Дѣйствительно, наша молодёжь, мягкая и воспріимчивая, почти всегда является въ части съ полною охотою служить. Однако, такая готовность пропадаетъ у большинства довольно скоро и смѣняется апатіей и недовольствомъ.

Ближайшихъ причинъ этого явленія надо искать прежде всего въ постановкѣ службы младшихъ офицеровъ. У насъ какъ-бы сложилось въ обычай, что послѣдніе не несутъ въ сущности опредѣленныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей; въ дѣйствительности они вовсе не являются командирами полуротъ и взводовъ, какъ требуетъ того уставъ, а просто лишь наблюдающими за нѣкоторыми отдѣлами обученія солдатъ; если-же имъ иногда и приходится исполнять командныя функцій, то только въ наружномъ отношеніи — на ученіяхъ, маневрахъ; „командуетъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова и несетъ отвѣтственность за все и про все исключительно ротный

(эскадронный и батарейный) командиръ; младшій-же офицеръ, остается какъ-бы не у дѣлъ, въ сторонѣ и его заслоняетъ собой даже начальство изъ нижнихъ чиновъ—фельдфебель, а иногда и—взводный унтеръ-офицеръ, особенно первый, который есть ближайшій помощникъ ротнаго командира и, къ тому-же, прямой и дѣйствительный начальникъ всей роты.

Кромѣ того, въ силу хозяйственныхъ условій жизни нашихъ частей, офицерамъ, вѣдающимъ старослужащими нижними чинами, за постоянными расходами и нарядами послѣднихъ, на самомъ дѣлѣ приходится крайне рѣдко заниматься съ ними въ полномъ составѣ.

И если ко всему сказанному прибавимъ безпросвѣтность службы, грубоватый иногда режимъ, молодость и неопытность выпущенныхъ офицеровъ (особенно изъ военныхъ училищъ), отсутствіе въ большинствѣ случаевъ нравственной поддержки со стороны командира части и товарищей и, наконецъ, матеріальную необезпеченность и удручающую зачастую жизненную обстановку стоянокъ,—то намъ станутъ понятны причины того опусканія, которое замѣчается у большинства армейской молодежи и наблюдаемаго стремленія къ уходу со службы или по крайней мѣрѣ изъ строя. Обыкновенно нѣсколько лѣтъ такой жизни кладутъ неизгладимый отпечатокъ: въ опустившимся, какъ-бы потускнѣвшемъ, недовольномъ и часто извѣрившимся въ службу человѣкѣ порою прямо не узнаешь молодого жизнерадостнаго мальчика съ свѣтлыми взглядами на жизнь. Конечно, не вездѣ служебная и жизненная обстановка дѣйствуетъ такимъ образомъ: въ большихъ центрахъ,

въ привиллегированныхъ и болѣе сплоченныхъ частяхъ все это сказывается далеко не въ такой степени, а иногда и вовсе не имѣетъ мѣста, но я говорю о главной массѣ арміи,—о нашей пѣхотѣ, разбросанной преимущественно по обширному пограничному району.

Постановка военной службы у насъ какъ-то не заинтересовываетъ и не пріохочиваетъ къ ней; поэтому изъ строя уходитъ много молодыхъ и, зачастую, лучшихъ силъ, преимущественно изъ числа офицеровъ, выпущенныхъ изъ военныхъ училищъ. Въ настоящее же время этотъ вопросъ становится прямо таки насущнымъ, такъ какъ несчастная война и послѣдовавшее за ней движеніе не прошли безслѣдно и въ этомъ отношеніи—число уходящихъ изъ арміи офицеровъ значительно возрасло.

Конечно, далеко не всѣмъ стремящимся изъ арміи удается уйти,—среди нихъ, какъ и вездѣ, не много находится людей цѣльныхъ, смѣлыхъ, увѣренныхъ въ себѣ и еще менѣе такихъ, которые располагаютъ независимыми средствами, связями, или вообще возможностью устроиться иначе; но, вѣдь, службѣ-то отъ этого не легче—присутствіе въ войскахъ многихъ лицъ, ожидающихъ только случая уйти изъ строя, или-же мирящихся съ ней лишь за невозможностью ухода — безусловно вредно для нея. Отсюда — та апатія и отсутствіе интереса къ своему дѣлу, которыя замѣчаются у многихъ и многихъ армейскихъ офицеровъ.

Какія-же мѣры необходимы для уничтоженія, или по крайней мѣрѣ для ослабленія этихъ нежелательныхъ явленій?

Первою, какъ мнѣ кажется, должно быть созданіе цѣльнаго, однороднаго, корпуса офицеровъ на основаніяхъ, которыя были изложены выше, т. е. принятіе единаго типа подготовительныхъ заведеній, именно корпуса и военнаго училища, сравненіе всѣхъ корпусовъ въ правахъ и установленіе общихъ военно-училищныхъ курсовъ.

Однородный, а, стало быть, и сплоченный офицерскій составъ несомнѣнно будетъ оказывать большее и лучшее вліяніе на молодежь; въ этомъ случаѣ она будетъ попадать какъ-бы въ свой родной кругъ, который не оставитъ молодого человѣка безъ извѣстнаго нравственнаго направленія и помощи.

Настоящій офицерскій составъ, особенно въ пѣхотѣ, очень разнообразенъ по своему воспитанію и образованію; и всего чувствительнѣе сказывается это именно на молодежи и, въ особенности, на выпущенныхъ изъ военныхъ училищъ офицерахъ, по числу обыкновенно сильно уступающихъ воспитанникамъ юнкерскихъ училищъ; неоднородность состава вліяетъ на взаимныя отношенія офицеровъ, часть которыхъ, обыкновенно связанныхъ общимъ воспитаніемъ и образованіемъ, обособляется нерѣдко въ болѣе или менѣе замкнутые кружки.

Слѣдующею, не менѣе важною, мѣрою надо признать поднятіе положенія строя въ арміи вообще, въ смыслѣ измѣненія служебнаго режима и обстановки, а также въ смыслѣ предоставленія большихъ выгодъ, сравнительно съ нестроевымъ составомъ.

У насъ, благодаря отрицательнымъ сторонамъ строевой службы, огромному развитію и болѣе

выгодной, во многихъ отношеніяхъ, постановки нестроевого элемента, строй не притягиваетъ лучшихъ силъ; наоборотъ, всѣ, кто могутъ, уходятъ и устраиваются иначе.

Кромѣ поднятія строя вообще, необходимо, въ частности, и лучшая постановка главной силы арміи, пѣхоты; этотъ родъ оружія находится въ какомъ-то обидномъ забросѣ, какъ въ смыслѣ комплектованія его офицерами и нижними чинами, взглядовъ и отношеній со стороны прочихъ родовъ оружія, такъ даже и—формы одежды; все это ведетъ къ тому, что армейской пѣхоты какъ-то чуждаются и считаютъ ее чемъ-то нисшимъ, что, разумѣется, отражается на взаимныхъ отношеніяхъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія, которыя далеко нельзя назвать дружественными. Дѣйствительно, артиллеристъ и саперъ сторонятся пѣхотинца, такъ какъ у нихъ болѣе однообразный и образованный составъ офицеровъ, они—„специіальные" роды оружія, отмѣченные „ученымъ" кантикомъ; кавалеристъ традиціонно склоненъ „заноситься" передъ „пѣхтурой", вѣроятно, по причинѣ болѣе „чистой" службы на конѣ, щеголеватой формы одежды, а, отчасти, и изъ фатовства, присущаго многимъ офицерамъ этого рода оружія; въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, артиллеристы и саперы, какъ болѣе простые, сходятся все-таки скорѣе съ пѣхотой; съ кавалеріей-же не только эта послѣдняя, но и другіе роды войскъ, уживаются обыкновенно плохо.

Относительно мѣръ къ поднятію строя и, въ частности, пѣхотной службы, я скажу ниже, въ отдѣлѣ о службѣ войскъ въ мирное время, здѣсь-

же ограничусь только этими общими замѣчаніями.

Далѣе, измѣненіе режима строевой службы, въ смыслѣ изъятія хозяйственной стороны и перенесенія центра тяжести служебныхъ требованій на боевую подготовку войскъ, о чемъ также скажу въ томъ-же отдѣлѣ.

Затѣмъ—проведеніе въ жизнь требованій закона относительно надлежащей постановки службы младшихъ офицеровъ, въ смыслѣ предоставленія имъ опредѣленной и отвѣтственной роли въ подготовкѣ войскъ во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавъ ихъ дѣйствительными, а не фиктивными только командирами частей своихъ ротъ.

Конечно, рѣшеніе послѣдняго вопроса въ такомъ направленіи не легко, ибо это, какъ мнѣ кажется, должно повлечь за собой измѣненіе настоящаго служебнаго положенія фельдфебелей и взводныхъ унтеръ-офицеровъ. Слѣдовательно, возникаютъ сомнѣнія, чѣмъ здѣсь слѣдуетъ поступиться? Я не берусь разрѣшить этотъ вопросъ, —онъ слишкомъ практиченъ и близокъ жизни войскъ, выскажу здѣсь только слѣдующія соображенія:

Дальнѣйшее существованіе въ войскахъ фельдфелей, при всѣхъ несомнѣнно полезныхъ сторонахъ этой должности, ведетъ, какъ мнѣ кажется, и къ невыгоднымъ послѣдствіямъ, а именно: оно какъ-бы оттираетъ и заслоняетъ младшихъ офицеровъ отъ нижнихъ чиновъ, подчеркиваетъ ихъ излишность и, зачастую, пріучаетъ офицеровъ вообще сваливать съ себя многія свои обязанности; прибавимъ, наконецъ, сюда извѣстныя всѣмъ злоупотребленія, въ видѣ разнаго ро-

да вымогательствъ, пользованія прислугой и т. д., почти обычныя среди начальства изъ нижнихъ чиновъ. Не является-ли въ настоящее время эта должность однимъ изъ пережитковъ барства и послѣдствіемъ хозяйскаго уклада строя? Не способствуетъ-ли она бездѣйствію офицеровъ и будетъ-ли она нужна, когда съ войскъ снимутся хозяйственныя заботы? Наконецъ, если должность эта признается безусловно необходимой и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, то не можетъ-ли быть фельдфебелемъ офицеръ, хотя-бы старшій въ ротѣ послѣ командира ея? Наконецъ, не могутъ-ли офицеры быть взводными и полуротными командирами въ дѣйствительности, замѣнивъ собою во всѣхъ отношеніяхъ унтеръ-офицеровъ, которые въ такомъ случаѣ могли—быть ихъ помощниками?

Несомнѣнно, все это вызываетъ существенныя возраженія, которыя нетрудно предвидѣть: возможно-ли оставить роту безъ постояннаго наблюденія стараго, опытнаго и близкаго къ нижнимъ чинамъ фельдфебеля, можно-ли обязать офицера такой черновой работой, исполняемой нынѣ начальствомъ изъ нижнихъ чиновъ и, наконецъ, умѣстно-ли и полезно-ли будетъ заставлять его жить вмѣстѣ съ солдатомъ? Конечно, все это очень серіозныя сомнѣнія, но не являются-ли онѣ больше предубѣжденіемъ? Почему, напримѣръ, спрошу я, офицеръ не можетъ жить въ казармѣ, да и есть-ли необходимость находиться тамъ безотлучно? Развѣ теперь фельдфебеля живутъ въ дѣйствительности все время въ казармахъ? Отчего офицеру не сдѣлаться взводнымъ или полуротнымъ командиромъ

въ полномъ значенiи этого слова? Наконецъ, очень можетъ быть, что все это будетъ имѣть и нѣкоторыя невыгоды, но, развѣ, нельзя предвидѣть и полезныхъ результатовъ, какъ-то: поднятiе значенiя младшаго офицера въ ротѣ, порученiе ему живой серiозной работы, что сдѣлаетъ его дѣйствительнымъ начальникомъ и отвѣтчикомъ за нижнихъ чиновъ, съ которыми онъ больше можетъ сблизиться, наконецъ,—несомнѣнное уменьшенiе разныхъ злоупотребленiй, самоуправства и грубости? И я думаю, что уже во имя одного сближенiя съ солдатомъ стоитъ подумать объ этомъ, особенно въ наше время.

Вопросъ этотъ—крайне важенъ, но, повторяю, не считая себя достаточно компетентнымъ въ немъ, я не могу высказать своего мнѣнiя въ категорическомъ смыслѣ, думаю только, что не все-же исчерпывается одною опытностью, привычками и что многое изъ того, что кажется намъ столь страннымъ и дикимъ, часто должно быть объяснено однѣми предубѣжденiями.

Конечно, можно усумниться, своевременно-ли, предпринять разрѣшенiе этого вопроса въ переживаемую смутную эпоху, когда затруднительна, а порою и вредна всякая рѣзкая ломка въ привычной организацiи; но это ужъ — дѣло другое, никто и не настаиваетъ на немедленномъ проведенiи такой формы въ жизнь.

Наконецъ, необходимо упомянуть и объ отношенiяхъ къ молодому офицеру со стороны командировъ частей и товарищей. Много нужно приложить вниманiя со стороны тѣхъ и другихъ, чтобы не дать молодежи опускаться, что нерѣдко случается на далекихъ окраинахъ и въ заса-

сывающихъ медвѣжьихъ углахъ. Конечно, отъ офицерскаго общества въ его современномъ положеніи иногда трудно этого и требовать,—въ захолустныхъ стоянкахъ, оно, вѣдь, и само таково, что часто не въ состояніи оказать нравственной поддержки; и тѣмъ больше, слѣдовательно, значеніе получаетъ въ такихъ случаяхъ воздѣйствіе командира части, который много можетъ сдѣлать, чтобы предупредить опусканіе молодежи; здѣсь все получаетъ значеніе, начиная съ близости и сердечности отношеній и кончая назначеніемъ лучшей стоянки и къ болѣе твердымъ, лучшимъ ротнымъ и батальоннымъ командирамъ. Разумѣется и въ этомъ отношеніи огромную пользу принесетъ однородность офицерскаго состава, къ которой непремѣнно слѣдуетъ стремиться.

Что касается матеріальныхъ условій службы молодыхъ офицеровъ,, то объ этомъ я упомяну нѣсколько дальше, разбирая этотъ вопросъ по отношенію офицерскаго состава арміи вообще.

Слѣдующею за младшимъ офицеромъ строевою служебною ступенью является ротный (эскадронный, батарейный) командиръ.

Должность эта, важная сама по себѣ, въ нашей арміи получила особенное значеніе: ротный командиръ есть дѣйствительный ближайшій начальникъ своей роты и полный отвѣтчикъ за нее во всѣхъ отношеніяхъ; при сложившемся у насъ укладѣ, онъ вѣдаетъ рѣшительно всѣмъ, на него сваливается все. Не преувеличеніемъ, поэтому, будетъ, если назвать его одною изъ самыхъ главныхъ основъ нашей арміи.

Составъ ротныхъ командировъ въ заурядномъ армейскомъ полку—почти исключительно изъ юн-

керскихъ училищъ, такъ какъ большинство военно-училищныхъ офицеровъ уходитъ изъ строя еще до полученія ротъ; такимъ образомъ, составъ ротныхъ командировъ, по своему, является болѣе устойчивымъ и опредѣлившимся; конечно, это имѣетъ и хорошія стороны, но по тѣмъ-же причинамъ всѣ отрицательныя черты нашего военнаго уклада сказываются на этомъ составѣ болѣе ярко, нежели на какомъ либо другомъ: слишкомъ поздно, чтобы думать о чемъ-либо другомъ, слишкомъ случайнымъ и туманнымъ представляется дальнѣйшее; въ связи съ большею зависимостью отъ усмотрѣнія начальства и матеріальной стороны, это-то и создаетъ ту атмосферу обезличенности и безпросвѣтности, которая отличаетъ нашъ строевой офицерскій составъ младшихъ степеней.

По прослуженіи большого срока въ оберъ-офицерскихъ чинахъ (обыкновенно не менѣе 20 лѣтъ), незначительная часть ротныхъ командировъ попадаетъ, наконецъ, въ Подполковники, что и является въ глазахъ огромнаго большинслва строевыхъ офицеровъ желаннымъ вѣнцомъ ихъ служебной карьеры. Производство въ штабъ-офицеры бываетъ двухъ родовъ, по старшинству и „внѣ правилъ", причемъ право на таковое обусловливается извѣстными требованіями, какъ въ аттестаціонномъ отношеніи, такъ и въ смылѣ возраста и числа лѣтъ службы въ капитанскомъ чинѣ.

При крайне незначительномъ, относительно, числѣ Штабъ-офицерскихъ вакансій въ строю, несоотвѣтственныхъ зачастую аттестаціяхъ и отсутствіи правильнаго и однообразнаго на нихъ взгляда среди начальствующихъ лицъ, нельзя сказать, чтобы въ Подполковники попадали дѣй-

ствительно наиболѣе достойные и способные капитаны; пожилой возрастъ огромнаго большинства офицеровъ, достигающихъ Штабъ-офицерскаго чина, полная почти безнадежность въ будущемъ и вліяніе режима въ прошломъ, — все это настолько сильно отражается, что только очень немногіе изъ нихъ въ состояніи удовлетворять служебнымъ требованіямъ въ новой роли; большая часть—мало отвѣчаетъ своему назначенію и, преимущественно, —дослуживаетъ до пенсіи. Служебное положеніе армейскихъ Штабъ-офицеровъ довольно неопредѣленно: въ роли батальонныхъ командировъ они являются почти исключительно инстанціей наблюдающей, становясь активными работниками лишь въ небольшой періодъ лѣтнихъ ученій и маневровъ; совсѣмъ уже неопредѣленною представляется должность младшаго штабъ-офицера въ пѣхотѣ. Попадая въ Подполковники, черезчуръ перегруженный всевозможными обязанностями и заботами ротный командиръ, чувствуетъ себя первое время необычайно легко; привыкши за долгую службу къ непосредственному черновому труду, лучшіе изъ такихъ штабъ-офицеровъ обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что начинаютъ излишне входить въ разныя дѣла, часто болѣе мѣшая работѣ подчиненныхъ, нежели помогая имъ, а худшіе—совершенно опускаютъ руки.

Должности командировъ отдѣльныхъ частей замѣщаются офицерами арміи, Гвардіи и Генеральнаго Штаба, причемъ два послѣдніе рода службы имѣютъ въ этомъ отношеніи значительныя преимущества. Общая характеристика командировъ частей всѣхъ этихъ категорій была приведена выше.

При установившемся у насъ служебномъ режимѣ и большой неоднородности состава кандидатовъ на отдѣльныя части, командованіе послѣдними ведется чрезвычайно разнообразно. Обыкновенно часть никогда не знаетъ, даже приблизительно, каковъ будетъ, напримѣръ, ожидаемый новый командиръ полка и что онъ будетъ требовать—объ этомъ всегда ходятъ только неопредѣленные слухи; будетъ-ли это одинъ изъ представителей отживающаго бурбонства, или, что чаще,—безразличіе, халатность и распущенность, или же, наконецъ, карьеристъ, гость въ полку? Будетъ-ли новый командиръ налегать преимущественно на хозяйство, или стрѣльбу, или-же надо готовиться къ какимъ-либо другимъ излюбленнымъ его требованіямъ и пріемамъ? И все это относится не къ какимъ-нибудь деталямъ, а всецѣло приложимо и къ самымъ существеннымъ и опредѣленнымъ закономъ сторонамъ службы. Поэтому состояніе части передъ пріѣздомъ новаго командира обыкновенно полно неизвѣстности и безпокойства.

Отсюда-то и идутъ всѣ эти усиленныя „приспособленія“ подъ личныя требованія, на что тратится такъ много времени, большое разнообразіе въ обученіи нашихъ частей и удивительныя колебанія этого уровня по отношенію къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности; наконецъ, какъ слѣдствіе изъ всего этого,—малая продуктивность въ подготовкѣ нашихъ войскъ вообще.

Все это очень характерно, и показываетъ, что наряду съ общей зажатостью нашего военнаго режима, существуетъ большой произволъ даже и по отношенію общихъ служебныхъ требованій. И,

если нѣкоторыя части долгое время сохраняютъ свой обликъ и держатся на одной высотѣ, то этимъ обыкновенно онѣ бываютъ обязаны самимъ себѣ, обстановкѣ, или-же случайному вліянію какого либо командира, съумѣвшаго дать ей твердую закваску.

Должность командира части обставлена у насъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма высоко; и дѣйствительно, командиръ части—„большой человѣкъ“, по выраженію Генерала Драгомирова. Съ другой стороны, при сложности современныхъ боевыхъ требованій, обремененіи войскъ хозяйствомъ и крайне разнородномъ составѣ офицеровъ,—она является весьма тяжелой и отвѣтственной, справиться съ которой въ полной мѣрѣ можетъ лишь человѣкъ крѣпкій духомъ, умный, сердечный и опытный въ управленіи людьми; конечно, изъ нашихъ командировъ только очень немногіе удовлетворяютъ этому и дѣйствительно правятъ своимъ дѣломъ, большинство-же выѣзжаетъ обыкновенно на спинахъ своихъ подчиненныхъ, и, пуская въ ходъ всякія средства, часто благополучно совершаетъ свою служебную карьеру; такой явной несоотвѣтственности не помогаетъ зачастую и боевой опытъ: пріобрѣтенный обыкновенно въ младшихъ чинахъ, онъ является по большей части черезчуръ узкимъ, почему и не можетъ проявляться съ пользою на должностяхъ, требующихъ широкаго взгляда и умѣнія управлять.

Наконецъ дальнѣйшее повышеніе по службѣ, какъ было уже указано выше, носитъ у насъ совершенно случайный характеръ: есть знакомство и связи, представится счастливый случай—пойдешь и дальше и, быть можетъ, высоко; нѣтъ

этого—генеральскій чинъ и должность бригаднаго, какъ заключительный вѣнецъ дѣятельности; и въ очень рѣдкихъ, относительно, случаяхъ играютъ тутъ роль личныя достоинства и польза службы. Это, впрочемъ, преимущественно касается армейцевъ; бывшіе офицеры Гвардіи и Генеральнаго Штаба достигаютъ обыкновенно высшихъ служебныхъ степеней гораздо чаще.

Считая излишнимъ говорить еще что либо о составѣ нашихъ высшихъ начальствующихъ лицъ, замѣчу только, что на дѣлѣ очень рѣдкіе изъ нихъ оказываютъ полезное вліяніе на подготовку ввѣренныхъ имъ частей, направляя и регулируя ихъ работу; чаше всего онѣ совсѣмъ устраняются отъ дѣла, и ограничиваются отданіемъ приказовъ, да рѣдкими посѣщеніями формальнаго свойства, если-же и становятся въ близкое соприкосновеніе съ войсками, то преимущественно мѣшаютъ послѣднимъ, входя непосредственно въ функціи младшихъ начальниковъ и упуская свои собственныя.

И, характеризуя въ общемъ офицерскій составъ нашей арміи, приходится придти къ грустному заключенію: у насъ много хорошихъ младшихъ офицеровъ и ротныхъ командировъ, гораздо меньше подходящихъ штабъ-офицеровъ, въ особенности командировъ частей, совсѣмъ уже мало соотвѣтственныхъ генераловъ и почти нѣтъ высшихъ руководителей. И, при всей нежелательности, что же тутъ мудренаго, если среди младшаго офицерскаго состава вообще такъ развитъ у насъ духъ недовѣрія и критицизма по отношенію своихъ старшихъ и начальниковъ?

Что же можно сказать относительно существу-

ющаго режима, который является общимъ для всѣхъ чиновъ арміи?

Прежде всего отмѣтимъ то бросающееся въ глаза предпочтеніе, которое отдается строю, въ тѣсномъ значеніи этого слова, и хозяйству передъ тактической, боевой, подготовкой, иначе говоря—менѣе важной сторонѣ въ ущербъ болѣе важной; прогрессируя постепенно въ этомъ направленіи, мы дошли до того, что и эти менѣе важныя, но, все-же необходимыя, стороны военнаго дѣла начали уступать мѣсто требованіямъ не только ужъ не имѣющимъ значенія, но даже вреднымъ,—показнымъ, отчетнымъ,—часто заслоняющимъ собою суть. Въ результатѣ-соотвѣтствующая, конечно, расцѣнка: офицеръ боевого склада, или близко стоящій къ солдату оставался въ тѣни, а хорошій фронтовикъ, хозяинъ—получалъ передъ нимъ всѣ преимущества; въ свою очередь и послѣдній часто заслонялся ловкимъ „очковтирателемъ.“

Затѣмъ, наша строевая служба обставлена такъ, что хорошимъ служакой зачастую не выгодно даже и быть, такъ какъ, при неумѣніи заставить служить всѣхъ болѣе или менѣе ровно, — у насъ обыкновенно „выѣзжаютъ“ на немногихъ лучшихъ, оставляя въ покоѣ болѣе слабыхъ или не желающихъ работать; на лучшаго, болѣе энергичнаго и добросовѣстнаго, сваливается всякій отвѣтственный нарядъ и порученіе, а служебные результаты, при слабости поощрительныхъ средствъ—почти одни и тѣже, или разнятся въ степени прямо обидной и совсѣмъ несоизмѣримой съ отношеніемъ къ дѣлу; если-же достойный служака и получаетъ награду, то обыкновенно настолько поздно, что является на болѣе

высокой должности уже „выдохшимся“ и съ подорванными силами, а потому и не даетъ изъ себя того, что могъ-бы дать прежде; и нерѣдко выходитъ, что единственными результатами продолжительной добросовѣстной службы остаются: непосильный трудъ въ прошломъ и вѣрные признаки разстроеннаго здоровья—въ будущемъ.

Далѣе,—недостаточная правильность служебной расцѣнки офицера, что объясняется трудностью и, отчасти, неумѣніемъ начальника разобраться въ подчиненныхъ путемъ составленія единоличнаго о нихъ мнѣнія. Отмѣтимъ здѣсь же и случайность этой расцѣнки, которая происходитъ отъ неодинаковаго состава начальствующихъ лицъ, часто весьма разно смотрящихъ на требованія службы; это получаетъ особое значеніе при тѣхъ излюбленныхъ „конькахъ“, съ которыми нерѣдко являются новые командиры частей: угодить на всякаго—трудно и въ результатѣ—подлаживаніе подъ слабыя струнки командира и выплываніе вверхъ безцеремонныхъ ловкачей, съ одной стороны, и частичность служебной оцѣнки—съ другой; послѣдняя выражается въ томъ, что иногда и единичная даже проруха по службѣ, въ особенности что касается этихъ „коньковъ,“ ставитъ иногда чуть не на смарку всю прежнюю достойную службу.

Пресловутая иниціатива. Какъ извѣстно, качество это нелюбимо и не укладывается въ нашемъ строевомъ обиходѣ; обыкновенно случается такъ, что за всѣ проявленія частнаго почина автору ея въ концѣ концовъ „нагараетъ,“ такъ какъ онѣ рѣжутъ глаза и нарушаютъ излюбленную „гладкость“; съ другой стороны, это нисколько

не гарантируетъ отъ того, что въ случаѣ какой либо неудачи, все и вся, начиная съ своего же ближайшаго начальства, столь глушащаго въ иное время всякую самостоятельность, непремѣнно поставитъ вамъ въ вину недостатокъ въ ея проявленіи. При такихъ условіяхъ, иниціативѣ, конечно, не откуда и взяться, а потому и всѣ бумажныя требованія ея остаются мертвыми и, сами по себѣ, никакой пользы принести не могутъ. И, конечно, такія отношенія къ этому тонкому качеству тяжелѣе всего отзываются на лучшихъ, болѣе способныхъ, самостоятельныхъ офицерахъ, которые часто слывутъ лишь „безпокойными“ и обыкновенно не оцѣниваются по заслугамъ.

Наконецъ,—грубость строевого режима, проявляющаяся въ обращеніи начальства съ подчиненными. Несомнѣнно, что таковая является послѣдствіемъ нашей грубости вообще, которая въ приложеніи къ военному обиходу, при его категоричности, сказывается рѣзче, нежели гдѣ либо. Самыя печальныя и вредныя проявленія грубости выражаются въ „разносахъ“ начальствомъ офицеровъ, не стѣсняясь присутствіемъ подчиненныхъ и, въ особенности, передъ строемъ, когда все сказанное слышитъ каждый нижній чинъ. Такіе „разносы“, по большей части, вовсе не вызываются необходимостью и объясняются преимущественно невоздержанностью, неуваженіемъ къ младшему себя званію и авторитету и болѣзненно преувеличеннымъ мнѣніемъ о начальнической власти и ея прерогативахъ. Желаніе подчиненнаго объясниться глушиться обычнымъ окрикомъ „молчать, не разсуждать!“ съ котораго и начинается форменный уже „разносъ“; въ результатѣ—

провинившійся чувствуетъ себя совершенно оплеваннымъ въ глазахъ своихъ подчиненныхъ, особенно солдатъ, которымъ стыдно иной разъ и въ глаза смотрѣть, а среди послѣднихъ падаетъ довѣріе къ начальнику и колеблется его авторитетъ. Какъ извѣстно, начальство очень часто склонно относить свою грубость и невоздержанность къ нервности, горячности характера и отношенія къ дѣлу; замѣтимъ, однако, что все это, во первыхъ, проявляется только по отношенію къ подчиненнымъ и не имѣетъ мѣста въ другихъ случаяхъ, а во вторыхъ—что, вѣдь, и качества эти не составляютъ-же исключительной принадлежрости начальствующихъ лицъ, среди которыхъ усердія къ службѣ, въ общемъ, врядъ-ли больше. нежели у подчиненныхъ?

Впрочемъ, сильное впечатлѣніе „разносы“ производятъ лишь на новичковъ, обстрѣлянныйже строевикъ привыкаетъ современемъ къ этому; и, преимущественно, здѣсь надо искать причинъ забитости, приниженности и, слѣдовательно, отсутствія самостоятельности, замѣчаемыхъ у многихъ офицеровъ армейской пѣхоты, гдѣ грубое обращеніе развито значительно больше, чѣмъ въ остальныхъ родахъ оружія и службы,

И если прежде такая грубость зачастую уживалась съ заботливымъ, а иногда и сердечнымъ, отношеніемъ начальника къ подчиненнымъ,—то теперь это встрѣчается рѣдко: старый типъ „отца-командира“—исчезъ и, вмѣстѣ со многимъ дурнымъ, унесъ бевозвратно и много хорошаго; теперешнее начальство держитъ себя значительно холоднѣе, дальше и если оно, въ общемъ, и вѣжливѣе, то больше въ формальномъ отношеніи;

поэтому, издавна еще установившаяся у насъ въ строю поговорка—„чѣмъ дальше отъ начальства,—тѣмъ лучше“, остается въ полной силѣ еще и теперь.

И я полагаю, что изложенные вопросы не должны быть обойдены реформами; разумѣется, многое создавалось здѣсь въ теченіи долгаго времени и происходило отъ общаго нашего уклада, а потому и не можетъ быть измѣнено сразу, но тѣмъ не менѣе необходимы извѣстныя мѣры, которыя помогли-бы постепенно обосновать нашъ строевой режимъ на болѣе справедливыхъ, современныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе надежныхъ основаніяхъ. Такимъ мѣрами, какъ мнѣ кажется, могли бы явиться слѣдующія:

Измѣненіе направленія требованій и интересовъ строевой службы, въ смыслѣ перенесенія центра тяжести таковыхъ на боевую подготовку войскъ, о чемъ подробно я скажу ниже. Отсюда и соотвѣтствующая этому расцѣнка и выборъ офицеровъ для дальнѣйшаго движенія по службѣ.

Большее развитіе всѣхъ поощрительныхъ мѣръ по отношенію къ заслуживающимъ того и безцеремонное удаленіе неисправныхъ или не желающихъ служить. Для обезпеченія-же правильности выбора людей, отличающихся въ ту или другую сторону, необходимо въ настоящую служебную оцѣнку офицера ввести коррективъ въ видѣ товарищескихъ аттестацій, регулируемыхъ командиромъ части; такая оцѣнка будетъ несомнѣнно полнѣе и справедливѣе единоличнаго приговора начальника, такъ какъ, во первыхъ, она болѣе постоянна, а во вторыхъ—и гораздо дѣйствительнѣе, ибо то, что пройдетъ иногда незамѣчен-

нымъ мимо начальника—не скроется отъ сослуживцевъ.

Разумѣется, окончательная аттестація офицера должна быть оставлена за начальникомъ, но при ея составленіи онъ обязанъ считаться и съ мнѣніемъ подчиненныхъ; конечно, на практикѣ могутъ быть случаи, что командиры частей будутъ уклонятся отъ этого, но, спрашивается, какой-же хорошій и внимательный начальникъ не воспользуется матеріаломъ, который такъ облегчитъ ему познаніе и надлежащую оцѣнку своихъ подчиненныхъ? На введеніе товарищескихъ аттестацій отнюдь не надо смотрѣть какъ на умаленіе власти и компетенціи начальника, а наоборотъ,—какъ на большую помощь послѣднему въ дѣлѣ чрезвычайно трудномъ и отвѣтственномъ.

Въ опредѣленныхъ случаяхъ (напримѣръ, назначенія, цереводы, важныя продолжительныя командировки и т. д.) надо предоставить частямъ и разнымъ учрежденіямъ право требовать, помимо аттестаціи начальника, еще и товарищеской оцѣнки офицера.

Отвѣтственнымъ за правильность аттестаціи долженъ являться командиръ части; исключеніе въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано въ тѣхъ только случаяхъ, когда оцѣнка начальника рѣзко расходится съ товарищеской, причемъ обнаружится, что несоотвѣтствующею является именно послѣдняя; это и должно ставиться на видъ давшему ее обществу офицеровъ. Однако, понятію объ отвѣтственности начальника за аттестацію подчиненнаго не слѣдуетъ придавать преувеличеннаго значенія, такъ какъ, во первыхъ,—одно это мало поможетъ дѣлу, а во вторыхъ—окраска

аттестаціи, ради страха отвѣтственности, и просто „на всякій случай“—приметъ въ такомъ случаѣ настолько неопредѣленный характеръ, который, удовлетворяя формально всѣмъ требованіямъ, не отвѣтитъ въ сущности ни одному изъ нихъ; и такая вѣроятная „сѣрость“ аттестацій будетъ, едвали, не шагомъ назадъ, по сравненію съ настоящимъ способомъ. Поэтому я полагаю, что командиръ части можетъ и долженъ отвѣчать исключительно за явное, рѣзкое несоотвѣтствіе данной имъ аттестаціи, не болѣе.

Аттестаціи должны быть гласными, т. е. сообщаться каждому офицеру; установленіе для нихъ опредѣленной формы — нежелательно: оно стѣснитъ только составителя шаблономъ, за которымъ, какъ теперь, сплошь да рядомъ пропадаетъ живой человѣкъ; нужно одно,—чтобы аттестація давала понятіе о личности аттестуемаго, отмѣчала характерныя особенности, склонности и обрисовывала его общій нравственный и служебный обликъ; въ аттестаціяхъ на начальствующихъ лицъ весьма важно отмѣчать ихъ способность разбираться въ людяхъ.

Въ настоящее время у насъ введенъ коммиссіонный способъ аттестованія. Рѣшеніе это, какъ у насъ почти всегда бываетъ,—среднее и потому, надо думать, не принесетъ ожидаемой пользы, по крайней мѣрѣ значительной; во всякомъ случаѣ мѣру эту надо привѣтствовать какъ шагъ впередъ въ желательномъ направленіи.

Конечно, и товарищеская оцѣнка можетъ быть не вполнѣ справедливою, особенно по отношенію людей непокладистыхъ и неумѣющихъ ладить съ обществомъ, или, наоборотъ,—крикуновъ, заиски-

вающихъ и подкатывающихся ко всѣмъ; но все это не можетъ идти въ сравненіе съ тою пользою, которую онѣ несомнѣнно принесутъ; наконецъ, регуляторомъ по отношенію ихъ и является оцѣнка начальника.

Однимъ изъ видовъ поощренія службы офицеровъ является награжденіе орденами. Какъ извѣстно, въ мирное время съ этою цѣлью установлены особыя наградныя нормы, изъ коихъ самая незначительная—для строевыхъ офицеровъ. Въ военное время награжденіе орденами не обусловливается этими нормами. Необходимо пересмотрѣть вопросъ объ орденахъ мирнаго и военнаго времени, принявъ въ основаніе слѣдующее: Прежде всего—увеличить вообще наградныя нормы мирнаго времени, сравнивъ въ этомъ отношеніи всѣ роды оружія и службы и, въ частности—строевыя.

Обусловить право на полученіе боевыхъ орденовъ дѣйствительнымъ участіемъ въ бою, засвидѣтельствованнымъ какъ начальникомъ, такъ и обществомъ офицеровъ. Конечно, при желаніи, все можно обосновать совершенно законно, съ формальной стороны, но этотъ способъ все-же будетъ больше гарантировать соотвѣтственность наградъ.

Наконецъ—проявлять особенную разборчивость къ случаямъ награжденія всѣхъ не-строевыхъ, по отношенію которыхъ полезно было-бы даже установить отличныя отъ строевыхъ боевыя отличія.

Необходимо упомянуть здѣсь и о составленіи послужныхъ списковъ, представляющихъ собою теперь лишь сухой хронологическій перечень производства въ чины, назначеній, наградъ и т. да-

лѣе, мало говорящій начальнику о личности подчиненнаго. Слѣдовало-бы его сдѣлать короче по формѣ и обратить въ документъ, въ которомъ была-бы вкратцѣ характеризована вся служебная дѣятельность офицера.

Въ общемъ, въ вопросѣ о расцѣнкѣ службы офицера надо отрѣшиться отъ существующихъ безразличій, нивеллировки и случайности, которыя полезны только равнодушнымъ къ службѣ, лодырямъ или ловкимъ „очковтирателямъ" и поставить успѣхъ карьеры офицера въ прямую зависимость отъ личныхъ его достоинствъ и пользы, которую онъ приноситъ по службѣ. Нѣтъ той частной службы, гдѣ одинаково оцѣнивали-бы разныхъ людей: всюду и вездѣ дорожатъ способными и добросовѣстными, посредственности—не дадутъ большого хода, а негоднаго—гонятъ вонъ; въ этомъ-то и заключается важнѣйшая причина того, что всякая частная служба гораздо продуктивнѣе нашей „казенной". И для успѣха дѣла подобныя-же основы оцѣнки должны быть приняты и въ военной средѣ. Мнѣ кажется, что военному вѣдомству необходимо скорѣе прійти на помощь именно лучшей и наиболѣе достойной части нашего офицерскаго состава, который несомнѣнно давно уже сознаетъ непорядки въ системѣ оцѣнки строевой службы; наблюдаемое часто въ строю полное „опусканіе рукъ" даже у лучшихъ людей—симптомъ очень нехорошій вообще и крайне нежелательный въ переживаемое время. Надо во чтобы-то ни стало поддержать надежды на лучшее пока не упала еще окончательно вѣра и есть еще „чающіе движенія воды".

Далѣе, необходимо возможное культированіе

и поощреніе такихъ дорогихъ для военнаго дѣла качествъ какъ иниціатива и самодѣятельность, умѣло регулируемыхъ и направляемыхъ на пользу службы. Для развитія ихъ недостаточно однихъ официальныхъ бумажныхъ требованій, нужно стремиться къ тому, чтобы въ нашемъ строевомъ обиходѣ увеличился-бы спросъ на нихъ, чтобы они сдѣлались дѣйствительно нужными. А для этого, помимо измѣненія служебнаго режима въ смыслѣ направленія требованій и усовершенствованія оцѣнки, необходимы: ясная постановка цѣлей и возможное разсредоточеніе правъ и обязанностей, съ установленіемъ параллельной съ ними отвѣтственности, путемъ перенесенія части таковыхъ съ начальниковъ и инстанцій высшихъ на болѣе нисшихъ. Только при этихъ условіяхъ возможно будетъ каждому начальнику, начиная отъ самаго малаго, чувствовать себя полнымъ хозяиномъ своего дѣла и только тогда исчезнетъ столь часто практикуемое нынѣ пренебреженіе своими обязанностями, вмѣшиваніе и стѣсненіе чужихъ.

Необходимо помнить, что воспитаніе въ подчиненныхъ иниціативы и самодѣятельности требуетъ большого вниманія и осторожности, такъ какъ качества эти—нѣжныя и хрупкія; не трудно потушить первые ихъ ростки, но вызвать ихъ къ жизни далеко не легко; и невниманіе къ правильной постановкѣ дѣла можетъ повести, съ одной стороны,—къ вырожденію этихъ свойствъ въ распущенность, а съ другой—къ придавленности и равнодушію. Отсюда — важность направленія, школы.

Во всякомъ случаѣ невозможно ожидать, чтобы частный починъ и самодѣятельность привились въ

арміи скоро; не малое время потребуется на то, чтобы качества эти вошли въ нашъ военный обиходъ стоявшій такъ долго на совершенно иныхъ основаніяхъ; главное вліяніе несомнѣнно окажутъ здѣсь духъ времени и ростъ общества въ этомъ направленіи, арміи-же необходимо сообразоваться съ этимъ и постепенно создать такую обстановку, въ которой качества эти могли бы находить себѣ должное примѣнене.

Затѣмъ,—большая мягкость и ровность въ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными, что никоимъ образомъ не исключаетъ твердости, категоричности и настойчивости, которыми должны быть проникнуты всѣ требованія военной службы. Разумѣется, и здѣсь приходится придти къ тому заключенію, что все это можетъ наладиться только со временемъ; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать всего того, что можетъ облегчить работу въ этомъ направленіи.

Я полагаю, что въ соотвѣтствующихъ уставахъ должна быть оттѣнена незаконность грубаго обращенія начальника съ подчиненными, особенно въ служебныхъ отношеніяхъ и, въ частности, передъ строемъ, въ присутствіи нижнихъ чиновъ; уставъ долженъ категорически установить, что такія проявленія должны составлять тяжкій проступокъ для начальника и указывать на его неумѣніе управлять людьми посредствомъ иныхъ, болѣе дѣйствительныхъ и гуманныхъ средствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ предпринять что либо съ цѣлью облегчить военно-служащимъ на практикѣ принесеніе жалобъ на различнаго рода неправильныя дѣйствія начальниковъ. Существующія на этотъ счетъ законоположенія, какъ извѣстно, не достигаютъ своей цѣли и пользуются

ими обыкновенно далеко не лучшіе офицеры; конечно, формулировать желаемое измѣненіе не легко, но всетаки необходимо обставить право принесенія жалобъ такъ, чтобы оно не оставалось мертвой, преимущественно, буквой, а получило-бы жизненное значеніе, защищая интересы подчиненнаго столь-же дѣйствительно, какъ ограждены у насъ закономъ прерогативы начальника.

Кромѣ всего этого, необходимая большая близость начальства по отношенію своихъ офицеровъ, внимательное изученіе послѣднихъ, сердечность и входчивость въ положеніе и нужды ихъ; наконецъ—умѣніе управлять ими сообразно ихъ склонностей и способностей. Все это является лучшимъ путемъ для взаимнаго познанія и сближенія и надежно обезпечить необходимую связь начальника съ подчиненными.

Наконецъ,—развитіе офицерскихъ обществъ въ частяхъ, путемъ предоставленія имъ большихъ правъ относительно лицъ, входящихъ въ ихъ составъ; права эти, помимо предложенныхъ выше товарищескихъ аттестацій и существующихъ уже судовъ, могли-бы выразиться въ обязательномъ участіи названныхъ обществъ во всѣхъ вопросахъ, непосредственно касающихся интересовъ офицерскаго состава данной части—производства, награды, переводы и назначенія офицеровъ, отпуска, пособія и т. д.

Всѣ подобные вопросы лучше всего выяснять путемъ закрытой баллотировки, въ которой участвуютъ всѣ офицеры, или только особые, избранные послѣдними представители; рѣшающій голосъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, разумѣется, долженъ оставаться за начальникомъ.

Попытки къ образованію такихъ обществъ у

насъ налицо—офицерскій судъ, рѣшеніе вопросовъ домашняго обихода; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ частяхъ, гдѣ составъ офицеровъ болѣе подобранъ (въ гвардіи), давно уже существуютъ обычаи заручаться, въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. назначенія, переводы), согласіемъ не только командира части, но и офицерскаго общества; и я думаю, что при условіяхъ созданія однообразнаго офицерскаго состава, о чемъ я говорилъ выше, развитіе этихъ обществъ пойдетъ только на пользу дѣла.

Говоря о способахъ оцѣнки службы офицеровъ, я упустилъ сказать и о тѣхъ мѣрахъ воздѣйствія, которыя по закону предоставлены власти начальства; изъ этихъ мѣръ одна заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться—наложеніе на офицеровъ ареста. Мнѣ кажется, что мѣру эту необходимо отмѣнить совсѣмъ, оставивъ ее только для крайнихъ случаевъ, предшествующихъ принудительному удаленію изъ части, послѣднимъ предупрежденіемъ чего и долженъ являться арестъ. При томъ высокомъ званіи офицера, о которомъ такъ настоятельно трактуетъ нашъ военный законъ, неудобно какъ-то сажать его подъ арестъ, къ тому-же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сопровождаемый постановкой часового, т. е. нижняго чина въ обыкновенное время подчиненнаго офицеру; во всякомъ случаѣ долженъ быть отмѣненъ этотъ послѣдній видъ ареста.

Затѣмъ еще одинъ вопросъ, хотя и формальнаго значенія,—отданіе и принятіе чести.

Мы, офицеры,—крайне невнимательны и невѣжливы въ этомъ отношеніи; еле замѣтное, лѣнивое приближеніе руки къ козырьку и, съ другой стороны—небрежное и какъ-бы досадливое

„отмахиваніе“,—почти обычное явленіе; стыдно признаться, но нижніе чины, которымъ мы подаемъ столь дурной примѣръ, гораздо исправнѣе насъ въ этомъ отношеніи; слѣдуетъ-же, наконецъ, вспомнить, что, во первыхъ, отданіе чести не составляетъ особой привиллегіи офицеровъ и, въ частности, начальства, а есть взаимная обязанность, налагаемая закономъ на всѣхъ военнослужащихъ вообще и во вторыхъ,—что принятіе чести есть то-же отданіе чести и въ такой же мѣрѣ обязательно, какъ и послѣднее. Помимо невѣжливости и халатности, надо думать, что несоблюденіе этихъ внѣшнихъ формъ чинопочитанія имѣетъ и другія причины—напримѣръ, несоотвѣтственность и разность системы повышеній и оцѣнки службы офицеровъ разныхъ родовъ оружія и службы, неувѣренность въ правильности ихъ и, слѣдовательно, въ достоинствѣ тѣхъ лицъ, которымъ положено отдавать честь и, наконецъ—неоднородность офицерскаго состава, отсутствіе связи по духу и товарищества. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что, съ устраненіемъ этихъ причинъ, возрастетъ и болѣе строгое соблюденіе внѣшняго воинскаго приличія.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію бытовой стороны, я считаю необходимымъ коснуться слѣдующаго:

Жизненная обстановка большей части нашихъ армейскихъ офицеровъ—крайне неприглядна: скудное содержаніе, засасывающія захолустныя стоянки, съ ихъ обычными спутниками—отсутствіемъ интересовъ, выпивкой и картежемъ,—совмѣстно съ притупляющимъ служебнымъ режимомъ,—все это способствуетъ опусканію нашего офицерства. Конечно, при настоящихъ условіяхъ, трудно измѣ-

нить все это; тѣмъ не менѣе необходимо стремиться къ улучшенію офицерскаго быта путемъ болѣе внимательнаго отношенія къ матеріальнымъ нуждамъ вообще, а также—къ созданію однороднаго корпуса офицеровъ и обществъ, въ связи съ необходимыми реформами въ смыслѣ направленія и режима службы.

Матеріальный вопросъ. Дать большее содержаніе строевымъ офицерамъ и особенно младшимъ чинамъ—очень важно: помимо другихъ условій, лучшее обезпеченіе офицера въ самый трудный и важный періодъ его жизни несомнѣнно повыситъ значеніе военной службы въ обществѣ, привлечетъ къ ней оттуда больше силъ и остановитъ, до нѣкоторой степени, замѣчаемый нынѣ уходъ молодежи изъ арміи. Въ общемъ мѣра эта является по истинѣ одной изъ важнѣйшихъ въ смыслѣ поднятія строя, что сознается теперь многими съ такой очевидностью. Конечно, лицамъ, по своему положенію стоящимъ далеко отъ арміи и людямъ обезпеченнымъ не понять этого; и только тотъ, кто самъ знакомъ съ нуждой и можетъ судить о всей унизительности и удручающей обстановкѣ бѣдности въ офицерскомъ званіи. Правда, въ послѣднее время многое, относительно, было сдѣлано въ этомъ отношеніи, но послѣдняя прибавка къ содержанію явилась уже запоздалою и несоотвѣтствующею потребностямъ времени. Безъ увеличенія содержанія и, притомъ, вполнѣ достаточнаго, офицерство будетъ продолжать уходить изъ строя и даже на частную службу, которая вознаграждается обыкновенно лучше. Надо имѣть въ виду, что именно въ наше смутное время уходъ офицеровъ изъ строя является особенно нежелательнымъ и потому нужно приложить всѣ

усилія, чтобы удержать ихъ на службѣ. И, надо думать, что при горячемъ и настойчивомъ стремленіи помочь этому дѣлу, найдутся и необходимыя для того средства; вѣдь увеличивается-же зачастую въ гораздо большей пропорціи содержаніе высшимъ начальствующимъ лицамъ, назначаются необыкновенныя пенсіи и пособія. Вообще справедливо будетъ уничтожить ту черезчуръ рѣзкую разницу въ окладахъ младшихъ и старшихъ, которая существуетъ у насъ и какъ можно выгоднѣе оттѣнить преимущества строевой службы, по сравненію съ прочими, которыхъ она вполнѣ заслуживаетъ; и переживаемое время, а равно трудная и отвѣтственная служба строевыхъ офицеровъ придаютъ этой мѣрѣ настоятельный и неотложный характеръ. *)

Надо относиться крайне осторожно къ разнымъ вычетамъ изъ содержанія офицеровъ вообще; всѣ-же казенные вычеты (за ордена, пресловутыя 3-хъ мѣсячныя разницы и т. д.) должны быть отмѣнены, какъ совершенно несоотвѣтствующіе и ничѣмъ не оправдываемые.

Кромѣ содержанія слѣдуетъ еще внимательно пересмотрѣть матеріальную обстановку всевозможныхъ служебныхъ назначеній, командировокъ и т. д.; въ настоящее время большинство ихъ такъ плохо вознаграждаетъ строевого офицера, что чуть-ли не приходится приплачивать изъ своего кармана.

Такой-же пересмотръ необходимъ и по отношенію правъ и преимуществъ военно-служащихъ

---

*) 6-го Декабря минувшаго года состоялось Высочайшее распоряженіе о прибавкѣ содержанія офицерамъ, которая коснется исключительно младшихъ чиновъ (до командира части). Это именно то, что давно слѣдовало сдѣлать.

вообще на опредѣленіе дѣтей въ корпуса и другія казенныя заведенія.

Наконецъ, важно, въ смыслѣ поддержанія матеріальнаго положенія офицеровъ и ихъ семействъ, особенно въ критическихъ случаяхъ, возможно широкое развитіе разныхъ видовъ обществъ взаимопомощи. Затѣмъ, сюда-же надо отнести и вопросъ о пенсіяхъ. Бо́льшая требовательность службы и болѣе строгая оцѣнка заставитъ впослѣдствіи уходить со службы и большее число офицеровъ; тормазомъ-же къ такому уходу у насъ издавна еще служитъ именно пенсіонный вопросъ; оттого-то вездѣ въ частяхъ и есть „уходящіе“ и „дослуживающіе“ чуть не цѣлыми годами. Поэтому необходимо вообще увеличить оклады пенсій и создать промежуточные разряды выслуги ихъ, не ограничиваясь мало кѣмъ достижимыми 25-ти и 35-ти лѣтними сроками. Это больше будетъ очищать военную службу отъ людей почему-либо тяготящихся ею и дастъ начальнику возможность съ болѣе легкимъ сердцемъ увольнять послѣднихъ, не стѣсняясь матеріальнымъ ихъ положеніемъ.

Я нарочно остановился подробнѣе на матеріальномъ вопросѣ строевыхъ офицеровъ, такъ какъ считаю его однимъ изъ важнѣйшихъ въ дѣлѣ нашей военной реформы.

Форма одежды. Въ этомъ отношеніи, несмотря на опытъ послѣдней войны, мы до сихъ поръ еще не пришли къ опредѣленному и цѣльному рѣшенію. Казалось-бы, что здѣсь надо исходить прежде всего изъ простоты, удобства и однотипности военной одежды, что удешевитъ ее и сдѣлаетъ одинаково отвѣчающей мирному и военному времени; нельзя обойти въ этомъ вопросѣ и кра-

соты формы, но не увлекаться ею въ такой мѣрѣ, чтобы она заслонила-бы указанныя выше основныя требованія; необходимо, наконецъ, установить такой типъ военной формы, которой рѣзко отличалъ-бы ее отъ всякой иной.

По поводу формы я, впрочемъ, буду имѣть случай говорить еще выше, здѣсь-же хочу сказать два слова о холодномъ оружіи офицеровъ.

Это дѣло у насъ находится въ какомъ-то обидномъ забросѣ,—офицерство наше по большей части не придаетъ своему оружію значенія эмблемы воинской чести, равнодушно къ нему и рѣдко умѣетъ имъ владѣть, многіе-же носятъ такое оружіе, которое никоимъ не можетъ быть названо имъ. Какъ было указано выше, слѣдовало-бы каждому офицеру, выдавать при производствѣ оружіе отъ имени Государя Императора, что заставило-бы дорожить имъ и не смотрѣть на него безразлично; кромѣ того, слѣдуетъ установить болѣе удобный и красивый образецъ оружія, напримѣръ, кавказскій, не стѣсняя качествомъ и формою клинка и требоватъ отъ офицеровъ умѣнія владѣть имъ. И я думаю, что при такихъ условіяхъ офицеръ не отдастъ и не броситъ своего оружія, какъ это иногда бывало.

Вмѣшиваніе женъ и семействъ начальствующихъ лицъ въ служебныя дѣла.

Старый типъ „мать-командиршы" правда исчезъ у насъ въ арміи, но вмѣшиваніе въ службу женъ командировъ всѣхъ ранговъ, особенно полковыхъ, часто даетъ себя знать. Какъ извѣстно, послѣдствіями такого вмѣшательства обыкновенно являются: ссоры, дрязги, сплетни, кружковщина, фаворитизмъ по отношенію однихъ и гоненія на другихъ. Надо обращать серіозное вни-

маніе на это вредное явленіе и положить, что вмѣшиваніе семьи въ служебныя дѣла должно отражаться на аттестаціи военно-служащаго и, притомъ, тѣмъ серіознѣе, чѣмъ выше его положеніе.

Офицерскіе браки. Здѣсь желательно отмѣнить всякія ограниченія, кромѣ возрастныхъ, которые могутъ, до нѣкоторой степени, удерживать молодежь отъ необдуманныхъ поступковъ. Пресловутая „благопристойность" браковъ, мнѣ кажется, совершенно не имѣетъ значенія въ примѣненіи къ нашему пестрому, по происхожденію и воспитанію, составу армейскихъ офицеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всякій выбираетъ себѣ жену по своимъ понятіямъ; какая-же, спрашивается, можетъ быть здѣсь общая офицерская „благопристойность", когда въ любомъ армейскомъ полку есть представители едва-ли не всѣхъ сословій и одинъ видитъ въ женѣ „даму", а другой—чуть не кухарку? Я думаю, что въ настоящее время это является только стѣсненіемъ, неумѣстнымъ и несправедливымъ; что-же касается до будущаго, когда офицерскій составъ сдѣлается однообразнымъ, то вопросъ о благопристойности брака почти потеряетъ значеніе, такъ какъ уже самъ подборъ офицеровъ, до извѣстной степени, будетъ служить гарантіей его соотвѣтственности.

Поединки. Бьющимъ въ глаза, по своей жестокости и несправедливости, является въ офицерской средѣ законъ о дуэляхъ, не достигающій цѣли и намъ, русскимъ, вовсе не свойственный.

Поэтому законъ этотъ долженъ быть отмѣ-

ненъ, какъ пережитокъ времени; предоставленіе взамѣнъ этого большихъ правъ офицерскимъ обществамъ и судамъ сдѣлаетъ всякую офиціальную дуэль излишнею и, въ необходимыхъ случаяхъ, заставитъ нежелательнаго въ части офицера считаться съ требованіями цѣлаго общества.

Отношенія офицерскаго состава къ современному обществу и событіямъ.

Прежде всего я остановлюсь на отношеніяхъ къ не-военнымъ вообще.

Думаю, что намъ слѣдуетъ совсѣмъ и окончательно отрѣшиться отъ такъ называемаго „офицерства“ въ дурномъ, извращенномъ, значеніи слова; всякая высокомѣрность и презрѣніе по отношенію къ не-военному, имѣвшія въ прежнее время хоть нѣкоторое объясненіе, не могутъ и не должны имѣть мѣста теперь, а такія выраженія какъ „какой-нибудь шпакъ“, „рябчикъ“—пора выкинуть изъ офицерскаго обихода.

Тоже надо сказать и о „чести мундира“, которой, по большей части, дается такое превратное толкованіе, ведущее нерѣдко къ печальнымъ послѣдствіямъ. Правда, съ постепеннымъ превращеніемъ корпуса офицеровъ въ общесословный, все это сильно уменьшилось, но кое-что всетаки еще осталось.

Будемъ помнить, что дѣло, не въ томъ: понятіе о воинѣ, воинской чести и службѣ нисколько не противорѣчитъ скромности, такту и выдержкѣ,—наоборотъ; лѣзть-же чуть не на дыбы, зачастую изъ-за пустяковъ,—вовсе еще не значитъ быть храбрымъ и отстаивать честь мундира и военной службы.

Въ общемъ, намъ, офицерамъ, не слѣдуетъ

считать себя на какомъ-то исключительно привиллегированномъ, кастовомъ, положенiи Пусть будемъ мы кастой, но только въ смыслѣ особенностей нашего духа и службы и да будетъ нашей единой, но уже неотъемлемой привиллегiей— полная готовность всегда и вездѣ пожертвовать собою во имя блага родины; а это одно, само по себѣ, уже столь почетно, что каждый отдастъ ему должное.

Нельзя обойти молчанiемъ и важнаго вопроса о взаимныхъ отношенiяхъ офицера и современнаго общества, а также о реагированiи перваго на происходящiя событiя.

Явно непрiязненно относится къ офицерскому составу, этому главному устою армiи, только небольшая, сравнительно, часть населенiя — всѣ, такъ называемые крайнiе, лѣвые, элементы, значительный процентъ которыхъ составляютъ инородцы и, въ частности, евреи; въ подпольныхъ кругахъ непрiязнь эта переходитъ въ самую злобную ненависть къ офицеру, какъ къ самому яркому представителю армiи, служащей надежной опорой ненавистнаго режима. Кромѣ того, большое предубѣжденiе и, въ лучшемъ случаѣ—безразличiе по отношенiю къ офицерамъ, существуетъ и среди широкихъ круговъ нашей „интелигенцiи," особенно городской; въ этихъ слояхъ общества слово „офицеръ", особенно армейскiй, умышленно и по незнакомству, нерѣдко трактуется какъ синонимъ невѣжды. Съ другой стороны офицерство несомнѣнно пользуется симпатiями большей части помѣстной интеллигенцiи, въ значительной степени и теперь еще связанной съ нимъ происхожденiемъ, традицiями и общимии нтересами. Что же касается до сельскаго населенiя, то, не-

смотря на агитацію и бывшіе безпорядки, въ главной массѣ своей, оно врядъ-ли относится къ офицеру недоброжелательно; во всякомъ случаѣ отношенія эти не имѣютъ характера злостности и выражаются скорѣе въ извѣстномъ недовѣріи, которое простолюдинъ питаетъ къ „барину“ вообще, каковымъ до сихъ поръ является въ его представленіи всякій офицеръ. Въ подобномъ-же, примѣрно, видѣ рисуются и отношенія офицерскаго состава къ обществу.

Затѣмъ, каковы отношенія офицерскаго корпуса къ переживаемымъ событіямъ во всѣхъ ихъ проявленіяхъ? Если мы возьмемъ исключительно отрицательныя стороны происходящаго, то лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, полагаю, будетъ та высокая преданность долгу и твердость, обнаруженная нашими офицерами, о которую до сихъ поръ разбивались всѣ попытки крайнихъ партій; конечно, какъ и вездѣ, и среди офицеровъ были и есть люди увлекающіеся, неуравновѣшенные, даже колеблющіеся, но ихъ—не такъ много; какъ единичныя исключенія, есть несомнѣнно и такіе, которые ведутъ нечистую игру.

Совершенно иными представляются отношенія къ положительнымъ сторонамъ происходящаго: при неудовлетворительности служебной обстановки, среди строевого офицерства есть много недовольныхъ настоящимъ положеніемъ и жаждущихъ измѣненій; если мы прибавимъ сюда еще людей равнодушныхъ и безразличныхъ, которыхъ, какъ и вездѣ, не мало и въ строю, то офицеровъ, вполнѣ твердо и спокойно вѣрящихъ въ существующіе военные порядки—найдется не такъ ужъ много. Поэтому-то въ высшей степени важно поддержать теперь именно эту, лучшую, часть нашего офи-

церскаго состава путемъ проведенія необходимыхъ реформъ, которыя будутъ способствовать возбужденію довѣрія и уменьшенію въ арміи недовольства, являющагося главнѣйшимъ условіемъ и первой стадіей возможнаго развитія нежелательныхъ послѣдствій; и между такими реформами важнѣйшими являются — созданіе однороднаго офицерскаго корпуса и улучшеніе его служебнаго и матеріальнаго положенія. *) А что сознаніе необходимости реформъ велико и все ростетъ въ офицерскомъ обществѣ—этого, я полагаю, никто изъ знающихъ армію отрицать не станетъ.

Необходимо отмѣтить и то исключительно-трудное положеніе, въ которое поставлены въ настоящее время строевые офицеры.

Агитація и бывшіе въ нѣкоторыхъ частяхъ мятежи и безпорядки ясно обнаружили, на что обыкновенно направляются усилія крайнихъ партій; цѣль ихъ—натравить на офицера солдата, пользуясь темнотой послѣдняго, классовой и правовой разницей и недостатками нашего служебнаго режима. Бывшіе примѣры слѣпой, кровавой расправы показываютъ, въ какія формы выливаются послѣдствія продолжительнаго глухого недовольства и агитаціи. Правда, всѣ эти мятежи и безпорядки тушились пока, сравнительно, легко, но, вѣдь, не надо забывать, что успѣхъ всего этого, отчасти, происходилъ вслѣдствіи отсутствія умѣлаго руководства, организаціи и связности въ дѣйствіяхъ; въ будущемъ-же, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ найтись вѣдь и способные вожаки; съ другой стороны, опытъ мятежей несомнѣнно указалъ руководителямъ край-

*) Прибавка содержанія младшимъ строевымъ офицерскимъ чинамъ недавно состоялась, о чемъ я упоминалъ уже выше.

нихъ элементовъ на очевидную важность офицерскаго состава въ арміи; поэтому, надо думать, что ими будутъ приняты извѣстныя мѣры, какъ для проведенія своихъ людей въ офицерскую среду, такъ и для спеціальной пропаганды среди офицерскаго состава. *) И тѣмъ болѣе неотложными являются реформы, которыя во многомъ могутъ облегчить положеніе, лишивъ нашихъ враговъ главной основы ихъ дѣйствій — общаго недовольства въ арміи и недовѣрія солдата къ офицеру. Необходимо беречь армію и, въ частности, офицерскій составъ отъ посягательствъ темныхъ силъ и имѣть въ виду, что увеличеніе классовой розни, столь тщательно раздуваемое, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, можетъ трагически отозваться на арміи и государствѣ.

И хотя, въ общемъ, офицерство наше до сего времени доблестно исполняло свой долгъ, не будемъ забывать того, что во многихъ бывшихъ примѣрахъ въ распорядительной части чувствовалась явная растерянность, происходящая отъ недостатка твердости, самостоятельности и близости къ нижнимъ чинамъ, въ чемъ несомнѣнно и сказывались плоды нашего режима. А между тѣмъ строевому офицеру приходится теперь стать лицомъ къ лицу съ врагами озлобленными и безпощадными, зачастую отчаянной рѣшимости, фанатиками своего дѣла и вести съ ними суровую борьбу, требующую прежде всего непоколебимой твердости.

Обо всемъ этомъ я упомяну еще ниже, въ слѣдующей главѣ.

---

*) Весьма возможно, что наряду съ этимъ агитація направится и въ сторону кадетскихъ корпусовъ и училищъ, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на военную молодежь еще до полученія ею офицерскаго званія.

Заканчивая этимъ отдѣлъ о служебной обстановкѣ нашего строевого офицерскаго состава, мнѣ хотѣлось-бы сказать вкратцѣ о положенiи офицеровъ въ дальнихъ кругахъ.

Положенiе офицеровъ на нашихъ дальнихъ окраинахъ.

Возрастающее политическое значенiе нашихъ окраинъ — Дальняго Востока и Туркестана, въ особенности перваго, заставляетъ насъ держать тамъ постоянную военную силу.

При условiяхъ большого удаленiя отъ остальныхъ частей Россiи, крайнихъ неудобствъ служебной и жизненной обстановки, окраины эти не привлекаютъ обыкновенно большого числа желающихъ служить тамъ; по отношенiю къ Дальнему Востоку это сказывается въ послѣднее время съ особенною силою—строевые офицеры уходятъ оттуда и большинство частей остается въ постоянномъ и безнадежномъ некомплектѣ, что, разумѣется, крайне вредно отражается на ихъ подготовкѣ и грозитъ въ будущемъ создать не малыя осложненiя.

Необходимо, наконецъ, обратить на это должное вниманiе и принять мѣры къ тому, чтобы обставить службу на окраинахъ возможно выгоднѣе и заманчивѣе для офицеровъ. Мы какъ-то упорно не хотимъ до сихъ поръ признать за этими окраинами большихъ особенностей и разницы въ тамошнихъ служебныхъ условiяхъ по сравненiю съ европейскими, мы продолжаемъ прикладывать тамъ здѣшнiе масштабы, что глубоко ошибочно и даже опасно. Такими мѣрами, я полагаю, должны быть слѣдующiя:

Значительное увеличенiе содержанiя, которое настолько превышало-бы здѣшнее, что обезпечи-

вало-бы безбѣдное существованіе на окраинахъ и достаточно вознаграждало-бы за большія лишенія и неудобства; существующая прибавка къ содержанію есть только кажущаяся и съ лихвой поглощается большей, сравнительно, дороговизной.

Фактическое осуществленіе правъ на возвращеніе въ Россію по прослуженіи на окраинахъ положеннаго закономъ срока; какъ извѣстно, писаныя права установлены и теперь, но воспользоваться ими на практикѣ крайне затруднительно, такъ какъ офицеру приходится самому подъискивать часть, которая его пожелаетъ принять и тратить большія деньги на обратный проѣздъ.

Необходимо, чтобы дѣло объ обратныхъ переводахъ офицеровъ съ дальнихъ окраинъ взялъ-бы въ свои руки Главный Штабъ, которому легче устроить офицера; справедливо установить и право переѣзда въ новое мѣсто служенія на казенный счетъ.

Наконецъ, предоставить служащимъ на окраинахъ еще большія, по сравненію съ существующими, льготы на право полученія усиленныхъ пенсій и по воспитанію дѣтей въ казенныхъ заведеніяхъ; при этомъ должно быть пояснено, что къ такимъ окраинамъ должны быть отнесены, кромѣ перечисленныхъ въ законѣ, еще и многія другія, мало разнящіяся отъ нихъ, но не пользующіяся этими правами. И пусть не покажутся всѣ перечисленныя преимущества преувеличенными и излишними: это безусловно необходимо, такъ какъ офицерскій вопросъ на окраинахъ—дѣло, можно сказать, государственной важности.

IV) Составъ нижнихъ чиновъ; пріемъ на службу; воспитаніе и подготовительное образованіе; обстановка службы; бытъ; отношенія солдата къ современнымъ событіямъ; агитація среди нижнихъ чиновъ.

Составъ.

Подобно тому, какъ это было сдѣлано по отношенію офицерскаго состава, начнемъ и здѣсь съ военнаго времени и посмотримъ, какъ показалъ себя на войнѣ нашъ солдатъ.

Качества нашего простолюдина, въ частности крестьянства, комплектующаго, главнымъ образомъ, составъ нижнихъ чиновъ,—извѣстны: терпѣніе, послушаніе, выносливость и нетребовательность, простота взгляда на жизнь и смерть, добродушіе, смѣтливость и практичность,—съ одной стороны; умственная и нравственная темнота, нѣкоторая забитость и привычка къ кнуту, склонность полагаться на „авось", наконецъ, — доза лѣни и халатности, при случаѣ,—съ другой. Всѣ эти качества, разумѣется, цѣликомъ вошли и въ солдата.

Что касается до нашего служебнаго режима мирнаго времени и воспитанія, то нельзя сказать, чтобы они были направлены къ развитію сильныхъ природныхъ свойствъ солдата и уменьшенію отрицательныхъ. Правда, съ выносливостью, нетребовательностью и готовностью служить нашъ солдатъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, является на службу, но нельзя не сознаться въ томъ, что забитость его часто увеличивалась грубостью режима, развитіе достигалось въ очень незначительной степени, а всякое проявленіе самостоятельности встрѣчало суровое осужденіе. Такимъ образомъ природныя свойства нашего сол-

дата, представлявшаго собою отличный боевой матеріалъ, далеко не использовались службой, а прививаемая ему дисциплина носила характеръ исключительно слѣпого исполненія приказаній.

Въ общемъ, всетаки получался солдатъ хорошій, но годный преимущественно къ дѣйствіямъ совокупнымъ, на виду и поводу начальства и терявшійся, въ большинствѣ случаевъ, когда, за выбытіемъ начальника, былъ предоставляемъ самому себѣ.

Какимъ-же показалъ себя нашъ солдатъ на войнѣ? Можно-ли сказать, что онъ плохо дрался, былъ не дисциплинированъ и недостаточно преданъ долгу?

Отнюдь нѣтъ: солдатъ нашъ проявилъ свои сильныя стороны и въ военное время, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства — чуждость для него интереса войны, самой Манчжуріи и, наконецъ, постоянныя пораженія. Конечно, вѣчныя неудачи, отступленія и явная даже для него безпорядочность управленія не могли не отразиться на духѣ арміи, но, принявъ во вниманіе тяжкую обстановку (напримѣръ, Артуръ, Мукденскій бой), надо удивляться, тому, что духъ этотъ не былъ еще подорванъ въ гораздо большей степени.

Разумѣется въ теченіе войны было много случаевъ самаго грубаго нарушенія дисциплины и проявленія малодушія во всѣхъ его видахъ; были, наконецъ, и случаи прямого перехода къ непріятелю.

Эти-то случаи и давали поводъ къ разнымъ обвиненіямъ противъ нашего солдатскаго состава вообще. Но справедливы-ли такія обобщенія?

Безусловно нѣтъ и вотъ почему:

Массовые проступки противъ дисциплины и потеря облика солдата—случались только въ тылу, гдѣ скоплялось все худшее и сбродное и господствовала полная дезорганизація; случаи сдачи въ плѣнъ бывали, правда, въ строю, но они обусловливались обыкновенно или крайнимъ, безвыходнымъ, положеніемъ, въ которое попадали многія части благодаря неудачному руководству, или-же являлись единичными, причемъ подавляющій процентъ составляли въ этомъ отношеніи инородцы—именно евреи. Строевой-же солдатъ велъ себя безупречно и тамъ, гдѣ имъ руководили какъ слѣдуетъ, онъ отнюдь не посрамилъ старой боевой репутаціи русской арміи.

Въ общемъ, безъ преувеличенія можно сказать, что врядъ-ли какая другая армія, при условіяхъ безпрерывнаго двухнедѣльнаго боя, (какъ это было, напримѣръ, подъ Мукденомъ), окончившагося чуть не окруженіемъ и огромными потерями, могла-бы уйти, сравнительно, благополучно, сохранивъ почти всю свою артиллерію.

Въ этомъ нельзя не видѣть огромной упругости духа русскаго человѣка, нигдѣ не измѣнявшаго ему въ теченіе войны и быстро возрождавшагося при малѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ.

И съ этой точки зрѣнія за армію становится обидно—при всѣхъ крупныхъ недочетахъ ея веденія и подготовки, она показала себя на дѣлѣ ниже того, нежели заслуживала.

Въ общемъ я сказалъ-бы, что и въ послѣдней войнѣ наши войска и, въ частности, солдатъ показали себя такими же, какъ и въ былое время подъ Севастополемъ и Шипкой; и только оче-

видные недостатки въ высшемъ руководствѣ, да крайне неблагопріятныя обстоятельства, помѣшали имъ проявить себя во всю.

Я повторяю, что солдатскій составъ арміи, подобно младшему офицерскому, при всѣхъ недостаткахъ его подготовки, былъ очень хорошимъ и, если показалъ себя хуже, чѣмъ того стоилъ, то—не по своей винѣ; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда былъ направляемъ какъ слѣдуетъ, — онъ ни въ чемъ не уступалъ японцу, а зачастую и бралъ надъ нимъ верхъ; стоитъ только вспомнить многіе частные эпизоды изъ разныхъ боевъ послѣдней войны. Подъ Артуромъ и Мукденомъ, напримѣръ, все свелось къ общей неудачѣ и самыя имена ихъ стали какъ-бы синонимами позора въ нашей военной исторіи, а, вѣдь, многія части, по справедливости, могли-бы гордиться своими геройскими дѣлами, правда мало кому извѣстными, но составившими блестящія страницы ихъ боевой жизни; эти части брали въ штыки японскія пушки, пулеметы и плѣнныхъ, не разъ видѣли и бѣгство непобѣдимаго непріятеля.

Слѣдовательно, и въ послѣдней войнѣ дѣло было не за солдатомъ, въ которомъ жива была боевая доблесть его предковъ; и мы много на нее расчитывали, представляя ее чуть-ли не нашей природной привиллегіей, кстати и некстати кричали о ней въ торжественныхъ случаяхъ, но пальцемъ не шевельнули, чтобы поддержать чѣмъ либо это драгоцѣнное качество.

Въ общемъ, солдатскій составъ нашей арміи, происходя преимущественно изъ деревни, является типическимъ представителемъ нашего сельскаго простонародья, со всѣми его достоинствами

и недостатками; воспитываемый и используемый службою съ недостаточною внимательностью и заботливостью, онъ на самомъ дѣлѣ даетъ изъ себя меньше того, что могъ-бы дать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Совершенно почти тоже можно сказать и объ унтеръ-офицерахъ: при краткомъ срокѣ службы, маломъ развитіи и неблагодарности среды въ смыслѣ подготовки и культивированія качествъ, необходимыхъ начальнику—нашъ заурядный унтеръ-офицеръ срочной службы мало чѣмъ отличается отъ простого солдата и, въ сущности, не можетъ быть названъ начальникомъ; только дальнѣйшая, сверхсрочная уже, служба дѣлаетъ изъ него человѣка, способнаго распоряжаться и вліять на подчиненныхъ.

Вполнѣ законченнымъ типомъ начальника изъ нижнихъ чиновъ является въ нашей арміи фельдфебель и вахмистръ. Тщательно выбираемые ближайшимъ начальствомъ изъ большого числа лицъ въ цѣляхъ найти среди нихъ надежныхъ помощниковъ, фельдфебеля, за рѣдкими исключеніями, вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію: они отлично знаютъ солдата, его службу и бытъ, умѣютъ имъ управлять и держать свои части въ крѣпкихъ рукахъ, — ихъ слушаются и боятся обыкновенно больше, чѣмъ офицеровъ; я не ошибусь, полагаю, сказавъ, что, въ общемъ, этотъ выборный составъ старшихъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ превосходитъ своими служебными качествами соотвѣтствующій составъ ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, назначеніе коихъ производится почти исключительно по старшинству. Правда, фельдфебелей часто и справед-

ливо упрекаютъ въ грубости, произволѣ, вымогательствѣ и прочихъ злоупотребленіяхъ, но надо сознаться, что все это случается преимущественно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ ротный командиръ не является хозяиномъ своего дѣла, и сваливаетъ все на фельдфебеля, или подпадаетъ его вліянію.

И тѣмъ не менѣе, при всей пользѣ замѣщенія должности фельдфебеля нижними чинами, это имѣетъ и обратную сторону: вліяніе фельдфебеля и даже взводныхъ—гораздо большее, чѣмъ офицера, въ особенности младшаго, который имъ какъ-бы заслоняется отъ нижнихъ чиновъ, а при этихъ условіяхъ „офицерская работа“ въ частяхъ, недостатокъ которой такъ справедливо отмѣтилъ покойный Драгомировъ, всегда будетъ затираться: кромѣ того, даже при самыхъ близкихъ отношеніяхъ офицера къ нижнимъ чинамъ, послѣднія врядъ-ли будутъ совершенно избавлены отъ произвола и вымогательства со стороны фельдфебелей. Поэтому-то, какъ было указано выше, я и предложилъ къ обсужденію замѣщеніе фельдфебелей офицерами и притомъ старшими въ ротѣ послѣ ротнаго командира.

Совершенно на особомъ положеніи находятся у насъ въ арміи такъ называемые вольноопредѣляющіеся; лица эти поступаютъ на службу добровольно, съ цѣлью избѣжать возможности попасть въ войска на общихъ правахъ, и заручиться въ будущемъ правомъ на офицерскій чинъ при отбываніи учебныхъ сборовъ, а главное—на случай войны; нѣкоторая часть вольноопредѣляющихся поступаетъ въ училища, по окончаніи которыхъ получаетъ офицерскій чинъ.

Отбывая службу на льготныхъ, по сравненію

съ солдатами общихъ сроковъ службы, условіяхъ, предоставленныхъ имъ закономъ, вольноопредѣляющіеся, кромѣ того, пользуются обыкновенно на практикѣ большими привиллегіями въ видѣ особыхъ помѣщеній, пищи, избавленія отъ многихъ нарядовъ и т. д., изъ коихъ многія получаются зачастую домашними путями—знакомствомъ съ фельдфебелемъ, или по просту—его подкупомъ.

Вольноопредѣляющіеся, будучи вообще постороннимъ въ арміи элементомъ и, притомъ, неудобнымъ въ смыслѣ разности служебныхъ требованій и жизненной обстановки, по сравненію съ остальными нижними чинами,—въ настоящее время являются даже вредными для нея; опыты послѣднихъ годовъ ясно обнаружили, что преимущественно, изъ ихъ среды ведется обыкновенно въ войскахъ агитація и что именно они являются, въ большинствѣ случаевъ, зачинщиками воинскихъ безпорядковъ; нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ будущемъ это только увеличится, что именно этотъ путь скорѣе всего будетъ избранъ для веденія пропаганды въ войскахъ и что поэтому, во многихъ случаяхъ, наряду съ прочими, въ вольноопредѣляющіеся будутъ стремиться и безусловно вредные для арміи элементы.

Въ виду всего этого, я полагалъ-бы полезнымъ совершенно прекратить пріемъ въ войска вольноопредѣляющихся, обязавъ тѣхъ изъ нихъ, которые подлежатъ призыву, отбывать службу на общихъ со всѣми прочими нижними чинами основаніяхъ.

Дальнѣйшая характеристика состава нижнихъ

чиновъ будетъ видна изъ послѣдующаго изложенія.

Пріемъ на службу; воспитаніе и подговильное образованіе; обстановка службы; бытъ.

Настоящая обстановка пріема новобранцевъ на службу не обезпечиваетъ на практикѣ полной законности его; частое обнаруженіе случаевъ разныхъ злоупотребленій въ этомъ отношеніи указываетъ на то, что дѣло это нуждается въ лучшей постановкѣ. Мнѣ могутъ возразить, что вѣдь злоупотребленія возможны и существуютъ не только въ этомъ, но и во многомъ другомъ; конечно, это все такъ, но тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о тяжелой для населенія вообще и для каждаго въ отдѣльности повинности, тамъ, гдѣ онъ можетъ касаться жизни и смерти человѣка, тамъ выборъ лицъ для обязательной военной службы долженъ быть обставленъ безусловно чисто. Нужно поддержать довѣріе нашего простого народа въ справедливость и равность закона о воинской повинности, пользуясь тѣмъ, что онъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, добросовѣстно является на призывъ.

Трудно, конечно, установить на практикѣ большую законность въ этомъ отношеніи, но всетаки нужны извѣстныя мѣры, хотя-бы въ видѣ болѣе дѣйствительнаго контроля за исполненіемъ призыва и суровой кары за нарушеніе и обходъ закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Необходимо предпринять что либо и для улучшенія физическихъ свойствъ новобранцевъ,

принимаемыхъ на службу; онѣ замѣтно ухудшаются съ каждымъ годомъ. Не распространяясь здѣсь о мѣрахъ государственнаго значенія, о чемъ скажу ниже, я нахожу, что, помимо установленія болѣе строгаго и добросовѣстнаго выбора новобранцевъ вообще, необходимо упразднить существующія привиллегіи въ комплектованіи гвардіи и стрѣлковъ отборными людьми; если вспомнимъ, что кромѣ указанныхъ войскъ, лучшіе въ физическомъ отношеніи новобранцы идутъ еще въ кавалерію и артиллерію, то на долю армейской пѣхоты остаются худшіе элементы. И какъ ни великъ у насъ контингентъ ежегоднаго призыва новобранцевъ, но уже одинъ отборъ изъ него значительнаго процента, необходимаго для пополненія почти 40 привиллегированныхъ пѣхотныхъ частей (гвардейскихъ и стрѣлковыхъ), несомнѣнно тяжело отзывается на составѣ армейской пѣхоты, куда является такъ много людей слабосильныхъ и непригодныхъ къ службѣ, заранѣе обреченныхъ на переосвидѣтельствованіе, увольненія или постоянныя болѣзни, что и случается на дѣлѣ.

Современное воспитаніе солдата, какъ мы, отчасти, видѣли выше,— одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ нашей арміи.

Молодые солдаты, подобно только что выпущеннымъ офицерамъ, являются въ части, въ большинствѣ случаевъ, съ извѣстнымъ, хотя и смутнымъ, сознаніемъ долга, полною охотою служить и въ этомъ отношеніи представляютъ собою безусловно лучшій составъ нашей арміи. Но съ первыхъ-же шаговъ по водвореніи въ казарму ихъ ждетъ обыкновенно самая непривлекательная

дѣйствительность: грубый пріемъ, цуканье и насмѣшки „дядекъ", тошнотворная „словесность", строевое оцѣпенѣніе и совершенная чуждость новой жизненной обстановки. Все это ведетъ къ тому, что новобранецъ какъ-то съёживается, уходитъ въ себя и черезъ какія нибудь двѣ недѣли вы не узнаете въ этомъ забитомъ и задерганномъ человѣкѣ неловкаго, но все-же живого, деревенскаго парня; и съ особенною силою сказывается это на людяхъ малоразвитыхъ и забитыхъ вообще, а также плохо, или даже совсѣмъ не говорящихъ по русски; тѣхъ и другихъ обыкновенно не мало среди новобранцевъ каждой армейской пѣхотной части.

Поэтому непосредственное вліяніе болѣе развитого и мягкого въ обращеніи офицерскаго состава является особенно важнымъ съ самаго начала службы молодыхъ солдатъ; трудно, разумѣется, совершенно оградить послѣднихъ отъ произвола „дядекъ" и вообще начальства изъ нижнихъ чиновъ, особенно при настоящемъ служебномъ положеніи младшаго офицера въ ротѣ, но совершенно необходимо стремится къ этому; слѣдуетъ принять за правило, чтобы хотя первыя двѣ недѣли по прибытіи молодыхъ солдатъ въ части, всѣ безъ исключенія занятія съ ними производились-бы только въ присутствіи офицеровъ; иначе нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что офицерская работа будетъ глушиться всѣми дополнительными занятіями и повтореніями подъ руководствомъ дядекъ.

Основныя нравственныя качества, необходимыя въ солдатѣ—тѣже, что и въ офицерѣ. Слѣдовательно и въ немъ прежде всего должно воспитывать чувство долга, дисциплину, смѣлость,

рѣшительность, патріотизмъ и товарищество. Гоняться въ этомъ отношеніи за какими либо иными требованіями и тонкостями—совершенно излишне и непригодно; остается только слѣдовать методу, завѣщанному великимъ Суворовымъ. У насъ, русскихъ, есть богатые нравственные и умственные задатки—здравый практическій смыслъ, смѣтка, чуткое сердце, жалостливость и добродушіе; все это, въ связи съ сознаніемъ долга, живо еще пока въ нашемъ простонародьѣ; надо только развивать и направлять это природное богатство и оно принесетъ арміи великую пользу и силу. И я думаю, что здѣсь дѣло преимущественно за тѣмъ, съумѣемъ-ли мы, люди интеллигентные, оцѣнить это по достоинству и направить какъ слѣдуетъ; а сомнѣнія эти невольно закрадываются въ душу, такъ какъ качествами этими простой народъ безусловно превосходитъ насъ, которые, ктому-же, такъ далеки отъ него.

Первое и важнѣйшее въ дѣлѣ воспитанія солдата, какъ и офицера,—привитіе ему прочной дисциплины и чувства долга.

Вопросъ этотъ настолько важенъ, что я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе.

Замѣтимъ прежде всего, что вполнѣ правильнаго, широкаго и однообразнаго понятія о воинской дисциплинѣ въ сущности нѣтъ въ нашей арміи; послѣдняя трактуется и примѣняется у насъ часто довольно произвольно, односторонне и притомъ весьма разнообразно, вслѣдствіе чего въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторая шаткость.

Дисциплина, какъ извѣстно, бываетъ двухъ видовъ,—внутренняя и внѣшняя, причемъ первая является сущностью, содержаніемъ, а вторая—

лишь ея формою, выраженіемъ, т. е. стороной подчиненной. Понятія о томъ и другомъ видѣ дисциплины часто смѣшиваются у насъ въ служебномъ обиходѣ, причемъ наружность, обрядъ, нерѣдко заслоняетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ— даже и поглощаетъ собою суть дѣла.

Происходитъ это вслѣдствіе того, что внутренняя дисциплина, въ основѣ которой лежатъ чувство долга и вѣры, требуетъ глубокой внутренней работы и наличія нравственнаго и умственнаго авторитета начальника; слѣдовательно, условія для ея возникновенія и успѣшнаго воспитанія являются сложными и одна только сила власти не въ состояніи вызвать ее къ жизни. Совсѣмъ не то въ дисциплинѣ обрядовой: взятая сама по себѣ, она не имѣетъ значенія; проявленій ея въ этомъ случаѣ можно добиться путемъ привитія чувства страха и привычки, вызванныхъ угрозою наказанія, т. е. средствами болѣе примитивными и доступными каждому власть имѣющему, но зато и менѣе надежными.

При недостаточности внутренней работы въ направленіи привитія дисциплины и необходимаго, въ большинствѣ случаевъ, авторитета начальствующихъ лицъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ въ арміи обрядовая сторона дисциплины излишне развивается за счетъ ея сути. И преимущественно этимъ надо объяснить то нерѣдкое у насъ явленіе, что большая часть проступковъ дисциплинарнаго характера пріурочивается обыкновенно къ личности начальника, къ неисполненію его приказаній и въ меньшей степени—къ нарушенію требованій закона вообще; кромѣ того, на дѣлѣ часто случается, что въ то

время какъ на основаніи закона ничего иной разъ и не подѣлаешь, приказъ начальника можетъ сдѣлать и покрыть все, что угодно, до явнаго превышенія и даже произвола включительно.

Ко всему этому надо, наконецъ, прибавить, что и самое уставное опредѣленіе воинской дисциплины, страдающее нѣкоторой односторонностью *), имѣетъ зачастую разное толкованіе, причемъ, наряду съ нимъ, во многихъ частяхъ существуютъ и свои, домашніе, варіанты для нижнихъ чиновъ, иногда существенно отъ него отличающіеся.

Я отнюдь не хочу сказать всѣмъ этимъ, что дисциплина у насъ въ арміи слаба вообще—война и послѣдовавшія за ней событія доказываютъ обратное, но считаю необходимымъ указать на существующіе въ этомъ отношеніи недочеты, которые, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ усиливаться и вести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Поэтому прежде всего слѣдуетъ удѣлять въ войскахъ бóльшее вниманіе на привитіе внутренней дисциплины путемъ болѣе тщательнаго подбора начальствующихъ лицъ всѣхъ степеней, личнаго примѣра офицеровъ и установленіемъ строгой законности во всѣхъ служебныхъ требованіяхъ и порядкахъ. Кромѣ того, необходимо выработать болѣе правильное, широкое и притомъ удобопонятное для солдата уставное опредѣленіе дисциплины и воинскаго долга, съ воспрещеніемъ всѣхъ практикуемыхъ варіантовъ домашняго изготовленія. Разумѣется, все изложенное выше о дисциплинѣ и притомъ въ большей еще степени, относится и къ офицерамъ.

*) Оно какъ-бы говоритъ больше объ обязанностяхъ подчиненнаго, нежели начальника, почти ничего не говоритъ о воспитаніи и на первый планъ выдвигаетъ систему взысканій.

Помимо толкованія дисциплины, у насъ недостаточно ясно разрѣшены и вопросы о томъ, кто признается по отношенію къ нижнему чину начальникомъ и старшимъ, а равно—объ исполненіи приказаній послѣднихъ. Если къ этому прибавить, что по отношенію солдата начальникомъ, кромѣ прямыхъ, признается еще и каждый офицеръ,—то немудрено, что на практикѣ создается нѣкоторая нежелательная путаница въ понятіяхъ, которая зачастую сбиваетъ солдата съ толку.

Я думаю, что при разрѣшеніи этихъ вопросовъ полезно было-бы принять слѣдующее: Понятіе о начальникѣ должно быть обусловлено исключительно прямымъ подчиненіемъ по службѣ.

Поэтому офицеръ, которому нижній чинъ не подчиненъ указаннымъ образомъ, не является по отношенію къ нему и начальникомъ, а—только лишь старшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для поддержанія авторитета офицерскаго званія, слѣдуетъ оставить въ силѣ существующую обязанность солдата исполнять приказаніе каждаго офицера. Наконецъ, слѣдуетъ установить, чтобы нижніе чины, при исполненіи ими приказаній, руководствовались-бы не послѣднимъ изъ нихъ по времени полученія, а тѣмъ, которое отдано начальникомъ (т. е. прямымъ), хотя-бы онъ былъ и нижняго званія. *)

Говоря о дисциплинѣ и о воспитаніи вообще, я хочу отмѣтить рѣзкую разницу въ этомъ отношеніи между строемъ и всѣмъ нестроевымъ элементомъ, въ особенности болѣе удаленнымъ отъ войскъ; стоитъ побывать, напримѣръ, въ любомъ изъ нашихъ большихъ штабовъ и управленій, пре-

*) Въ этомъ смыслѣ и состоялось недавно положеніе Военнаго Совѣта.

имущественно въ главныхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что писарской элементъ этихъ учрежденій является совершенно не воспитаннымъ въ военномъ отношеніи и, зачастую, явно недисциплинированнымъ; каждому, вѣроятно, болѣе или менѣе знакомъ установившійся у насъ типъ штабнаго писарька, развинченнаго, франтоватаго и усвоившаго себѣ по отношенію къ офицеру, особенно постороннему, тонъ вродѣ „negligé съ отвагой".

Этотъ типъ, желающій казаться полу-интеллигентнымъ, глубоко противенъ духу воинской службы и несомнѣнно является благодарной средой для подозрительной агитаціи; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ способенъ оказывать и вредное вліяніе на соприкасающихся съ нимъ строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Конечно, иногда и сама обстановка нестроевой службы мало благопріятствуетъ поддержанію дисциплины, но, надо думать, что указанныя явленія во многомъ объясняются опусканіемъ и самихъ нестроевыхъ офицеровъ и присутствіемъ чиновниковъ, изъ которыхъ добрая половина происходитъ изъ тѣхъ-же писарей. Какъ-бы то ни-было, но на все это должно быть обращено вниманіе; нужно принять мѣры къ тому, чтобы привести въ порядокъ нижнихъ чиновъ Штабовъ и Управленій, являющихся въ настоящее время крайне распущенными *).

Далѣе. Кромѣ установленія прочной дисциплины, необходимы мѣры къ поднятію личности

*) Этимъ я отнюдь не хочу сказать объ установленіи въ нестроевыхъ учрежденіяхъ чисто строевого порядка, что невозможно, такъ какъ нестроевая служба имѣетъ свои особенности; я хочу обратить вниманіе на то, что эти особенности никоимъ образомъ не должны вести къ полной распущенности.

нашего солдата, путемъ замѣны существующаго притупляющаго и часто оскорбительнаго для него режима болѣе справедливымъ, законнымъ и однообразнымъ; необходимо, наконецъ, поднять на практикѣ высоту воинскаго званія и устранить неприличную въ этомъ отношеніи разницу между словомъ закона и дѣломъ.

Все это должно повлечь рядъ преобразовательныхъ мѣръ, важнѣйшими изъ коихъ являются слѣдующія:

Уничтоженіе существующей излишней и зачастую ничѣмъ не вызываемой грубости въ обращеніи съ нижними чинами и строгое фактическое преслѣдованіе всѣхъ проступковъ, направленныхъ противъ оскорбленія личности солдата, въ особенности-же кулачной расправы. Правда, послѣдняя теперь встрѣчается рѣже, но все еще есть; грознымъ предупрежденіемъ въ этомъ отношеніи должны послужить бывшіе въ частяхъ мятежи и безпорядки, которые, хотя и имѣли иную почву, но косвенно, въ извѣстной мѣрѣ, несомнѣнно имѣли нѣкоторую связь съ положеніемъ солдата вообще.

Какъ извѣстно, наши военные законы преслѣдуютъ кулачную расправу, но дѣйствительность, какъ и во многомъ другомъ, обыкновенно обходитъ ихъ. И при всей очевидности того, что существующая въ войскахъ грубость имѣетъ основаніе и находитъ себѣ объясненіе въ общей нашей некультурности и темнотѣ простого народа, тѣмъ не менѣе это не можетъ служить оправданіемъ: невозможно допустить на службѣ такихъ нарушеній требованій закона и самой примитивной гуманности; поэтому необходимо и въ жизни стремиться къ ихъ осуществленію и охранять

личность подчиненнаго и младшаго отъ тѣхъ излишнихъ проявленій грубости, къ коимъ мы, начальники и старшіе, такъ легко прибѣгаемъ, объясняя ихъ обыкновенно раздражительностью и нервностью, которыя привыкли считать исключительно своей привиллегіей.

Одною изъ остерегающихъ мѣръ въ этотъ отношеніи надо считать права заявленія претензій и принесенія жалобъ на неправильныя дѣйствія начальника и старшаго; но такъ какъ существующій способъ часто не обезпечиваетъ подчиненнаго въ смыслѣ ихъ дѣйствительности и его послѣдующаго положенія, то очевидно, что принесеніе жалобъ должно-быть болѣе ограждено и вообще обставлено иначе. Въ частности, относительно претензій, слѣдовало-бы отмѣнить существующій способъ валового опроса,—таковой, какъ извѣстно, не достигаетъ обыкновенно цѣли.

Отмѣна обращенія съ нижними чинами на „ты" и существующихъ титуловъ, съ замѣною послѣднихъ именованіемъ по чинамъ. Быть можетъ это покажется слишкомъ незначительнымъ и даже смѣшнымъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ:

Вспомнимъ прежде всего, что въ армію годъ отъ году поступаетъ большее число лицъ образованныхъ и развитыхъ; въ будущемъ-же это, конечно, только увеличится. И если „ты" будетъ вполны естественнымъ и обычнымъ для деревенскаго парня, который никогда и не слыхалъ иного обращенія, то оно уже можетъ казаться страннымъ и даже обиднымъ для человѣка интеллигентнаго; дѣлать-же въ этомъ отношеніи какую-либо разницу—недопустимо по духу службы и неудобно вообще. Да и кромѣ того, надо-же ве-

сти солдата въ этомъ отношеніи, пріучая его быть болѣе вѣжливымъ и почему, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, привыкшій пользоваться вѣжливымъ къ себѣ отношеніемъ всюду, съ поступленіемъ на службу долженъ какъ-бы лишаться этого? Не странно-ли и не обидно-ли, что грубость обращенія какъ-бы должна составлять необходимую принадлежность воинскаго званія? Добро-бы еще обращеніе на „ты" носило отеческій характеръ, но, вѣдь и этого нѣтъ. И я думаю, что здѣсь кроется лишь недоразумѣніе: духъ военной службы дѣйствительно неизбѣжно обусловливаетъ категоричность, твердость обращенія и отношеній, но, развѣ, это—равнозначуще грубости и распущенности? Надо-же учиться и учить быть вѣжливымъ, законнымъ, сохраняя въ тоже время необходимую твердость и настойчивость. Разумѣется, одно военное вѣдомство не въ состояніи повліять на уменьшеніе общей грубости, существующей въ населеніи, но оно обязано во всякомъ случаѣ сдѣлать съ своей стороны все, что можетъ. И, мнѣ кажется, что это и не такъ ужъ трудно; вѣдь, напримѣръ, у польскаго и малороссійскаго простонародья обращеніе на „вы" принято въ житейскомъ обиходѣ.

Затѣмъ,—уничтоженіе денщиковъ и воспрещеніе всякихъ личныхъ услугъ, не вызываемыхъ служебными обязанностями.

Вопросъ этотъ—принципіальный. Нельзя допустить, чтобы солдатъ, отрываемый отъ семьи и труда во имя службы Царю и Отечеству, на самомъ дѣлѣ употреблялся-бы для личныхъ услугъ офицеру и его семьѣ, въ качествѣ лакея, повара, или няньки, что совершенно не вяжется

съ цѣлью его призыва на службу и противорѣчить взгляду на званіе воина. Кромѣ того, назначеніе въ казенную прислугу сильно увеличиваетъ нашъ и безъ того громадный нестроевой элементъ арміи и зачастую выбираетъ изъ строя лучшихъ людей, которымъ уже заказаны всѣ пути къ справедливому повышенію по службѣ; этимъ-же самымъ, наконецъ, мы какъ-бы играемъ на дурныхъ стрункахъ многихъ солдатъ, предоставляя желающимъ удобный путь отдѣлаться отъ тяжелой строевой службы. Если сюда прибавимъ еще обычныя злоупотребленія въ видѣ увеличенія числа положенныхъ деньщиковъ противъ установленнаго закономъ, (есть части, гдѣ чуть не каждый семейный офицеръ располагаетъ лишнимъ неоффиціальнымъ денщикомъ и гдѣ послѣдними пользуются даже фельдфебеля), да неприглядное иногда положеніе солдата въ офицерской семьѣ, — то все сказанное получитъ еще большее значеніе. И какъ ни забитъ и ни теменъ нашъ солдатъ вообще, но надо сказать, что лучшіе изъ нихъ обыкновенно неохотно идутъ въ денщики; и, наоборотъ, — все худшее и тяготящееся почему либо строемъ стремится въ „холуи“, какъ величаютъ деньщиковъ въ солдатскомъ обиходѣ.

Поэтому, я полагаю, что институтъ денщиковъ долженъ быть упраздненъ совсѣмъ въ мирное время; и только военное время, въ виду очевидной уже необходимости, должно давать офицеру право на личныя услуги солдата и притомъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ (не болѣе одного нижняго чина на всякій рангъ офицерскаго званія, притомъ, исключительно строевого).

Взамѣнъ этого офицерамъ слѣдуетъ отпускать

деньги на наемъ прислуги и, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ и случаяхъ, дать право на временное пользованіе въ служебныхъ цѣляхъ особыми смѣнными вѣстовыми; къ послѣднему, по возможности, слѣдуетъ прибѣгать даже и въ военное время. Кромѣ того, необходимо, чтобы части войскъ приходили-бы на помощь офицерамъ въ смыслѣ досмотра собственныхъ верховыхъ лошадей, (гдѣ таковыя положены), путемъ принятія ихъ въ этомъ отношеніи на казенный счетъ.

Какъ извѣстно, въ настоящее время вопросъ о денщикахъ уже получилъ извѣстное движеніе — число ихъ сокращено до одного на каждаго офицера. И эту мѣру нашего военнаго вѣдомства надо привѣтствовать какъ безусловный шагъ впередъ въ указанномъ направленіи; остается желать окончательнаго упраздненія денщиковъ въ будущемъ и установленія строгаго контроля въ этомъ отношеніи.

Предложенное, какъ это бываетъ почти всегда, имѣетъ, однако и свою невыгодную сторону: не говоря уже объ установившихся привычкахъ и трудности подъискать дешевую и надежную прислугу вообще, наличіе въ частяхъ постороннихъ военной службѣ людей, среди которыхъ будутъ, конечно, и женщины, можетъ имѣть иногда и нежелательныя послѣдствія,—агитація, дурной примѣръ и соблазнъ всякаго рода. Поэтому необходимы извѣстныя предупредительныя мѣры и въ этомъ отношеніи однако изъ нихъ, по моему мнѣнію, можетъ явиться добровольное оставленіе на частной службѣ солдатъ, уволенныхъ въ запасъ.

Тѣмъ не менѣе указанныя неудобства не

должны останавливать реформы о денщикахъ; несомнѣнно, что время и новая жизненная обстановка изыщутъ болѣе или менѣе удовлетворительные способы для разрѣшенія вопроса объ офицерской прислугѣ.

Отмѣна всякихъ правилъ, излишне стѣсняющихъ солдата и, яко-бы, имѣющихъ цѣлью избѣжать разныхъ неудобствъ въ отношеніяхъ между нимъ и офицеромъ, а на самомъ дѣлѣ только ведущихъ къ созданію еще большей изолированности, которой пользуется агитація. Сюда относятся, напримѣръ, запрещенія ѣздить въ нижнемъ ярусѣ конокъ, сидѣть въ театрахъ ближе извѣстныхъ рядовъ, посѣщать нѣкоторыя мѣста и т. д.

Нѣсомнѣнно, законъ хотѣлъ оградить всѣмъ этимъ престижъ офицера, но, вѣдь, какъ извѣстно, однѣ запретительныя мѣры не достигаютъ своей цѣли. А между тѣмъ, по существу, этотъ взглядъ на солдата, какъ на нѣчто сѣрое и неприличное, чтобы ни говорили въ его защиту, является крайне обиднымъ для послѣдняго и совсѣмъ уже не вяжется съ ,,высокимъ и почетнымъ званіемъ воина'', о которомъ ему столько твердятъ въ теоріи. Къ тому же, надо замѣтить, что такой взглядъ на нижнихъ чиновъ невольно усваивается и въ невоенномъ обществѣ, многіе представители котораго, особенно чиновные, какъ-бы приравненные по положенію и даже по формѣ къ офицеру, при случаѣ, весьма склонны третировать ,,сѣрую шинель', и смотрѣть на нее, какъ на нѣчто низшее.

Надо ограждать престижъ офицеровъ иными, болѣе дѣйствительными, средствами и помнить, что тотъ изъ нихъ, кто не съумѣетъ держать себя въ присутствіи нижняго чина—совершаетъ просту-

нокъ, также какъ и зазнавшійся солдатъ; обосновывать-же запретительныя мѣры однѣми этими соображеніями—нельзя.

Поэтому необходимо отмѣнить всѣ указанныя ограничительныя правила и тѣмъ, въ связи со сказаннымъ выше, повысить въ дѣйствительности хотя и низшее, но все-же воинское званіе солдата. Въ противномъ случаѣ всѣ увѣренія устава въ этомъ отношеніи будутъ не болѣе какъ „словесностью", пустыми сентенціями, которыя звучатъ неприличной ироніей, противорѣчатъ дѣйствительности и только даютъ излишнее оружіе въ руки агитаціи.

И я полагаю, что все это вовсе не будетъ такъ чувствительно для офицера на практикѣ; уже однѣ матеріальныя соображенія говорятъ за это.

Ко всему сказанному о необходимости поднятія личности и званія солдата надо прибавить еще и послѣднюю, наружную сторону этого,—отданіе чести. Я не ошибусь, вѣроятно, если скажу, что солдаты отдаютъ честь, гораздо исправнѣе офицеровъ, которые сильно грѣшатъ въ этомъ смыслѣ, какъ вообще, такъ, въ особенности, по отношенію нижнихъ чиновъ. Надо усвоить себѣ взглядъ на принятіе чести, какъ на обязанность, совершенно такую-же, какъ и отданіе ея и притомъ какъ на нѣчто, до извѣстной степени, способствующее воспитанію солдата и увѣренности его въ особенность своего званія. Всякій посторонній человѣкъ хорошо знаетъ, что отданіе чести нижнимъ чиномъ офицеру есть обязанность перваго; пусть-же онъ убѣдится въ томъ, что и принятіе чести послѣднимъ составляетъ совершенно равнозначующую обязанность по от-

ношенію солдата; надо проникнуться тѣмъ, что военно-служащіе обязаны отдавать честь другъ другу, внѣ зависимости отъ ихъ чиновъ, что подчиненный и младшій только упреждаютъ въ этомъ отношеніи начальника и старшаго и что, наконецъ, такая взаимная обязанность составляетъ исключительную привиллегію воинскаго званія. Конечно, это только наружная сторона, но и она имѣетъ свое значеніе: твердое соблюденіе правилъ воинскаго чинопочитанія, въ связи съ указанными выше мѣропріятіями, несомнѣнно повлекутъ за собой постепенное измѣненіе взгляда на солдата и въ обществѣ. Говоря объ отданіи чести, слѣдуетъ замѣтить, что исполненіе этого путемъ постановки во фронтъ въ большихъ городахъ, при обиліи высшихъ чиновъ, крайне затруднительно для солдатъ, особенно на людныхъ улицахъ; да и вообще, мнѣ кажется, слѣдовало-бы упростить этотъ случай отданія чести, примѣняя его только по отношенію лицъ Царской Фамиліи, Фельдмаршаловъ и своихъ прямыхъ начальниковъ; это, кромѣ того и выгодно оттѣнило-бы въ глазахъ солдата значеніе этихъ лицъ. Слѣдуетъ упразднить и установившійся въ нѣкоторыхъ частяхъ (гвардейскихъ) обычай требовать отъ солдата отданія чести съ постановкой во фронтъ всѣмъ офицерамъ своей части, что явно противорѣчитъ уставу.

Третьимъ важнѣйшимъ вопросомъ въ современномъ воспитаніи солдата является развитіе въ немъ иниціативы, самостоятельности и находчивости, конечно, въ предѣлахъ, обусловленныхъ служебною пользою.

Извѣстно, что общій укладъ нашей жизни

далеко не способствуетъ воспитанію такихъ качествъ и это въ особенности, надо думать, примѣнимо къ сельскому населенію, преимущественно комплектующему армію нижними чинами; впрочемъ, жизненная обстановка нашего простонародья настолько отличается отъ городского и болѣе интеллигентнаго населенія вообще, что изложенное выше требуетъ оговорки.

Несомнѣнно, что большая темнота, матеріальная нужда и безпросвѣтность существованія нашего деревенскаго населенія, въ связи съ особенностями устройства ближайшаго управленія, дѣйствуетъ на него притупляющимъ образомъ, что, разумѣется, не благопріятствуетъ развитію личности вообще.

Съ другой стороны, постоянная близость къ природѣ и суровая обстановка самой жизни, непосредственная зависимость благосостоянія отъ труда и ранняя привычка къ настоящей работѣ—все это является нерѣдко такимъ плюсомъ въ крестьянинѣ, который часто покрываетъ недостатки общественнаго и административнаго уклада; каждый жившій въ деревнѣ и наблюдавшій крестьянскихъ дѣтей, обращалъ, вѣроятно, вниманіе на ихъ необыновенную смѣтливость, шустрость и рѣзвость по сравненію съ городскими и вообще болѣе интеллигентными однолѣтками; къ юношескому возрасту эта разница часто усугубляется еще тѣмъ, что деревенскій парень въ 12—14 л. нерѣдко исполняетъ уже отдѣльную и отвѣтственную работу, тогда какъ интеллигентный его сверстникъ только недавно сѣлъ на школьную скамью. Поэтому, если въ будущемъ, благодаря образованію и привиллегированному положенію, послѣдній явится, въ общемъ, болѣе подготов-

леннымъ въ смыслѣ проявленій иниціативы и самостоятельности, то, по крайней мѣрѣ до 20—25 лѣтняго возраста, примѣрно, крестьянинъ врядъ-ли уступитъ ему въ этомъ отношеніи.

Я нарочно нѣсколько остановился на этомъ, дабы показать, что прибывающіе на службу новобранцы вовсе ужъ не до такой степени неподготовлены къ самостоятельной работѣ, какъ это кажется и принято думать вообще; и что, будь нашъ служебный укладъ инымъ, а обученіе солдата поставлено на болѣе практическую почву, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что послѣдній не заявилъ-бы себя плохо и въ этомъ отношеніи.

Какъ-бы то ни было, но существующій строевой режимъ является безусловно гнетущимъ и удушливымъ въ смыслѣ выработки и воспитанія иниціативы и самостоятельности; произволъ, грубость обращенія, излишество словесной муштры, влекущія за собой какое-то одеревененіе солдата и приниженность его личности и званія,—создаютъ такую обстановку, въ которой не могутъ культивироваться эти качества. И для того, чтобы сдѣлать это возможнымъ, необходимо стремиться къ постепенному измѣненію нашего строевого уклада тѣми путями, которые были указаны выше.

Какъ видно изъ всего сказаннаго о воспитаніи солдата, послѣднее является дѣломъ настолько сложнымъ, что надлежащее его выполненіе будетъ по плечу только офицеру и притомъ хорошо подготовленному и близко стоящему къ нижнимъ чинамъ; поэтому въ настоящее время надо принять за правило, что и ближайшимъ воспитате-

лемъ и руководителемъ солдата можетъ быть только офицеръ; если-же это дѣло будетъ лежать на унтеръ-офицерахъ, какъ это, и есть въ большинствѣ случаевъ, теперь, —то трудно ожидать замѣтнаго прогресса въ этомъ направленіи: грубый и почти столь-же темный, какъ и простой солдатъ, нашъ современный унтеръ не является въ сущности начальникомъ и не сможетъ руководить имъ въ отношеніи воинскаго воспитанія и образованія. Необходимо разобраться въ этомъ дѣлѣ и отвести унтеръ-офицеру болѣе скромную роль, по сравненію съ той, которую онъ исполняетъ на дѣлѣ, а именно—исключительно помощника офицера и замѣстителя на случай его отстутствія или убыли; старшаго и перваго во всѣхъ отношеніяхъ солдата, болѣе близкаго нижнимъ чинамъ по своему происхожденію.

Все это дѣлаетъ насущно необходимымъ приближеніе офицера къ солдату, какъ путемъ соотвѣтствующей постановки службы младшихъ офицеровъ, о чемъ было сказано выше, такъ и посредствомъ возбужденія довѣрія солдата, изученія его и входчивости въ его положеніе. Въ настоящее время, при существующей постановкѣ службы младшихъ офицеровъ, господствѣ въ частяхъ хозяйственнаго уклада, у насъ въ войскахъ связь офицера съ солдатомъ не можетъ быть признана достаточною и на это должно быть обращено большое вниманіе, особенно теперь.

И главнѣйшей въ этомъ отношеніи мѣрой, о которой я такъ часто говорилъ, —является измѣненіе постановки службы младшихъ офицеровъ, путемъ возложенія на нихъ непосредственныхъ

и ближайшихъ обязанностей по командованію взводами во всѣхъ отношеніяхъ, съ предоставленіемъ имъ возможной самостоятельности и установленіемъ отвѣтственности.

Слѣдующею мѣрою надо поставить—освобожденіе войскъ отъ хозяйства, что развяжетъ руки всѣмъ вѣдающимъ имъ въ той или иной мѣрѣ строевымъ офицерамъ и позволитъ обратить большее вниманіе на душу солдата, его воспитаніе и боевую подготовку. Остальными мѣрами въ этомъ направленіи будутъ: болѣе однообразный составъ офицеровъ, поднятіе личности и званія солдата, въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ существующаго режима, что особенно важно въ примѣненіи къ молодымъ солдатамъ; наконецъ,— большая осторожность въ смыслѣ перемѣщеній офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ однѣхъ ротъ и частей въ другія.

Теперь очень много говорятъ и пишутъ объ обязанностяхъ офицера по отношенію солдата, причемъ, сколько я могъ замѣтить, замѣчается нѣкоторое стремленіе къ тому, чтобы сдѣлать изъ перваго воспитателя и учителя не только въ военномъ отношеніи. Посильно-ли для офицера задаваться такими задачами и не будетъ-ли это въ ущербъ своему, воинскому, воспитанію и образованію при теперешнемъ срокѣ службы? Будемъ помнить, что наша спеціальность и безъ того уже сложна и трудна и что времени едва хватаетъ на самое насущное, да и врядъ-ли будетъ польза отъ подобной разброски въ погонѣ за многимъ. Насадить въ сердцѣ солдата чувства дисциплины, преданности долгу, патріотизма и товарищества, возможно полнѣе развить и ис-

пользовать лучшія природныя качества его, сдерживая въ тоже время проявленія отрицательныхъ—вотъ достойная офицера задача, съ которой дай Богъ только справиться!

Нельзя закрывать глаза на то, что проведеніе въ жизнь указанныхъ выше мѣръ, ведущихъ къ поднятію личности и званія солдата, можетъ вызывать на первое время и въ нѣкоторыхъ случаяхъ большую распущенность солдата, который, какъ и всякій неразвитой человѣкъ, своеобразно понимаетъ свободу и совершенно не привыкъ къ ней. Поэтому необходимы и извѣстныя остерегающія мѣры, какъ-то: возможно безпристрастный, но твердый тонъ, полная законность во всѣхъ служебныхъ требованіяхъ, поощреніе лучшихъ людей и рѣзкое оттѣненіе по отношенію склонныхъ распускаться; быть можетъ, даже, нѣкоторое усиленіе на первое время взысканій за нарушеніе дисциплины и чинопочитанія. Необходимо дать ясно понять солдату, что если, съ одной стороны, для него сдѣлано все, чтобы улучшить его положеніе на службѣ, то съ другой,—съ него и спросится больше, и что ему выгоднѣе быть на хорошемъ счету у службы, нежели на дурномъ.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, реформы въ дѣлѣ воспитанія солдата должно быть основаны на глубокой внутренней работѣ, на чувствѣ справедливости и гуманности. Но, какъ я не разъ уже говорилъ, все это отнюдь не должно уменьшать необходимую въ военной службѣ строгость и твердость тона; и по отношенію нашего солдата это особенно важно: какъ и всякій простолюдинъ вообще, онъ склоненъ уважать

силу и твердость и, наоборотъ, презираетъ слабость, которую, преимущественно, объясняетъ мягкость въ обхожденіи съ нимъ, по крайне мѣрѣ первое время. Поэтому, если излишняя мягкость является по отношенію къ солдату неумѣстной вообще, то ужъ попустительство, а тѣмъ болѣе — некрасивое заигрываніе съ нимъ, или расчетъ на дешевую популярность — будутъ безусловно преступны и, едва-ли, не въ большей даже мѣрѣ, нежели худшія проявленія грубости и жестокости.

Вообще слѣдуетъ стремится къ тому, чтобы каждый военнослужащій безъ исключенія имѣлъ-бы твердую увѣренность въ томъ, что разъ онъ сдѣлалъ какъ слѣдуетъ все, что начальникъ и служба отъ него требуютъ, — то смѣло можетъ смотрѣть въ глаза всякому и что никто не можетъ произвольно и безнаказанно лишить его законныхъ правъ; если-же въ чемъ и виноватъ, — то строгое взысканіе по закону, или судъ, но отнюдь не самоуправство. Отсюда — необходимость строго регулировать и осторожно пользоваться дисциплинарными взысканіями, примѣненіе коихъ желательно по возможности уменьшать, замѣняя ихъ въ болѣе важныхъ случаяхъ судомъ.

Говоря о настоящемъ времени, конечно, надо считаться съ большимъ, зачастую, недовѣріемъ солдата — простолюдина къ барину-офицеру. Переживаемое смутное время, раздуваемая классовая вражда и тяжелая, мало свойственная войскамъ служба, — все это, конечно, очень затрудняетъ воспитаніе солдата; однако, съ другой стороны, не надо забывать и того, что у насъ, по крайнѣй мѣрѣ пока, нѣтъ еще обостренныхъ отно-

шеній солдата къ офицеру; мы несомнѣнно грубѣе и некультурнѣе западныхъ сосѣдей, но наша военная грубость есть слѣдствіе общей грубости и не носитъ особеннаго специфическаго характера; въ общемъ наши отношенія, я полагаю, мягче, естественнѣе и проще, нежели, напримѣръ, у нѣмцевъ; и намъ безусловно желательно сохранить эти хорошія черты нашего національнаго характера и въ будущемъ. Германская армія несомнѣнно сильна и могущественна, но въ ней складъ отношеній офицера и солдата, повидимому, гораздо хуже, чѣмъ у насъ—онъ систематично суровъ и намѣренно сухъ; и, кто знаетъ, не скажется-ли все это когда-либо въ дурную сторону при подходящихъ обстоятельствахъ?

Образованіе.

Недалеко отъ воспитанія ушло и образованіе нашего солдата, едва-ли, не въ такой-же мѣрѣ способствующее его отупѣнію и забитости.

Именно подобнымъ образомъ дѣйствуетъ на всѣхъ нижнихъ чиновъ и, въ особенности на молодыхъ солдатъ, такъ называемая „словесность“, весьма значительная по объему и крайне затруднительная для человѣка безграмотнаго, или плохо, а то и совсѣмъ не понимающаго по русски, при условіи требованія отвѣтовъ чуть не „въ зубокъ“, безъ должнаго пониманія. Необходимо помнить, что подавляющему большинству людей, поступающихъ на службу, никогда не приходилось имѣть дѣла съ какимъ либо умственнымъ трудомъ, что они отъ него изнемогаютъ и что, при указанныхъ условіяхъ обученія, естественнымъ послѣдствіемъ его является отвращеніе.

Что-же должно быть сдѣлано, въ этомъ отношеніи?

Я думаю, что прежде всего должна быть уменьшена до крайняго minimum'а программа словесныхъ знаній, требуемыхъ отъ солдада вообще и отъ молодыхъ солдатъ въ особенности; настоящая содержитъ въ себѣ много лишняго и притомъ все это солдатъ буквально повторяетъ и въ послѣдующіе года обученія, что безцѣльно, утомительно и однообразно чуть не до степени тошноты; и преимущественно этимъ „топтаніемъ на одномъ мѣстѣ“ надо объяснить то явленіе, что молодые солдаты, въ смыслѣ воспитанія, отношенія къ дѣлу, а часто и въ смыслѣ знаній, - должны быть поставлены гораздо выше, нежели старослужащіе.

Всѣ теоретическія познанія, необходимыя солдату, должны быть разложены по годамъ службы, причемъ въ первый годъ слѣдуетъ давать какъ можно меньше матеріала, исподволь пріучая голову къ умственной работѣ. Затѣмъ, наше солдатское обученіе недостаточно практично вообще и какъ-то слишкомъ тянетъ въ сторону отвлеченности отъ жизни. Надо сдѣлать его живѣе, практичнѣе, какъ въ смыслѣ большей послѣдовательности обученія и непосредственнаго примѣненія пріобрѣтенныхъ знаній къ службѣ, такъ и въ отношеніи возможно большаго тяготѣнія къ полевой работѣ; послѣднее должно быть оттѣнено особенно по отношенію старослужащихъ солдатъ, которымъ совершенно безполезно проводить большое время за словесными занятіями. Вообще солдатское обученіе должно быть поставлено такъ, чтобы оно было вполнѣ приноровлено

къ воинской службѣ, которая есть преимущественно дѣло практическое и къ особенностямъ нашего простонародья, огромное большинство котораго является людьми такого-же практическаго склада.

Съ уменьшеніемъ программы и объема словесныхъ знаній, къ чему есть полная возможность, явится нѣкоторая экономія во времени, которую слѣдуетъ использовать на практическое усвоеніе болѣе важныхъ отдѣловъ солдатскаго образованія—стрѣльба, примѣненіе къ мѣстности, передвиженіе и дѣйствіе въ боевомъ порядкѣ, сторожевая и гарнизонная служба.

Послѣдовательность обученія должно сообразоваться исключительно съ относительною важностью разныхъ отдѣловъ образованія; такимъ образомъ, прежде всего, конечно, должно быть преподано толкованіе дисциплины, чувства долга и подчиненности, понятіе о знамени, обязанностяхъ солдата, наконецъ,—о ружьѣ и его боевомъ употребленіи и т. д.

Начиная со второго года обученія надо пользоваться свободнымъ временемъ, чтобы будить въ солдатѣ національное самосознаніе путемъ ознакомленія его съ наиболѣе достопамятными событіями нашей общей и военной исторіи; о пользѣ этого говорить, конечно, не приходится, дѣло только за временемъ; что-же касается до нижнихъ чиновъ, то они обыкновенно съ захватывающимъ интересомъ слушаютъ такіе разсказы. При безграмотности большинства солдатъ, большомъ равнодушіи нашей общей школы къ отечествовѣдѣнію, военной службѣ приходится, отчасти, брать

на свои плечи такіе отдѣлы образованія, которые ея непосредственно не касаются.

Въ силу этого невозможно отказаться совсѣмъ и отъ обученія грамотѣ — арміи придется заниматься ею до той поры, пока она не будетъ получать болѣе подготовленный въ этомъ отношеніи матеріалъ; тѣмъ не менѣе обученіе грамотѣ должно быть обставлено такимъ образомъ, чтобы ею занимались люди къ ней склонные и способные, которые могутъ быть использованы службой; крайне затруднительно и даже врядъ-ли воможно требовать поголовнаго обученія всей безграмотной среды, въ которой, ктому-же, есть много людей, дурно или совсѣмъ не говорящихъ по русски.

Однако большая соотвѣтственность постановки образованія нижнихъ чиновъ будетъ врядъ-ли осуществима при настоящихъ условіяхъ службы: я говорю о хозяйственномъ укладѣ нашего строя и о положеніи въ немъ младшихъ офицеровъ, къ чему постоянно приходится возвращатся. Сохраненіе въ строю хозяйства, какъ извѣстно, сильно отвлекаетъ многихъ офицеровъ отъ воспитанія и образованія солдата и, кромѣ того, до крайности затрудняетъ веденіе какихъ-бы то ни было занятій со старослужащими, отрывая большее число нижнихъ чиновъ для выполненія различныхъ и постоянныхъ хозяйственныхъ работъ. Что-же касается до младшихъ офицеровъ, то выше уже было пояснено, что они далеки отъ солдата и не являются по отношенію къ нему дѣйствительными и отвѣтственными начальниками; а при этомъ условіи вѣдать образованіемъ нижнихъ чиновъ будутъ преимущественно унтеръ-офицеры и учи-

теля, которые, конечно, не въ состоянiи повести это сложное дѣло какъ слѣдуетъ и двигать его впередъ.

Наконецъ, необходимъ дѣйствительный контроль и полная солидарность въ требованiяхъ начальниковъ всѣхъ степеней, а также предоставленiе непосредственнымъ руководителемъ извѣстной самостоятельности. Въ настоящее время образованiе солдата поставлено во многомъ неправильно и весьма разнообразно; послѣднее обусловливается преимущественно подготовкой, личными требованiями и вкусами высшаго строевого начальства; здѣсь зачастую не только не считаются со значенiемъ и компетенцiей посредствующаго начальника, но не церемонятся иногда и съ совершенно опредѣленными требованiями закона. И помочь этому въ полной мѣрѣ можно будетъ только съ теченiемъ времени, путемъ установленiя однородности офицерскаго состава и тогда, когда мы всѣ проникнемся необходимостью уважать не только собственное достоинство, самостоятельность и мнѣнiе, но и—всѣхъ низшихъ себя.

Весьма жгучимъ, какъ извѣстно, является въ настоящее время унтеръ-офицерскiй вопросъ, для наилучшаго разрѣшенiя котораго военнымъ вѣдомствомъ приняты недавно нѣкоторыя мѣры, о пользѣ и практичности которыхъ можно будетъ говорить только впослѣдствiе, когда опытъ выяснитъ ихъ достоинства и недостатки.

Выше мною было замѣчено, что сохраненiе въ частяхъ фельдфебелей, при всей ихъ неоспоримой пользѣ, имѣетъ и нѣкоторыя вредныя стороны; на основанiи этого я предложилъ на обсужденiе вопросъ о замѣщенiи этихъ должно-

стей офицерами, притомъ старшими послѣ ротнаго командира, т. е. болѣе опытными; тоже и относительно унтеръ-офицеровъ, значеніе которыхъ, съ возложеніемъ на офицеровъ полныхъ обязанностей и отвѣта взводнаго и полуротнаго командировъ, должно сильно уменьшится. Конечно, вопросъ этотъ—весьма спорный по существу и я не считаю себя достаточно компетентнымъ, чтобы говорить объ этомъ съ полной увѣренностью; я хотѣлъ только приблизить этимъ путемъ офицера къ солдату и дать ему опредѣленную и живую обязанность, противъ чего безусловно сильно грѣшитъ настоящая постановка службы младшихъ офицеровъ въ строю. Думаю, что все это чрезвычайно важно и могло-бы свести до minimum'а остроту унтеръ-офицерскаго вопроса, потребность въ надлежащемъ разрѣшеніи коего будетъ расти все больше и больше. Но даже и при возможности практическаго осуществленія этой мысли, въ будущемъ все-таки придется развивать мѣры для удержанія на службѣ сверхсрочныхъ офицеровъ; и, помимо денежныхъ средствъ, одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ въ этомъ отношеніи явится предоставленіе имъ извѣстнаго обезпеченія послѣ службы въ видѣ пенсій, пособій, облегченія образованія дѣтей и, наконецъ,—удовлетворительно обставленныхъ на казенной службѣ должностей. Положеніе и обязанности начальника на военной службѣ, и въ настоящее время особенно, настолько важны и трудны, что не могутъ идти въ сравненіе съ какими-либо другими; а между тѣмъ, сплошь да рядомъ, всякая частная служба обставлена во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше; эту невыгод-

ную параллель между военной службой и всякой иной рѣшительно нельзя упускать изъ виду; отдадимъ должное долгу присяги и идеѣ воинской службы, но не будемъ закрывать глаза и на жизнь, а для этого необходимо военную службу сдѣлать возможно выгодною и заманчивою.

Въ частности, образованіе унтеръ-офицеровъ грѣшитъ тѣми-же недостатками, что и прочихъ нижнихъ чиновъ; и по отношенію ихъ въ той-же, и даже большей еще мѣрѣ, необходимыми являются послѣдовательность и практичность обученія. Для унтеръ-офицера слѣдуетъ сдѣлать обязательнымъ умѣніе оріентироваться, читать карту и планъ, а также приктиковаться въ рѣшеніи несложныхъ задачъ въ комнатѣ и въ полѣ; кромѣ того, здѣсь еще болѣе желательно ознакомленіе съ важнѣйшими событіями русской исторіи, общей и военной.

Заканчивая этимъ отдѣлъ образованія нижнихъ чиновъ, я укажу еще на необходимость имѣть особые солдатскіе уставы или по крайней мѣрѣ справочныя книжки, по размѣрамъ своимъ, содержанію и изложенію вполнѣ примѣнимые къ уровню развитія нижняго чина; настоящіе уставы очень велики, сложны и написаны неудобопонятнымъ для солдата языкомъ; и это получаетъ особенное значеніе при частыхъ измѣненіяхъ, иногда рѣзкихъ, въ содержаніи и направленіи всѣхъ оффиціальныхъ уставовъ и инструкцій.

Бытъ.

Теперь посмотримъ, каковою является бытовая сторона солдатской службы.

Помѣшенія и пищу нижнихъ чиновъ можно

назвать, въ общемъ, удовлетворительными; въ этомъ отношенiи большинство ихъ попадаетъ въ лучшiя условiя по сравненiю съ тѣми, среди которыхъ жили дома.

Въ настоящее время большинство воинскихъ частей имѣетъ свои казармы, въ устройствѣ которыхъ, хотя и бываетъ много недостатковъ, но всетаки замѣчается стремленiе лучше обставить солдата; нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ будущемъ къ этому будутъ приложены еще большее вниманiе и средства.

Казарма, какъ типъ спецiальнаго воинскаго помѣщенiя, повсемѣстно признана наиболѣе удобною въ смыслѣ воспитанiя и образованiя нижнихъ чиновъ. И, разумѣется, при настоящихъ условiяхъ военной службы (сосредоточенiе частей въ извѣстныхъ пунктахъ, постоянство квартированiя въ нихъ, короткiе сроки службы и т. д.), подобный способъ размѣщенiя нижнихъ чиновъ представляется, вѣроятно, единственнымъ; тѣмъ не менѣе въ современной солдатской казармѣ, повидимому, есть что-то претящее нашему простолюдину; конечно, главнымъ образомъ это есть слѣдствiе установившагося служебнаго режима, рѣзкости перехода къ нему и непривычки деревенскаго, въ большинствѣ случаевъ, обывателя; вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, что принятый у насъ типъ казармы далекъ еще отъ совершенства и, въ особенности, мало примѣненъ къ нашему солдату; поэтому и послѣднее, помимо другихъ причинъ, оказываетъ извѣстное влiянiе на настроенiе солдата, заставляя его больше тосковать, болѣть, или даже бѣжать со службы и во всякомъ случаѣ плохо вѣрить тому, что

своя рота, полкъ—родная семья. Вѣдь, напримѣръ, расположеніе по обывателямъ и въ лагеряхъ, или даже по небольшимъ частнымъ казармамъ—это уже не то: тамъ солдатъ чувствуетъ себя живѣе и лучше; и, вѣроятно, отчасти, этимъ надо объяснить то явленіе, что процентъ заболѣваемости и смертности среди нижнихъ чиновъ въ настоящихъ казармахъ обыкновенно превышаетъ таковой-же при условіяхъ расположеніи ихъ по обывателямъ.

Вообще вопросъ этотъ заслуживаетъ большого вниманія и требуетъ подробнаго обсужденія людей, ближе стоящихъ къ войскамъ; и хотя я и затрудняюсь указать на иной, болѣе удовлетворительный способъ его разрѣшенія, но, мнѣ кажется, что теперешняя казенная казарма, большая и сѣрая, какъ-то не подходитъ къ русскому человѣку, въ особенности деревенскаго склада, которымъ, по преимуществу, является нашъ солдатъ; помимо этого, я думаю, что войсковой казармѣ вообще мѣсто не въ городѣ, а—скорѣе вблизи него, въ деревнѣ; эти условія расположенія казармъ, вѣроятно, будутъ болѣе благотворны для частей и притомъ не только въ смыслѣ здоровья и самочувствія нижнихъ чиновъ, но и во многихъ другихъ (напримѣръ агитація, пьянство и т. д. [1]).

Питаніе солдата, поставленное въ общемъ, благодаря послѣдней прибавкѣ, довольно хорошо, тоже нуждается въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ; я думаю, что надобно иначе распредѣлить пріемы пищи, давая, напримѣръ, съ утра, передъ заня-

[1]) Этими соображеніями, до нѣкоторой степени, руководствуются, напримѣръ, въ Шведской арміи.

тіями, легкій завтракъ въ видѣ куска мяса съ хлѣбомъ, а обѣдъ съ остальною мясной порціей, —часомъ позже настоящаго; кромѣ того, желательно обратить вниманіе на ужинъ, отъ котораго многіе нижніе чины обыкновенно совсѣмъ отказываются.

Затѣмъ,—досугъ солдата. Необходимо использовать его какъ можно производительнѣе для службы и беречь солдата отъ нежелательныхъ вліяній. Это прежде всего потребуетъ значительнаго излишняго труда офицеровъ.

Разсказы изъ русской, общей и военной исторіи, иллюстрированные показомъ картинъ на волшебномъ фонарѣ, соотвѣтствующія поясненія явленій современной жизни, наконецъ, при удобныхъ случаяхъ—солдатскій театръ и разучиваніе русскихъ историческихъ и боевыхъ пѣсенъ—все это является лучшимъ средствомъ занять умъ солдата и отвлечь его отъ скуки, вреднаго вліянія и пьянства.

Мнѣ извѣстно, что многіе высказываются противъ посвященія солдата въ нашу современную жизнь и считаютъ это не дѣломъ начальника, который, коснувшись щекотливыхъ иной разъ вопросовъ, можетъ быть, яко-бы, поставленъ въ неловкое положеніе.

Я думаю, однако, что это не такъ, по слѣдующимъ соображеніямъ:

Надо признать, что нашъ солдатъ, за рѣдкими исключеніями, интересуется преимущественно жизнью своей деревни, живую связь съ которой онъ сохраняетъ и въ продолженіе службы; не естественно-ли, поэтому, что онъ чутко прислушивается ко всему, что касается этого вопроса

и, при своей темнотѣ, бываетъ мало разборчивъ въ источникахъ освѣдомленія на этотъ счетъ?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, правильно-ли будетъ, если мы, офицеры, предоставимъ солдата собственнымъ смутнымъ догадкамъ, слухамъ и вреднымъ постороннимъ вліяніямъ, которымъ онъ часто подпадаетъ въ поискахъ за разрѣшеніемъ интересующихъ его вопросовъ? И, будте увѣрены, въ томъ, что „тамъ“ этого „исканія“ солдата только и ждутъ; тамъ охотно пойдутъ имъ навстрѣчу и ужъ, конечно, постараются набодрить солдата въ желательномъ для нихъ направленіи. Въ общемъ я хочу сказать, что если мы, начальники, отстранимся отъ солдатъ въ этомъ отношеніи, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторая часть ихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, будетъ попадаться на заманчивыя удочки крайнихъ партій. Развѣ не тоже, спрошу я, происходило и происходитъ въ деревнѣ и развѣ возможно было-бы тамъ все то, чему мы были свидѣтелями, при иномъ, заблаговременномъ, конечно, отношеніи нашей власти къ мужику и деревнѣ вообще?

Поэтому, я твердо убѣжденъ въ томъ, что большее общеніе офицера съ солдатомъ, въ частности и по отношенію къ интересующему послѣдняго, даже при условіи всей неприглядности современнаго положенія,—есть единственно вѣрный путь къ возможному урегулированію этого вопроса. Подобныя бѣсѣды съ нижними чинами несомнѣнно помогутъ имъ разбираться въ смутныхъ явленіяхъ современной жизни и сберегутъ службѣ не одну солдатскую душу И развѣ не сознаютъ этого сами нижніе чины? Я думаю

многіе строевые офицеры слышали отъ нихъ выраженія горячей благодарности за разъясненіе многихъ вопросовъ, которые имъ, быть-можетъ, освѣщались до того иными лицами и въ иномъ видѣ. И, конечно, здѣсь все дѣло—въ офицерѣ.

Съ другой стороны, при всей желательности занять умъ нижнихъ чиновъ, не слѣдуетъ и чрезмѣрно увлекаться въ этомъ отношеніи, доводя развлеченія до степени „баловства" и заигрыванія; какъ извѣстно, солдатъ нашъ очень хорошо разбирается въ дѣйствіяхъ начальства и объяснитъ ихъ по своему вѣрно.

Совершенно на тѣхъ-же основаніяхъ должна быть ведена и борьба съ пьянствомъ въ войскахъ. Конечно, внѣ общихъ мѣръ государственнаго значенія, одной военной службѣ бороться съ нимъ трудно, но все-же, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ и молодымъ составомъ нижнихъ чиновъ, послѣдняя можетъ сдѣлать не мало; и, судя по примѣрамъ нѣкоторыхъ частей и командъ, это достижимо въ большей или меньшей степени, что уже одно оправдываетъ всѣ средства къ обращенію большого вниманія на досугъ солдата. Разумѣется и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, дѣло—за офицерскимъ составомъ, который долженъ служить живымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ.

Одежда солдата. Она—стѣснительна вообще и нехороша по качеству; въ особенности дурно и неловко одѣты нижніе чины армейской пѣхоты, за которыхъ иной разъ бываетъ и больно и стыдно; развѣ это, въ связи со взглядомъ на пѣхоту вообще, не дѣйствуетъ въ отрицательномъ смыслѣ на вѣру солдата въ его„ высокое и почетное

званіе“? И если нельзя ужъ добиться до сихъ поръ болѣе удобной, прочной и щеголеватой солдатской одежды, то неужели нѣтъ возможности вообще лучше одѣвать армейскую пѣхоту? Почему, напримѣръ, гвардія, кавалерія и даже стрѣлки, одѣты гораздо чище и внимательнѣе? Пора обратить, наконецъ, на это вниманіе, измѣнивъ наши хозяйственные распорядки и обычаи.

Кромѣ мундира, нуждаются въ измѣненіи шинель и сапоги; изъ нихъ первая, въ настоящемъ видѣ, черезчуръ не подходяща для холоднаго времени; что-же касается до сапога, то его хроническая еще издавна негодность — общеизвѣстна и лишній разъ подтверждена опытомъ последней войны; объ особенной-же важности обуви въ пѣхотѣ—распространяться не приходится.

Наконецъ,—два слова о пенсіяхъ и пособіяхъ нижнимъ чинамъ въ мирное (болѣзнь и увѣчье на службѣ) и, въ особенности, въ военное время; дѣло это находится до сего времени въ какомъ-то обидномъ забросѣ и настоятельно нуждается въ толчкѣ; быть—можетъ одной казнѣ трудно сдѣлать въ этомъ отношеніи многое, но необходимо положить починъ дѣлу и, работая въ этомъ направленіи, призвать на помощь частную благотворительность и объединить существующія общества; быть можетъ даже въ военное время умѣстно и справедливо будетъ установить какой нибудь пропорціональный средствамъ налогъ съ лицъ не военнаго званія или что-либо вродѣ этого: война — дѣло государственное и всякій гражданинъ обязанъ, въ томъ или иномъ видѣ, помочь отечеству и принести свою лепту въ

пользу непосредственныхъ и забытыхъ защитниковъ родины.

Заканчивая этимъ очеркъ служебной обстановки нашего солдата, я хочу указать на то, что у насъ вообще и въ, особенности среди инородцевъ, военная служба—не популярна, ее часто даже боятся; и это является справедливымъ даже по отношенію къ коренному населенію, которое вполнѣ признаетъ идею самой службы, доказательствомъ чего служитъ исправность и готовность, съ которыми оно отбываетъ эту тяжелую повинность. Слѣдовательно, въ самой постановкѣ службы, въ режимѣ ея и складѣ, есть многое, что, до нѣкоторой степени, отвращаетъ отъ нее населеніе. Конечно, извѣстную долю этого слѣдуетъ объяснить агитаціей, которая стремится распускать среди народа злостные и преувеличенные слухи о порядкахъ въ арміи, а также—легкомысленной болтовней запасныхъ, среди которыхъ обыкновенно бываетъ много охотниковъ приврать и постращать службою темныхъ земляковъ, готовящихся къ призыву; но это не все—дыма безъ огня не бываетъ—и главную причину такого отношенія къ военной службѣ надо искать въ ея собственныхъ недочетахъ.

Солдатъ съ радостью покидаетъ службу, охотно мѣняя казенную одежду на „вольную“ и обыкновенно въ рѣдкихъ случаяхъ поминаетъ ее добромъ; все это—нехорошіе признаки.

Слѣдовательно, надо сдѣлать все что можно, чтобы солдатъ не чувствовалъ себя на службѣ въ какомъ-то угнетенномъ и безправномъ положеніи, надо поднять его личность и званіе. Это получаетъ особенно значеніе теперь, когда всякій

получаетъ права свободнаго гражданина, почему переходъ къ военной службѣ, съ ея многими и неизбѣжными особенностями, будетъ для многихъ еще болѣе чувствителенъ; и нельзя, наконецъ, не считаться съ тѣмъ, что на этой почвѣ возможны въ будущемъ разныя нежелательныя осложненія.

Отношеніе солдата къ современнымъ событіямъ; агитація въ войскахъ.

Положеніе арміи и, въ частности, солдата, въ настоящее время надо признать въ высшей степени затруднительнымъ:

Несчастная война и послѣдовавшія за ней событія всколыхнули наше отечество и сильно пошатнули установившійся издавна укладъ государственной и общественной жизни. Темнота народа и безправіе низшихъ классовъ вообще, безпечность власти по отношеніи къ ихъ давнишнимъ нуждамъ, отсутствіе въ ней государственности и, наконецъ,—злобная, разрушительная дѣятельность подпольныхъ партій, направленная противъ правительства и привиллегированныхъ состояній,—все это привело къ тому печальному положенію, въ которомъ находится Россія въ настоящее время и которое, быть можетъ, грозитъ ей въ будущемъ новыми бѣдами.

И, несмотря на такую сложную обстановку, армія, въ общемъ, держалась и держится твердо и свято исполняетъ свой долгъ.

Чѣмъ-же надо объяснить это? Прежде всего—достоинствами ея самой, духомъ и прочностью военной организаціи, разрушить которую не такъ-то легко, а также—спокойствіемъ бо́льшей части

населенія, особенно сельскаго, преимущественно комплектующаго составъ нижнихъ чиновъ; правда, и въ арміи были случаи безпорядковъ и даже открытыхъ мятежей, но они носили до сихъ поръ лишь частичный характеръ и только, отчасти, могутъ служить показателями состоянія всей арміи*).

Но означаетъ-ли эта вѣрность и преданность долгу, что армія совершенно глуха и безучастна къ происходящему?

Безусловно нѣтъ: солдатъ нашъ несомнѣнно интересуется современными событіями и преимущественно постольку, посколько онѣ связаны съ наиболѣе близкими его сердцу вопросами, а именно — о земельномъ устройствѣ; этотъ интересъ онъ всецѣло сохраняетъ и во время нахожденія на службѣ, да и можетъ-ли это быть иначе?

Тѣмъ не менѣе бывшіе въ войскахъ безпорядки и мятежи заставляютъ сильно призадуматься надъ ними и своевременно принять мѣры для ихъ предупрежденія.

Въ чемъ заключалась главная причина этихъ явленій? Въ агитаціи? Но, вѣдь, первымъ условіемъ успѣха послѣдней является удобная и притомъ подготовленная заранѣе почва; иначе она врядъ-ли можетъ имѣть успѣхъ. Надо принять, что агитація вообще не есть сама по себѣ

---

*) Очень характернымъ является полное отсутствіе военныхъ безпорядковъ въ полевыхъ кавалерійскихъ частяхъ. Надо думать, что, помимо условій небольшой относительно численности кавалеріи, характера службы и расквартированія ея больше въ мѣстностяхъ съ инороднымъ населеніемъ, враждебнымъ къ войскамъ вообще, здѣсь, вѣроятно, сказался иной духъ, режимъ службы и складъ отношеній; быть можетъ даже имѣло свое значеніе и отличающее наши кавалерійскіе полки болѣе внимательное отношеніе къ наружности солдата (молодцеватость, болѣе щеголеватая одежда и т. д.).

причина, а только средство, толчокъ, для всякаго рода движеній; истинными-же причинами войсковыхъ волненій являются: общее положеніе дѣлъ въ государствѣ и годами накопленное недовольство значительной части населенія, относительно коихъ солдатскіе мятежи — не болѣе какъ частные отзвуки, для возникновенія которыхъ нужна была лишь благопріятная почва, да соотвѣтствующая работа; и такая почва несомнѣнно была и есть въ арміи: безправіе и дурная зачастую обстановка жизни нижняго чина, грубость служебнаго режима, недостаточная близость офицера къ солдату и недовѣріе — все это, въ связи съ темнотой и стадностью послѣдняго и сдѣлало агитацію возможной и, относительно, результатной.

Слѣдовательно, для предупрежденія военныхъ мятежей въ будущемъ, нужны прежде всего общія мѣры широкаго государственнаго значенія. Затѣмъ, въ частности, что касается военной службы, необходимо: поднять личность и званіе солдата, измѣнить служебный ремижъ, не бояться разъяснять происходящее, и, наконецъ, — установить прочную связь солдата съ офицеромъ, который вполнѣ располагалъ-бы его довѣріемъ; разумѣется, все это потребуетъ прежде всего лучшаго и болѣе однообразнаго состава строевыхъ офицеровъ и измѣненія постановки ихъ службы. Въ противномъ случаѣ, въ настоящую переходную эпоху, мы всегда будемъ жить подъ угрозой войсковыхъ безпорядковъ, которые могутъ повторятся при всякомъ благопріятномъ для этого случаѣ.

И развѣ на дѣлѣ все это не бросалось въ глаза? Отмѣтимъ прежде всего то обстоятельство, что во всѣхъ почти бывшихъ случаяхъ солдатскихъ волненій заправилами ихъ лишь въ

единичныхъ случаяхъ являлись офицеры; обыкновенно-же таковыми были или „вольные“ агитаторы, зачастую даже инородцы, *) или вольноопредѣляющіеся. Это очень характерно, такъ какъ, указывая на преданность нашихъ офицеровъ, въ тоже время ясно подтверждаетъ недостатокъ связи между ними и нижними чинами, которые въ такихъ случаяхъ идутъ не за своимъ начальникомъ, а за другими, часто совершенно имъ посторонними людьми. Надо признать, что и теперь еще офицеръ въ глазахъ солдата остается преимущественно „бариномъ“; а это уже одно затрудняетъ установленіе довѣрія со стороны послѣдняго; и агитаторы, конечно, отлично сознаютъ эту слабую сторону нашей арміи и умѣло ею пользуются. Затѣмъ, не менѣе ясно, кажется, было, что офицерство наше вообще и, въ частности, начальствующія лица являлись мало подготовленными въ этомъ отношеніи: о готовящихся безпорядкахъ обыкновенно никто не зналъ и бѣда заставала ихъ зачастую врасплохъ; потому-то и бывали случаи, что наши офицеры какъ-бы пассовали въ такой обстановкѣ. Почему? Да потому что, пользуясь смутнымъ временемъ, агитаторы умѣли обыкновенно прельстить солдата, дѣйствовали болѣе энергично и, по своему, часто оказывались выше представителей военнаго вѣдомства. Я спрошу, развѣ у начальника, дѣйствительно чуткаго, твердаго и близкаго къ солдату, не было средствъ замѣтить его настроенія и совладать съ вліяніемъ пропаганды? Были несомнѣнно; а при наличіи ихъ, трудно допустить, чтобы агитація

*) Въ большинствѣ случаевъ—евреи, которые обыкновенно вовсе не пользуются довѣріемъ среди солдатскаго состава арміи.

имѣла и тотъ небольшой успѣхъ, который былъ на дѣлѣ. На что-же это, однако, указываетъ? Да на то, что такихъ начальниковъ было немного; а это, въ свою очередь, происходитъ отъ того, что служебная обстановка мало обращала вниманія на подобныя достоинства въ офицерахъ, и не умѣла выдвигать лучшихъ изъ нихъ. Не менѣе рельефно сказывались въ этихъ случаяхъ темнота и стадность нашихъ нижнихъ чиновъ, что, до извѣстной степени, тоже обусловливало внезапность безпорядковъ.

Не мнѣ одному, конечно, приходили на умъ печальные вопросы: откуда все это, почему свалилось оно такъ нежданно, негаданно? И неужели нашъ сѣрый, обыкновенно добродушный, солдатъ способенъ на звѣрскую расправу со своими командирами, явное нарушеніе дисциплины и чувства долга?

Разрѣшенія этихъ вопросовъ надо искать не столько въ самой арміи,, сколько въ народѣ, откуда она происходитъ.

Не бросается-ли въ глаза поразительное сходство войсковыхъ безпорядковъ съ деревенскими волненіями? Въ обоихъ случаяхъ та-же неожиданность возникновенія, тѣже, въ сущности, лица, на которыхъ обрушивается злоба (помѣщикъ и офицеръ, тотъ и другой—„баринъ"), одинаковые способы расправы и, наконецъ,—тѣже, почти, результаты. Если насъ, военныхъ, въ этихъ случаяхъ ставилъ часто втупикъ солдатъ, то, вѣдь, не ожидали, вѣроятно, такихъ проявленій и отъ нашего мужика, смиреніе и добродушіе котораго трактовались зачастую какъ естественно присущія послѣднему и желательныя

въ немъ качества? Если теменъ и довѣрчивъ нашъ солдатъ, то не въ большей-ли мѣрѣ можно отнести это и къ крестьянину? Не одинаковыми-ли являются дикая расправа и разрушительныя наклонности толпы въ обоихъ этихъ случаяхъ и не есть-ли это по существу та-же „Пугачевщина“, тѣ-же проявленія русскаго бунта, охарактеризованнаго Пушкинымъ „безсмысленнымъ и безпощаднымъ“? И, наконецъ, развѣ не одноименны эта быстротечность безпорядковъ и ихъ результаты, съ обычнымъ паденіемъ въ ноги, мольбою и ссылкою на свою темноту, да на вліяніе скрывшихся проходимцевъ? Перечитайте внимательно „Капитанскую дочку“ и вы увидите во многомъ поразительное сходство съ настоящимъ.

Давнишняя подневольность, забитость и общинный складъ жизни нашего крестьянства, въ связи съ вѣковой нуждой и темнотой, на которую никто не хотѣлъ обращать вниманія, наконецъ, произволъ и несправедливость—все это повело къ полному недовѣрію со стороны мужика къ закону, всякой власти и ко всему тому, кто не принадлежалъ къ его міру; сюда присоединились зависть и недовольство своимъ положеніемъ, перешедшія въ годами накопленное озлобленіе и стремленіе улучшить свою долю. И естественно, что все это обращалось противъ помѣщика-барина, который жилъ рядомъ съ мужикомъ, пользовался его трудомъ и, въ смыслѣ всякихъ привиллегій, представлялъ собою глубокій, несправедливый и опасный контрастъ по сравненію съ бѣдственнымъ положеніемъ послѣдняго; это стало обнаруживаться еще яснѣе послѣ дарованія дворянству вольностей отъ обязательной государствен-

ной службы, являвшейся до того основой привиллегій этого класса. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, крестьянинъ, хотя и очутился на „волѣ“, но, не получивъ личнаго обезпеченія, въ дѣйствительности снова попалъ въ полную зависимость, во первыхъ, отъ своей общины, міра, а, во вторыхъ,—отъ того-же помѣщика, безъ котораго зачастую не могъ и прожить. Отсюда—эти постоянныя затаенныя мечты о помѣщичьей землѣ и „черномъ передѣлѣ“, легенды о „золотой грамотѣ“, и, наконецъ, озлобленіе противъ тѣхъ, кого мужикъ считалъ виновниками своей нужды и темноты.

Такимъ-то путемъ и образовалась та глубокая пропасть между властью и привиллегированными сословіями, съ одной стороны и мужикомъ и низшими классами вообще—съ другой; и эта-то пропасть во всѣхъ отношеніяхъ и является коренною причиною настоящаго смутнаго времени.

Этотъ складъ отношеній, въ томъ или другомъ видѣ, несомнѣнно проникалъ и на службу, гдѣ, въ качествѣ солдата, мужикъ вновь сталкивается съ „бариномъ“ въ образѣ офицера, на котораго и переносилъ недовѣріе, унаслѣдованное отъ предковъ. И, разумѣется, обездоленное положеніе крестьянства, представляющаго собой наиболѣе многочисленный элементъ государства, а равно и сложившееся долгими годами отношеніе къ другимъ классамъ, явились крайне благодарною почвой для противуправительственной и классовой агитаціи; и, конечно, преимущественно этимъ надо объяснить тѣ успѣхи, которыхъ ей удалось достигнуть.

Всякому понятно то огромное значеніе, кото-

рое имѣетъ армія, какъ представительница силы власти вообще и въ настоящее время въ особенности. Поэтому необходимо принять всѣ мѣры къ поддержанію въ ней порядка и спокойствія. Я говорилъ уже о главнѣйшихъ изъ нихъ и здѣсь только упомяну о прочихъ, къ которымъ отношу:

Тщательное соблюденіе законности по отношенію къ нижнимъ чинамъ во всѣхъ ея проявленіяхъ; сюда войдутъ, слѣдовательно, уничтоженіе всякаго вида произвола, способы обращенія, соотвѣтствующее наблюденіе за пищей, помѣщеніями и одеждой, своевременная и полная выдача всего положеннаго. Затѣмъ,—наиболѣе раціональное использованіе солдатскаго досуга путемъ устройства чтеній, бесѣдъ съ показомъ на фонарѣ, о чемъ было указано выше.

Усиленіе отвѣтственности за агитацію въ войскахъ, доводя послѣднюю до самыхъ суровыхъ степеней; недопущеніе къ пріему въ войска лицъ неблагонадежныхъ, и немедленное удаленіе съ военной службы такихъ, пребываніе коихъ въ арміи будетъ для нея нежелательно. Сюда надо отнести также безусловное воспрещеніе наполнять армію всякими отбросами вродѣ бунтовавшихъ матросовъ, посылаемыхъ туда на исправленіе; мѣра эта является крайне обидною и вредною для арміи; подобнымъ элементамъ не должно быть въ ней мѣста.

Въ особенности важно обратить вниманіе на тѣ части, которыя значительный контингентъ своего пополненія получаютъ изъ числа фабричныхъ рабочихъ и всякаго рода мастеровыхъ (напримѣръ, саперныя и нѣкоторыя другія спеціальныя части и команды), гдѣ агитація находитъ

для себя болѣе подходящую почву. Тоже самое надо сказать и о писарскомъ и вообще нестроевомъ составѣ Штабовъ, Управленій и разныхъ военныхъ учрежденій, особенно большихъ, являющагося не менѣе благопріятной въ этомъ отношеніи средой. И, подобно тому, какъ и по отношенію матросовъ, внимательный наблюдатель могъ-бы замѣтить, что во всѣхъ этихъ частяхъ и учрежденіяхъ давно уже наблюдалась большая распущеннность нижнихъ чиновъ.

Наступившее затишье въ войскахъ не должно служить основаніемъ для успокоенія и опусканія рукъ; мы склонны вообще забывать недавніе тяжкіе уроки, за что жестоко платились и можемъ еще поплатиться.

Надо помнить, что одно наружное спокойствіе въ войскахъ не есть еще разрѣшеніе вопроса о безпорядкахъ. Въ наше необыкновенное время необходимы соотвѣтствующія постоянныя мѣры и борьба. Звѣрь какъ-бы заснулъ, но никто не можетъ поручиться, какъ продолжителенъ будетъ его сонъ и каковымъ явится пробужденіе; вѣдь и теперь случалось, что даже хорошій и любимый солдатами командиръ шелъ заурядъ съ дурнымъ, а эта нивеллировка—недобрый признакъ.

Но этого мало: агитація, конечно, не ограничивается однѣми войсками; она обращена также и на главный источникъ послѣднихъ,—сельское населеніе. Поэтому, надо думать, что и въ настоящее время часть молодыхъ солдатъ, хотя-бы и незначительная, будетъ являться на службу въ той или иной степени зараженной агитаціей, или по крайней мѣрѣ съ готовымъ противъ арміи предубѣжденіемъ. Поэтому все сказанное

выше о молодыхъ солдатахъ должно получить теперь особенно важное значеніе. *)

Отсюда ясно что арміи необходимо быть твердой и готовой къ самой серіозной работѣ и борьбѣ.

Но все это, конечно,—частности, центръ тяжести успокоенія несомнѣнно лежитъ въ соотвѣтствующихъ мѣрахъ общегосударственнаго значенія, скорѣйшее осуществленіе которыхъ совершенно необходимо и съ военной точки зрѣнія.

V.) Служба въ войскахъ вообще: обстановка и режимъ, характеръ служебныхъ требованій; особенность строевой службы въ настоящее время.

Современная постановка строевой службы, какъ это можно было, отчасти, замѣтить выше, имѣетъ много недочетовъ и нуждается въ глубокихъ измѣненіяхъ.

Самыми серіозными и наболѣвшими въ этомъ отношеніи вопросами являются: преобладаніе второстепенныхъ требованій службы (строй, хозяйство) надъ основными, а именно—боевыми; излишнее развитіе хозяйства въ войскахъ; невыгодная, относительно, постановка строевой службы вообще, и въ особенности—армейской пѣхоты; увеличеніе въ арміи нестроевого элемента; неприспособленность организаціи различныхъ войсковыхъ соединеній къ потребностямъ военнаго времени; характеръ служебныхъ требованій, въ

*) Весьма удобными являются для агитаціи періоды призыва новобранцевъ. Скопляясь въ значительномъ числѣ при Управленіяхъ Уѣздныхъ Воинскихъ Начальниковъ, пьянствующая во всю и склонная къ разгулу и буйству, масса призывныхъ представляетъ собою весьма благопріятную среду для дѣйствій агитаторовъ. Поэтому, желательно иначе обставить наши призывы и, по возможности, быстрѣе отправлять новобранцевъ въ части.

смыслѣ веденія войскъ и оцѣнки ихъ работы; недостаточное разграниченіе сферы дѣйствій начальниковъ разныхъ степеней, въ связи съ стѣсненіемъ самостоятельности младшихъ; наконецъ—духъ арміи вообще, товарищество въ частяхъ и связь родовъ оружія. Вопросу о боевой подготовкѣ войскъ я посвящу слѣдующую главу, здѣсь-же разсмотрю все остальное.

Хозяйство въ войскахъ разрослось до размѣровъ полнаго обремененія строя, а потому вопросъ этотъ, по справедливости, долженъ занять одно изъ главныхъ мѣстъ нашей военной реформы.

Хозяйственный укладъ нашей арміи установился несомнѣнно историческимъ путемъ, такъ какъ исходилъ изъ общаго уклада государственной жизни, гдѣ господствовало стремленіе къ возможной централизаціи; но, если въ прежнее время это являлось понятнымъ и даже естественнымъ, до извѣстной степени, то теперь, съ общимъ стремленіемъ къ разсредоточенію и специализаціи, удержаніе хозяйства при войскахъ поведетъ только ко вреду, давно уже сознанному.

Вліяніе нашего хозяйственнаго уклада—общеизвѣстно, я упоминалъ объ этомъ раньше и долго на немъ останавливаться не приходится: отвлеченіе отъ строя большого числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ; значительная потеря времени для обученія частей, которыя ктому-же могутъ производить свои занятія лишь въ слабомъ составѣ, что получаетъ особенное значеніе при сокращенномъ срокѣ службы; наконецъ,—естественное преобладаніе, которое зачастую получаетъ въ глазахъ начальства офицеръ хозяйственнаго склада передъ всякимъ другимъ, что отзывается на оцѣнкѣ службы, назначеніяхъ и т. д.

Необходимо сложить съ войскъ всѣ хозяйственныя заботы въ видѣ обмундированія, шитья обуви, хлѣбопеченія, ремонта обоза и т. д. и передать ихъ въ руки интендантства. Но этого недостаточно: нужно дать войскамъ и необходимыя средства для уволетворенія тѣхъ потребностей, на которыя по закону отпусковъ отъ казны не полагается.

Нельзя, однако, закрывать глаза и на обратную сторону этой реформы, въ особенности принимая во вниманіе составъ и нравственный уровень нашего интендантскаго вѣдомства. Я думаю, что всякому начальнику, напримѣръ, вопросъ объ обмундированіи своей части будетъ гораздо ближе, нежели соотвѣтствующему интендантскому органу; даже болѣе того,—находчивый и энергичный командиръ рѣшитъ его, быть можетъ, лучше и выгоднѣе, нежели послѣдній. Но, во первыхъ, все это можетъ быть вѣрнымъ только по отношенію единичныхъ людей, а во вторыхъ—всякій спеціальный органъ несомнѣнно будетъ располагать большимъ временемъ, средствами и связями для удовлетворенія потребностей частей, нежели онѣ сами; наконецъ,—все, разумѣется, требуетъ извѣстнаго опыта, ничто не налаживается сразу, а тѣмъ болѣе реформа такого крупнаго значенія; поэтому вполнѣ возможно ожидать на первое время и нѣкоторыхъ неладовъ въ этомъ отношеніи, что, однако, не должно служить предлогомъ къ отрицанію сущности реформы, польза которой несомнѣнно скажется въ будущемъ.

Какъ извѣстно, первые шаги въ этомъ отношеніи уже сдѣланы нашимъ военнымъ вѣдомствомъ, а потому остается желать, чтобы и послѣдующее было проведено полно и цѣльно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, давно уже всѣми сознано, что интенданская часть арміи требуетъ большой работы надъ собою, какъ въ смыслѣ лучшаго и болѣе чистаго подбора служащихъ, такъ и въ отношеніи спеціальной подготовки; сколько приходилось слышать, лица окончившіе интендантскій курсъ, замѣтно выдѣляются въ томъ и другомъ отношеніи; поэтому, казалось-бы, необходимо создать бо̀льшое число такихъ курсовъ, которые впослѣдствіе могли-бы обезпечивать интендантство подходящимъ составомъ служащихъ, хотя-бы въ смыслѣ высшихъ назначеній.

Во всякомъ случаѣ, до проведенія въ жизнь новой системы войскового хозяйства пройдетъ не мало времени; поэтому нужно предпринять что-либо по отношенію къ нему еще и теперь. Слѣдуетъ, напримѣръ, обратить вниманіе на установившіяся, вслѣдствіе недостатка отпускаемыхъ средствъ, вредныя привычки „загонять“ экономію по тѣмъ или инымъ отдѣламъ хозяйства, стремленія къ накапливанію излишней мундирной одежды въ цейхгаузахъ; послѣднее составляетъ яркую противуположность дурному повседневному обмундированію солдата, особенно въ армейской пѣхотѣ; тоже слѣдуетъ замѣтить о постоянной и весьма характерной борьбѣ полкового хозяйства съ ротнымъ и со строемъ вообще, результатомъ которой, благодаря укладу службы и большой близости хозяйственныхъ чиновъ къ командиру, почти всегда является побѣда перваго. Но все это, разумѣется, находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о средствахъ, на отпускъ которыхъ въ этихъ случаяхъ казна, какъ извѣстно, крайне туга.

Слѣдующимъ крупнымъ недочетомъ нашихъ

военныхъ распорядковъ является какая то приниженность строя вообще и невыгодная, по сравненію съ остальными, постановка строевой службы, въ особенности въ армейской пѣхотѣ.

Какъ извѣстно, строевая служба обставлена у насъ хуже всякой другой; поэтому всѣ, кто могутъ, уходятъ изъ строя въ погонѣ за лучшею карьерой, болѣе благопріятными условіями службы и матеріальнымъ обезпеченіемъ; уходятъ въ академіи, идутъ на всякаго рода нестроевыя должности, въ пограничную стражу, кадетскіе корпуса и училища, наконецъ—совсѣмъ бросаютъ военную службу и мѣняютъ ее на гражданскую или даже на частную; и остаются въ строю преимущественно тѣ, кому уйти ужъ некуда, кто окончательно помирился со своей судьбой, да немногіе истинные любители. Въ особенности приложимо все это къ армейской пѣхотѣ; являясь по назначенію своему и численности, главнымъ родомъ оружія, она обставлена во всѣхъ отношеніяхъ хуже, нежели всѣ остальные: сама служба—потяжелѣе, особенно въ военное время, а режимъ и обстановка ея—непригляднѣе чѣмъ гдѣ либо; офицерскій составъ нашей пѣхоты болѣе смѣшанный, чѣмъ въ другихъ родахъ оружія, меньше связанъ товариществомъ, ниже поставленъ въ глазахъ общества и, наконецъ, имѣетъ и худшую, по сравненію съ другими, форму одежды; я не говорю ужъ о пѣхотномъ солдатѣ: и въ смыслѣ подбора людей, забитости, формы и качества одежды,—онъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ нижнимъ чиномъ любого рода оружія и службы, начиная съ рослаго, щеголевато одѣтаго гвардейца до послѣд-

щяго нестроевого при какомъ либо учрежденіи.

Это захуданіе армейскаго строя, преимущественно пѣхотнаго, рѣзко бросается въ глаза и несомнѣнно ведетъ къ нежелательнымъ для арміи послѣдствіямъ; явленіе это заставляетъ глубоко задуматься и принять рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ для поднятія строя. Я полагаю, что таковыми могутъ быть слѣдующія:

а) Установленіе однообразнаго офицерскаго состава; мѣры для осуществленія этого были мною указаны выше: принятіе единаго типа подготовительныхъ военно-учебныхъ заведеній—корпуса и военнаго училища,—съ упраздненіемъ всѣхъ остальныхъ и предварительный, еще до спеціальной подготовки, сборъ выпускаемыхъ кадетъ въ особыхъ общихъ классахъ училищъ въ теченіе года.

б) Повышеніе физической годности состава нижнихъ чиновъ армейскихъ частей, путемъ болѣе тщательнаго контроля за производствомъ призыва новобранцевъ, а также посредствомъ уничтоженія существующаго привиллегированнаго способа комплектованія гвардейскихъ и стрѣлковыхъ частей отборными людьми.

в) Предоставленіе строевымъ офицерамъ еще большихъ правъ по сравненію со всякаго рода нестроевыми, служба которыхъ часто выгоднѣе и во всякомъ случаѣ легче и спокойнѣе. Надо прійти къ такому рѣшенію, чтобы обезпеченная служебная карьера не составляла-бы преимущественнаго достоянія нѣкоторыхъ привиллегированныхъ родовъ службы (напримѣръ,—Гвардіи и Генеральнаго Штаба), или людей имѣющихъ

„руку“, а была-бы доступна всякому способному и добросовѣстному офицеру вообще, внѣ какой-либо зависимости отъ его настоящаго положенія. Для осуществленія-же этого представляется необходимымъ слѣдующее:

Упраздненіе преимуществъ гвардіи, въ смыслѣ сравненія офицерскаго состава ея во всѣхъ отношеніяхъ съ арміей. Я полагаю, врядъ-ли кто нибудь чистосердечно можетъ высказать что либо въ пользу этого существующаго предразсудка, вредно отражающагося на интересахъ всей арміи; всѣ мы служимъ одной идеѣ и служимъ одинаково, слѣдовательно, преимущества этого рода службы нельзя и назвать другимъ именемъ.

Затѣмъ,—учрежденіе особыхъ высшихъ военныхъ школъ для спеціальной подготовки командного элемента въ войскахъ, на основаніяхъ, изложенныхъ мною выше; съ осуществленіемъ этой мѣры, всѣ настоящія преимущества службы Генеральнаго Штаба по отношенію къ строю должны быть значительно уменьшены.

Кромѣ всего этого, выгоды строя должны быть особенно ярко оттѣнены въ военное время, когда служба строевыхъ офицеровъ, по своей тяжести и огромнымъ потерямъ, рѣшительно не можетъ итти ни въ какое сравненіе со всѣми остальными.

г) Измѣненіе строевого режима въ смыслѣ усовершенствованія способовъ оцѣнки службы офицера, большей его устойчивости и продуктивности служебныхъ требованій; уменьшеніе произвола и поднятіе личности подчиненнаго вообще.

д) Увеличеніе содержанія и соотвѣтствующая разработка законовъ о пенсіяхъ и пособіяхъ; по-

добно тому, какъ и въ прочемъ и здѣсь строевая служба, а по части пенсіи—и боевая, должна быть оттѣнена возможно выгоднѣе.

Обо всемъ этомъ я говорилъ уже выше; къ вопросу-же о регулированіи служебныхъ требованій, вернусь еще нѣсколько ниже.

Необходимость этихъ мѣръ—очевидна каждому непредубѣжденному человѣку. Надо проникнуться этимъ и неуклонно проводить ихъ въ жизнь; иначе никакія силы не заставятъ строй поднять голову и, въ частности, пѣхоту—вѣрить въ свое главенство среди прочихъ родовъ оружія.

Въ связи съ вопросомъ о поднятіи строевой службы вообще, необходимо разсмотрѣть и наблюдаемое въ нашей арміи разрастаніе нестроевого элемента, дошедшее до крайнихъ предѣловъ. Причинъ этого явленія надо прежде всего искать въ хозяйственномъ укладѣ арміи; обслуживаніе строемъ всѣхъ исходящихъ отсюда надобностей поглощаетъ массу силъ и чрезвычайно тормозитъ успѣхъ обученія частей. Другою крупною статьею расхода строевыхъ чиновъ—является казенная прислуга. Наконецъ, наряду съ удовлетвореніемъ этихъ постоянныхъ и, до нѣкоторой степени, неизбѣжныхъ, при современномъ укладѣ, потребностей нашего строевого обихода, существуетъ и нѣчто другое.

При нашей, едва-ли, не всеобщей безцеремонности по отношенію къ строю, склонности всѣхъ письменныхъ инстанцій къ излишнему многолюдію и раздуванію дѣлъ безъ нужды, при отсутствіи, наконецъ, въ этомъ отношеніи должнаго контроля—наши строевыя части буквально обираются въ смыслѣ огромнаго служебнаго рас-

хода офицеровъ и нижнихъ чиновъ на нестроевыя надобности. И что только не подходитъ въ дѣйствительности подъ эту рубрику! Наряду съ дѣйствительно неизбѣжными расходами, тутъ и пресловутыя „прикомандированія", которыми такъ злоупотребляютъ въ нашихъ Штабахъ и Управленіяхъ, доходя въ этомъ отношеніи до всякихъ фокусовъ, и командировки неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, часто по личной просьбѣ, или исходящія изъ соображеній дешевой любезности и многое другое. И въ такіе наряды обыкновенно требуются лучшіе люди—выраженіе командировать нижняго чина „хорошаго поведенія, не еврея и не католика"...—сдѣлалось чуть-ли не трафаретнымъ въ канцелярскомъ обиходѣ. Можно-ли поэтому удивляться, что многія части войскъ, изъ простого самосохраненія, выполняютъ эти требованія формально, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нарядъ лучшихъ людей является дѣйствительно необходимымъ?

Все это въ общемъ ведетъ къ тому, что въ каждой строевой части расходъ командированныхъ на разныя нестроевыя должности, временныя и постоянныя, обыкновенно чрезвычайно великъ; и, притомъ, командированные эти, сплошь да рядомъ, продолжаютъ числиться въ своихъ частяхъ, т. е. занимать вакансіи; поэтому значительная въ нѣкоторыхъ случаяхъ списочная численность рѣзко расходится съ наличной, которой еле обходятся для выполненія нарядовъ и требованій строевой службы.

Разумѣется все это съ особенной силой и яркостью сказывалось въ военное время, когда процентъ нестроевыхъ возросталъ до ужасающихъ

просто размѣровъ, что и создавало иллюзію цифръ общей силы и тяжко отражалось на строѣ.

Для предохраненія строя отъ подобного расхищенія, нужны радикальныя мѣры, къ числу которыхъ прежде всего надо отнести сложеніе съ войскъ хозяйства и упраздненіе казенной прислуги, о чемъ я говорилъ выше. Но этого еще недостаточно: для комплектованія всѣхъ нестроевыхъ должностей и выполненія соотвѣтствующихъ нарядовъ нужны особыя штатныя команды нестроевыхъ, не занимающихъ въ частяхъ строевыхъ вакансій; и, если нѣтъ возможности совершенно отдѣлить эти команды отъ войскъ, то во всякомъ случаѣ послѣднія должны быть освобождаемы отъ нихъ вслѣдъ за окончаніемъ первоначальной подготовки, послѣ чего уже никакихъ расходовъ изъ строя производить не должно. Вопросъ о нестроевомъ элементѣ въ арміи, сложный и въ мирное время, является настолько обременительнымъ для нея съ наступленіемъ военнаго времени, что на него должно обратить самое серьезное вниманіе; очень можетъ быть, что здѣсь потребуется формированіе какихъ либо особыхъ спеціальныхъ частей и командъ, для исполненія разнаго рода тыловой службы и т. д.

Не менѣе вредное вліяніе на постановку строевой службы оказываетъ характеръ служебныхъ требованій, въ смыслѣ веденія войскъ и системы оцѣнки ихъ работы.

Отмѣтимъ лишь важнѣйшее въ этомъ отношеніи, а именно:

Преобладаніе требованій внѣшняго характера надъ болѣе важными, внутренними; какъ было указано выше, мы меньше трудимся надъ воспи-

таніемъ войскъ и ихъ боевой подготовкой и, наоборотъ, больше времени посвящаемъ внѣшности, которую со степени средства нерѣдко ставимъ чуть-ли не цѣлью всей войсковой работы. Отсюда —недостатки въ воспитаніи солдата, въ подготовкѣ частей, въ системѣ оцѣнки, какъ ихъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ въ частности. Въ предшествующемъ изложеніи я говорилъ уже о воспитаніи и подготовительномъ образованіи офицера и солдата, а равно и о системѣ оцѣнки офицерской службы; поэтому я опущу ихъ здѣсь и займусь остальнымъ.

Большое разнообразіе въ служебныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ начальствующими лицами вообще, и отсутствіе среди нихъ должнаго единства въ служебныхъ взглядахъ на подготовку частей.

Какъ мы видѣли выше, это объясняется, различіемъ въ подготовкѣ и прохожденіи службы офицеровъ, комплектующихъ командный персоналъ арміи, а также недостаточнымъ контролемъ и регулированіемъ войсковой работы со стороны высшаго начальства. Отсюда—большое разнообразіе въ подготовкѣ частей и колебаніе ихъ уровня въ этомъ отношеніи, „очковтирательство", малая продуктивность войсковой работы вообще и, наконецъ,—несовершенство въ оцѣнкѣ офицерской службы; сюда-же надо отнести безразборность во взысканіяхъ и несоразмѣрность послѣднихъ со значеніемъ совершаемыхъ поступковъ, что подрываетъ вѣру въ требованія начальства и затрудняетъ подчиненному разбираться въ ихъ относительной важности. Нельзя не замѣтить также, что, при этихъ условіяхъ, полная и,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣзкая, ломка нашихъ строевыхъ уставовъ и наставленій, является особенно нежелательной, такъ какъ вноситъ еще большій сумбуръ въ служебныя требованія и крайне затрудняетъ обученіе войскъ.

И только установленіе въ арміи однообразнаго состава офицеровъ и усовершенствованіе способовъ оцѣнки службы и выбора ихъ можетъ повліять на измѣненіе существующаго разнообразія въ служебныхъ требованіяхъ.

Стѣсненіе самостоятельности и самодѣятельности.

Функціи высшаго командованія у насъ не понимаются должнымъ образомъ. Какъ извѣстно, у насъ въ арміи очень немного людей, умѣющихъ „дирижировать" своимъ дѣломъ и этимъ путемъ направлять дѣятельность подчиненныхъ, предоставляя имъ необходимую самостоятельность въ ихъ дѣйствіяхъ; но такое „дирижированіе" и, притомъ, умѣлое—дѣло не легкое, а условія нашей службы не способствуютъ тому, чтобы качество это прививалось на практикѣ. Гораздо больше такихъ начальниковъ, которые не могутъ править какъ слѣдуетъ своимъ дѣломъ, потому, что не подготовлены къ этому прежнею службою; вслѣдствіе этого, упуская свои обязанности, они, въ той или иной мѣрѣ, излишне входятъ въ кругъ вѣдѣнія подчиненныхъ и зачастую только мѣшаютъ работѣ частей, въ рѣдкихъ проявленіяхъ самостоятельности коихъ нерѣдко готовы видѣть посягательства на свои, начальническія, права. И преимущественно это, въ связи съ подчиненіемъ служебныхъ требованій личнымъ взглядомъ начальства, а также—съ частичностью и

случайностью оцѣнки офицерской службы и затрудняетъ развитіе самостоятельности у насъ въ арміи. Всякія попытки въ этомъ отношеніи, внѣ зависимости отъ ихъ правильности, оканчиваются обыкновенно тѣмъ, что онѣ тушатся, а иниціаторамъ ихъ „нагораетъ"; это безразборное глушеніе всякой самостоятельности неизбѣжно ведетъ къ тому, что ея проявленій нельзя ожидать и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ дѣйствительно насущно необходимы; у насъ подчиненнаго ведутъ все время въ строгомъ поводу и онъ къ этому привыкаетъ, а, привыкнувъ,—не можетъ, да и не считаетъ нужнымъ присматриваться къ обстановкѣ, предоставляя это начальству, отъ котораго и ожидаетъ всегда приказаній. Нѣкоторое вліяніе въ этомъ отношеніи оказываетъ и наше одностороннее уставное опредѣленіе воинской дисциплины, о чемъ я говорилъ выше; въ строевомъ обиходѣ послѣдняя сводится къ исполненію приказаній начальника, преимущественно безъ всякихъ разсужденій и сообразованія съ обстановкою.

Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ изложеннымъ выше находится и существующая у насъ система повѣрокъ войсковой работы.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою наши смотры и въ какой степени они достигаютъ своей цѣли?

Эти смотры, имѣющіе значеніе провѣрки и оцѣнки, производятся начальствомъ рѣдко и въ хорошо всѣмъ извѣстное время, причемъ сущность ихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и способы производства предусмотрѣны закономъ и освящены обычаемъ.

Кому могутъ принести пользу подобные смотры? Если начальникъ хорошо знакомъ со своими частями, то для чего ему смотрѣть ихъ и тѣмъ болѣе въ опредѣленное время и по установленнымъ правиламъ? Если-же такой смотръ производитъ начальникъ новый, то развѣ онъ вынесетъ изъ него опредѣленное впечатлѣніе? Вѣдь, для ознакомленія съ частью нужно время и не малое, нужно тщательное наблюденіе за нею, въ смыслѣ воспитанія, обученія, подготовки и т. д.; и заключеніе о подготовкѣ части къ бою можетъ и должно быть составлено не на основаніи минутнаго впечатлѣнія, „на глазокъ", а только путемъ всесторонняго и, слѣдовательно, продолжительнаго знакомства.

Но быть можетъ смотры эти полезны для самихъ частей? Къ сожалѣнію нѣтъ и этого: наше начальство обыкновенно не ведетъ и не учитъ войска, а преимущественно „смотритъ" и критикуетъ, что далеко не одно и тоже; да и критика-то эта, въ большинствѣ случаевъ, сводится къ какимъ либо излюбленнымъ „конькамъ", часто не согласованнымъ съ офиціальными уставами, или даже просто къ желанію непремѣнно найти что-либо, къ замѣчанію ради его самого; и исполнителямъ очень приходится считаться со всѣмъ этимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они рискуютъ своей служебной карьерой.

Я не говорю уже здѣсь объ обычныхъ передъ каждымъ осмотромъ переодѣваніяхъ нижнихъ чиновъ во все чистое, приведеніи въ порядокъ казармъ и т. д. Вѣдь солдатъ видитъ все это очень хорошо, а часто знаетъ и само начальство. Спрашивается, кому все это надо и для чего дѣлается?

И если при этомъ принять во вниманіе большое разнообразіе въ служебныхъ и смотровыхъ требованіяхъ, то надо придти къ заключенію, что существующіе смотры не только не достигаютъ своей цѣли, но являются безусловно вредными, заставляя части подлаживаться подъ личныя требованія и вкусы начальства, которые далеко не всегда ведутъ къ пользѣ службы. Отсюда-то и явилось такъ называемое „очковтирательство“, крайне у насъ развитое и возможное только при не соотвѣтствующемъ подборѣ начальствующихъ лицъ, разнообразіи служебныхъ требованій и большомъ произволѣ въ смыслѣ постоянныхъ отступленій отъ уставовъ и наставленій. О вредѣ этого явленія распространяться не приходится—оно ведетъ къ ложному представленію начальниковъ о степени подготовки войскъ и дѣлаетъ послѣднюю мало продуктивною вообще.

Ко всему этому надо еще прибавить привычку нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ предъявлять къ частямъ совершенно невыполнимыя иной разъ требованія, въ томъ разсчетѣ, что хоть половина требуемаго будетъ исполнена; это является безусловно вреднымъ, такъ какъ порождаетъ въ войскахъ неправильные взгляды на условность исполненія приказаній начальника, что можетъ вести уже къ прямымъ нарушеніямъ воинской дисциплины.

Какими-же мѣрами можетъ быть урегулированъ характеръ современныхъ служебныхъ требованій?

Я полагаю, что таковыми являются: созданіе однороднаго офицерскаго состава, усовершенствованіе способовъ оцѣнки службы офицеровъ во-

обще и, въ особенности начальствующихъ лицъ, поднятіе строя, изъятіе изъ него хозяйства, и наконецъ, всѣ мѣропріятія, ведущія къ подъему личности военно-служащаго и развитію самостоятельности, о которыхъ было сказано выше. Кромѣ того, необходимо совсѣмъ отмѣнить принятые у насъ способы смотровъ, предоставивъ начальству знакомиться съ войсками исподволь, съ теченіемъ времени, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ и болѣе характернымъ случаемъ, т. е. короче — требуя знанія войскъ не поверхностнаго и отчетнаго, а—глубокаго, всесторонняго; и, я полагаю, что эта мѣра не должна представлять какихъ либо исключеній и для высшаго начальства.

Отмѣна смотровъ, разумѣется, не должна исключать производства разныхъ частичныхъ провѣрокъ, являющихся однимъ изъ способовъ ознакомленія съ войсками, ихъ снабженіемъ и обезпеченіемъ всѣмъ необходимымъ.

Наконецъ, извѣстное вліяніе на постановку строевой службы и успѣхъ подготовки войскъ оказываетъ и неприспособленность нашей мирной организаціи разныхъ войсковыхъ соединеній къ потребностямъ военнаго времени.

Какъ извѣстно, артиллерія входитъ въ составъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій только въ военное время; то же надо сказать о саперныхъ частяхъ, служба которыхъ рѣшительно ничѣмъ не связана съ остальными войсками.

Необходимо мирную организацію войсковыхъ соединеній приблизить къ военной. Для этого нужно прежде всего включить артиллерійскія бригады и конно-артиллерійскіе дивизіоны въ составъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій, съ подчи-

неніемъ ихъ начальникамъ послѣднихъ. Всѣ опасенія за судьбу специальной подготовки артиллеріи въ этомъ случаѣ нельзя признать основательными, такъ какъ, вѣдь, довѣряютъ же пѣхотнымъ начальникамъ артиллерійскія части въ военное время; надо думать, что заблаговременное объединеніе обоихъ родовъ оружія больше обезпечитъ соотвѣтственность управленія ими во время войны.

Правда, невозможность оставить артиллерію безъ спеціальнаго подчиненія и контроля, ставитъ этотъ родъ оружія въ нежелательное по многимъ причинамъ двойственное подчиненіе, но съ этимъ ужъ приходится мириться во имя объединенія ея съ пѣхотой и кавалеріей, взаимнаго ихъ ознакомленія и развитія товарищества. Необходимо, однако, замѣтить, что успѣхъ, ожидаемый отъ такого организаціоннаго объединенія главныхъ родовъ оружія во многомъ будетъ зависѣть отъ соотвѣтствующаго выбора начальствующихъ лицъ, въ особенности-же начальниковъ дивизій; это въ еще большей мѣрѣ указываетъ на необходимость внимательнаго отношенія къ этому вопросу.

То же слѣдуетъ сказать и о саперныхъ частяхъ, которыя должны быть приданы корпусамъ еще въ мирное время, на необходимость чего ясно указалъ опытъ войны. Въ настоящее время, я полагаю, достаточно будетъ подчинить саперные батальоны командирамъ корпусовъ, но въ будущемъ, въ виду возросшаго значенія саперъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы эти спеціальныя части также входили бы въ составъ пѣхотныхъ дивизій, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы на каждую изъ нихъ приходился 2—3-хъ ротный ба-

тальонъ инженерныхъ войскъ разныхъ спеціальностей.

Съ подчиненіемъ такъ называемыхъ „спеціальныхъ“ родовъ оружія корпусамъ и дивизіямъ, я думаю нужно будетъ соотвѣтственно измѣнить и устройство ближайшихъ органовъ управленія ими, каковыми въ настоящее время являются: управленія Начальниковъ артиллеріи въ корпусахъ и Штабы саперныхъ бригадъ. Полагаю, что артиллерійскія управленія должны быть обращены въ Штабы, съ правами дивизіонныхъ, начальниками коихъ должны быть офицеры Генеральнаго Штаба. Штабы саперныхъ бригадъ слѣдуетъ упразднить, а инженерныя части подчинить начальникамъ инженеровъ округовъ, на которыхъ будетъ лежать и спеціальное инспектированіе ихъ; кромѣ того, въ составѣ Корпусныхъ Штабовъ необходимо имѣть особыхъ корпусныхъ инженерныхъ штабъ-офицеровъ, которые вѣдали-бы службою соотвѣтствующихъ саперныхъ батальоновъ.

Въ общемъ, необходимо стремиться къ тому, чтобы еще въ мирное время сдѣлать дивизіи и корпуса болѣе самостоятельными боевыми организмами.

Подчиненіе артиллеріи и инженерныхъ частей дивизіямъ и корпусамъ несомнѣнно сдѣлаетъ службу войскъ болѣе продуктивною, сплоченною, а соотвѣтствующее измѣненіе органовъ управленія ими облегчитъ тактическую подготовку спеціальныхъ родовъ оружія, отъ которой они такъ отчуждены въ настоящее время. Въ частности, по отношенію саперныхъ частей, эта мѣра облегчитъ поддержаніе въ нихъ порядка и дисциплины, въ стоящее время, повидимому, сильно расшатанныхъ.

Опытъ минувшей войны выдвинулъ также на сцену и вопросы о наивыгоднѣйшемъ составѣ пѣхотнаго полка и батареи, по поводу чего успѣла уже возникнуть значительная литература.

Не придавая лично особаго значенія тому или иному составу полка, т. е. долженъ-ли онъ быть трехъ или четырехъ-батальоннымъ, я тѣмъ не менѣе считаю весьма убѣдительными доводы Подполковника Генеральнаго Штаба Крымова, въ пользу нечетной организаціи войскъ вообще, приведеные имъ въ его интересной статьѣ „Организаціонная схема" (Русскій инвалидъ 1907 года № 208); мысль его заключается въ томъ, что существующая четная организація нашихъ соединеній, начиная отъ полка и выше, является одною изъ причинъ установившихся шаблоновъ при рѣшеніи боевыхъ задачъ; обычное въ этихъ случаяхъ дѣленіе на двѣ равныя части, не требуя отъ начальника предварительнаго мышленія и опредѣленнаго рѣшенія, являлось въ такихъ случаяхъ естественнымъ источникомъ несообразныхъ съ обстановкою и неопредѣленныхъ дѣйствій нашихъ войскъ. Можно, конечно, оспаривать выгоды нечетной организаціи, основываясь, хотя бы на меньшей ея гибкости, въ смыслѣ числа варіантовъ боевого порядка, но во всякомъ случаѣ доводы, приводимыя въ ея пользу, кажутся мнѣ основательными и ихъ слѣдовало бы имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса объ организаціи нашихъ войсковыхъ соединеній.

Что касается до наиболѣе выгоднаго, въ боевомъ отношеніи, состава батареи, то я, лично, считаю таковымъ четырехъ—или въ крайности шестиорудійный, такъ какъ онъ наиболѣе удо-

влетворяетъ всѣмъ условіямъ успѣшнаго веденія артиллерійскаго боя вообще.

Затѣмъ остается сказать еще объ органахъ интендантскихъ. Желательно довести организацію этихъ органовъ до самыхъ войскъ, путемъ учрежденія еще въ мирное время должности дивизіоннаго интенданта, который вѣдалъ-бы хозяйствомъ войскъ. Первые шаги въ этомъ отношеніи уже сдѣланы нашимъ военнымъ вѣдомствомъ; остается желать, чтобы реформа о сложеніи съ войскъ хозяйства вообще была-бы проведена возможно полнѣе.

Заканчивая этимъ желательныя измѣненія въ существующей организаціи войсковыхъ соединеній, я выскажу слѣдующее: конечно, и эта сторона имѣетъ большое значеніе, но я думаю, что успѣхъ нашей военной службы въ гораздо большей степени тормозится инымъ, а именно—режимомъ, укладомъ нашего строя, порядками въ управленіи имъ и требованіями службы.

Наконецъ,—духъ войскъ и необходимая связь между частями арміи. Вопросъ этотъ, весьма важный самъ по себѣ, получаетъ особенное значеніе для нашей арміи въ настоящее время: отдавая должное ея твердости и преданности долгу, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что несчастная война и послѣдовавшая за ней внутренняя смута не могли не оказать извѣстнаго вліянія и на ея духъ; и, конечно, вліяніе это могло быть только отрицательнымъ, съ чѣмъ и приходится считаться самымъ серіознымъ образомъ.

Въ чемъ-же выразилось это пониженіе духа?

Пораженія и неудачный исходъ войны невольно породили въ умахъ арміи недовѣріе къ

своимъ вождямъ, которое, въ частности, перенеслось на начальниковъ вообще; и только на этой почвѣ могли произойти бывшіе въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія и мятежи. Правда, это были только отдѣльные случаи, и крайне несправедливо было-бы возводить ихъ на степень общаго для всей арміи значенія; тѣмъ не менѣе къ случаямъ этимъ нельзя относиться съ легкимъ сердцемъ, надо смотрѣть на нихъ какъ на уродливыя выраженія общей болѣзни духа, источникомъ котораго является именно недостатокъ въ довѣріи и связи нижнихъ слоевъ арміи и, въ особенности нижнихъ чиновъ, съ начальствующимъ персоналомъ вообще и, въ частности,—съ строевымъ офицерскимъ составомъ.

Какія-же мѣры могутъ обусловить подъемъ духа нашихъ войскъ?

Главнѣйшими въ этомъ отношеніи надо считать: возбужденіе довѣрія и установленіе связи начальника съ подчиненными и, въ особенности, офицера съ солдатомъ; затѣмъ,—всѣ мѣры къ поднятію личности и званія всякаго военно-служащаго вообще, и, въ особенности,—установленіе однороднаго офицерскаго состава и соотвѣтствующая постановка въ строю службы младшихъ офицеровъ. Наконецъ,—борьба съ пропагандой всякаго рода и, въ частности, направленной противъ арміи, поддержаніе въ войскахъ ихъ боевыхъ традицій, развитіе и поддержаніе товарищества въ частяхъ и связи между родами оружія.

Обо всемъ этомъ, за исключеніемъ традицій и товарищества, было уже сказано выше, а потому я остановлюсь здѣсь только на нихъ.

Послѣ нашей несчастной войны въ арміи

слышны были голоса о безполезности поддержанія въ частяхъ ихъ боевыхъ традицій; приводились и соотвѣтствующіе примѣры, что тѣ или другія части войскъ, имѣвшія за собою славное прошлое,—не оправдали его, тогда какъ молодые полки сибирскихъ стрѣлковъ показали себя не только не хуже, но и гораздо лучше этихъ старыхъ частей.

Это, разумѣется, было только однимъ изъ увлеченій и преувеличеній, возникшихъ послѣ войны, подъ неблагопріятнымъ впечатлѣніямъ нашихъ неудачъ; въ данномъ случаѣ забывалось, что все это, наоборотъ, только служило подтвержденіемъ пренебреженія традиціей, для поддержанія которой частямъ еще недостаточно носить соотвѣтствующее названіе и имѣть заслуженныя ихъ предками боевыя отличія. И тѣмъ болѣе чести молодымъ сибирскимъ полкамъ, которые, ничего не имѣя за собой въ прошломъ, съумѣли создать славное настоящее, которое, разумѣется, необходимо сдѣлать и достояніемъ будущаго.

И дѣйствительно на боевыя традиціи у насъ въ арміи не обращалось должнаго вниманія; если-же ихъ и придерживались кое-гдѣ, то скорѣе въ смыслѣ пережитковъ, нерѣдко вредныхъ для арміи, или-же трактовали ихъ исключительно съ внѣшней стороны.

Прежде всего необходимо помнить, что не только боевая, но и всякая воинская традиція вообще только тогда будетъ полезна и жизненна, когда она не являетя слѣпою и безразборно враждебною по отношеніи ко всему новому вообще. Поэтому и поддерживать стоитъ не всякую тра-

дицію, а только такую, которая укрѣпляетъ духъ арміи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуетъ, или по крайней мѣрѣ, не направлена противъ ея роста; и, наоборотъ, весьма вредно охранять тѣ традиціи, которыя являются лишь пережитками стараго и отжившаго; такимъ образомъ, къ разряду традицій полезныхъ, продуктивныхъ, надо отнести всѣ боевые подвиги, товарищество и т. д., поддержаніе которыхъ совершенно необходимо; съ другой стороны врядъ-ли кто будетъ оспаривать, напримѣръ, вредъ традиціонной грубости и произвола нашего служебнаго режима, былого „барскаго" отношенія къ службѣ „господъ" офицеровъ и т. д.

Что касается до внѣшности традицій, то все ее значеніе обусловливается внутреннимъ содержаніемъ: есть на лицо внутренняя, глубокая, традиція,—умѣстна и желательна будетъ и внѣшность, нѣтъ ея,—не надо и наружности, которая въ этомъ случаѣ обращается лишь въ пустую внѣшность. Поэтому, всѣ эти красивыя старыя формы, на которыя пошла теперь такая мода, будутъ полезны только при условіи полнаго соотвѣтствія ихъ съ внутренними мѣрами къ поддержанію традицій; самая красивая форма, сама по себѣ, традицій не поддержитъ и явится лишь дорого стоющей и потому вредной игрушкой. Тоже и о разныхъ парадахъ: нивеллировка важныхъ и не важныхъ въ этомъ отношеніи случаевъ лишь подрываетъ значеніе первыхъ.

Хранителемъ традицій въ войскахъ, при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы, является почти исключительно офицерскій составъ. Слѣдовательно, съ него, съ его подготовки, и надо

начинать при рѣшеніи этого вопроса. Наиболѣе-же дѣйствительными къ поддержанію традицій мѣрами будутъ: составленіе исторіи частей и краткихъ памятокъ для солдатъ, бесѣды на соотвѣтствующія темы, воспоминанія о тѣхъ или иныхъ событіяхъ изъ жизни частей, устройство своихъ музеевъ, ознакомленіе съ памятниками военно-историческаго значенія и знаменательными въ этомъ отношеніи мѣстами.

У насъ въ арміи, слава Богу, есть что помянуть и чѣмъ можно гордиться: Куликовская битва, осада Пскова и Троицкой Лавры, Смоленскъ, Полтава, Измаилъ, Кинбурнъ-Очаковъ, Швейцарскій походъ Суворова, Кавказскія войны, Севастополь, завоеваніе Туркестана, Шипка и т. д. Грѣшно забывать свое славное прошлое, а мы въ этомъ отношеніи часто бываемъ непростительно небрежны. И ужь намъ-то, имѣющимъ передъ собою примѣръ Суворова, казалось, не занимать стать по части развитія воинскаго духа.

Но одной арміи, при нынѣшнихъ срокахъ ея службы и развитіи анти-военныхъ тенденцій, нелегко справится съ задачею о поддержаніи традиціи и духа на желательной высотѣ. И на помощь ей въ этомъ отношеніи должно прійти государство, путемъ принятія мѣръ общаго значенія, о которыхъ я скажу ниже.

Ту же цѣль—поддержаніе духа войскъ—должно преслѣдовать и установленіе товарищества въ частяхъ и связи между родами оружія. И, подобно тому, какъ и вообще, во всѣхъ почти военныхъ начинаніяхъ, и здѣсь дѣло прежде всего за офицерскимъ составомъ. Установленіе въ немъ необходимаго однообразія, поднятіе личности

строевого офицера и значенія строя вообще, возможное сокращеніе всѣхъ привиллегированныхъ службъ, возбуждающихъ иногда понятную зависть, образованіе крѣпкихъ офицерскихъ обществъ, поддержаніе полезныхъ традицій и обычаевъ, наконецъ,—большая близость начальниковъ къ подчиненнымъ и ихъ нуждамъ,—все это въ общемъ можетъ вести къ поддержанію товарищества въ частяхъ. Не должно забывать и о солдатскомъ составѣ, по отношенію котораго необходимы будутъ: большая близость офицеровъ и соотвѣтствующее воспитаніе; кромѣ того, слѣдуетъ, по возможности, удовлетворять всѣ частичныя просьбы нижнихъ чиновъ въ смыслѣ стремленій къ совмѣстному сослуженію по родству, землячеству или дружбѣ что, конечно, будетъ только въ пользу товарищества.

Связь между родами оружія у насъ почти отсутствуетъ. Объяснять это надо преимущественно разнообразіемъ офицерскаго состава, организаціей соединеній, характеромъ служебнаго режима, и кромѣ того, недостаточнымъ взаимнымъ знакомствомъ со значеніемъ и обязанностями при совмѣстной службѣ.

Наиболѣе сплоченными являются у насъ тѣ части, въ основу комплектованія коихъ, по закону, или обычнымъ путемъ, принятъ извѣстный подборъ офицеровъ; подобнымъ путемъ комплектуется вся гвардія, артиллерія, инженерныя войска, и, отчасти, кавалерія и стрѣлки. Совершенно иное въ пѣхотныхъ частяхъ, гдѣ составъ офицеровъ обыкновенно чрезвычайно смѣщанный.

Поэтому важнѣйшею мѣрою и въ этомъ отношеніи должно считать однообразіе офицерскаго

состава арміи; кромѣ того, извѣстное вліяніе должны оказать соотвѣтствующая объединяющая организація и совмѣстная работа. Внѣ этого,—всѣ остальныя мѣры въ направленіи поддержанія связи будутъ имѣть лишь частичное, случайное, значеніе.

Кромѣ перечисленныхъ выше важнѣйшихъ вопросовъ строевой службы, въ арміи есть много другихъ, менѣе важныхъ, но нуждающихся въ тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ; къ числу послѣднихъ я отношу гарнизонную службу, отчетность и письменную часть вообще, уменьшеніе праздниковъ, а также вопросы о формѣ одежды и снаряженіи войскъ. Конецъ этой главы я посвящу разсмотрѣнію особенностей службы войскъ въ настоящее время, которая выдѣлена мною изъ общаго изложенія, вслѣдствіе ея важности, а также —еврейскому вопросу въ арміи.

Гарнизонная служба. Давно пора пересмотрѣть и возможно упростить этотъ отдѣлъ, въ которомъ есть такъ много лишняго и вмѣстѣ съ тѣмъ обременительнаго для войскъ. Я полагаю, что съ этою цѣлью должно быть сдѣлано слѣдующее:

Упраздненіе карауловъ и войсковыхъ нарядовъ вообще, назначаемыхъ для охраны стараго и часто совершенно никому ненужнаго казеннаго имущества; такого добра особенно много бываетъ въ крѣпостяхъ, преимущественно старыхъ; необходимо продавать его возможно скорѣе, чтобы тѣмъ освободить войска отъ лишнихъ нарядовъ, обставивъ продажу меньшимъ формализмомъ и предоставивъ въ этомъ отношеніи большія права непосредственному начальству. Отмѣнить разводы

и караульныя церемоній, а также спеціальные для отданія почестей караулы и часовыхъ; последніе наряжать только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, лицамъ Императорской фамиліи, Фельдмаршаламъ и Главнокомандующимъ.

Отмѣнить вызовы карауловъ для отданія почестей, а также отданіе чести часовыми вообще, оставляя это въ силѣ только, по отношенію упомянутыхъ выше лицъ.

Наконецъ, по возможности, ограничить случаи и составъ нарядовъ войскъ на парады и погребенія; послѣдніе хотя и не относятся къ караульной службѣ, но должны быть разсматриваемы какъ служебные наряды по гарнизону.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало-бы внимательно разработать и провести въ жизнь нѣкоторые важные вопросы гарнизонной службы, напримѣръ, о недопущеніи сборныхъ нарядовъ и подъ командой незнакомыхъ нижнимъ чинамъ начальниковъ, о снабженіи войской теплой одеждой при несеніи гарнизонной службы, о связи часовыхъ съ караулами и этихъ послѣднихъ со своими частями и т. д.

Большимъ зломъ и обузою въ войскахъ, какъ и въ военномъ вѣдомствѣ вообще, является развитіе отчетной стороны и письменной части. Объясняется это прежде всего системою недовѣрія и исходящей отсюда централизаціей служебныхъ правъ, средствъ и обязанностей преимущественно въ рукахъ высшихъ начальниковъ и инстанцій; вслѣдствіе этого младшимъ приходится „испрашивать“ чуть не каждую мелочь, а старшимъ— разрѣшать, контролировать и входить въ частно-

сти; эта-же централизація является и причиною разростанія нашихъ Штабовъ и Управленій, что тоже неминуемо ведетъ къ увеличенію всякой письменности. Кромѣ того, несомнѣнно повліялъ въ этомъ отношеніи и хозяйственный укладъ нашей арміи, и въ частности строя, а также сложность и запутанность установленной отчетности. Наконецъ—извѣстная неустойчивость и безсистемность общаго управленія, вслѣдствіе чего до крайности затрудняется знакомство со всѣми распоряженіями по военному вѣдомству. У насъ нерѣдко случается, что основныя и весьма важныя, иной разъ, законоположенія, измѣняются часто и съ удивительной легкостью; при хронической неясности многихъ главныхъ положеній и за массою измѣняющихъ и дополняющихъ ихъ циркуляровъ и иныхъ распоряженій, добиться толку и найти требуемое иной разъ прямо таки невозможно; поэтому и людей, вполнѣ знающихъ нашу письменную часть,—немного и спеціалисты эти являются, во многихъ случаяхъ, столпами канцелярій, вершителями судебъ. Все это, конечно, создаетъ большую путаницу въ примѣненіи разныхъ распоряженій на практикѣ, вызываетъ постоянные запросы и необходимость новыхъ разъясненій.

Такое развитіе отчетной стороны и письменности наложило извѣстный отпечатокъ на характеръ нашихъ служебныхъ отношеній вообще—недовѣріе, требованіе отчета и нерѣдкое предпочтеніе письменнаго обращенію устному; все это несомнѣнно является лишь послѣдствіемъ излишняго развитія упомянутыхъ явленій.

Для уменьшенія отчетной стороны и письменности необходимы слѣдующія мѣры: Прежде всего—разсредоточеніе правъ, средствъ, обязан-

ностей въ смыслѣ передачи значительной ихъ части начальникамъ и инстанціямъ низшимъ; установленіе большей системы и порядка въ дѣятельности высшихъ Штабовъ и Управленій, вѣдающихъ законодательною и распорядительною частями; уменьшеніе штатовъ Штабовъ и Управленій, особенно высшихъ, что будетъ вполнѣ возможно съ разсредоточеніемъ ихъ работы; наконецъ,—возможное упрощеніе отчетной стороны военнаго дѣла вообще и, въ частности, войскового хозяйства; разумѣется, совершенное сложеніе послѣдняго съ войскъ является весьма желательнымъ и въ этомъ отношеніи.

Къ вопросу о ненормальномъ положеніи въ арміи отчетной стороны и письменной части, я вернусь еще ниже.

Обиліе у насъ различныхъ праздниковъ отнимаетъ очень много времени отъ занятій; казалось-бы, смѣло можно было-бы упразднить добрую ихъ половину, оставивъ воскресенья, Царскіе дни, да наиболѣе важные изъ годовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ празднованіе всѣхъ военныхъ праздниковъ, особенно связанныхъ съ боевыми воспоминаніями, должно быть особенно оттѣнено.

Форма одежды и снаряженіе войскъ. Подобно многому другому и это дѣло давно уже нуждается въ цѣльномъ и опредѣленномъ разрѣшеніи; но тѣмъ не менѣе его нѣтъ до сихъ поръ и все ограничивается лишь незначительными частностями *).

Надо принять что либо за основную данную при рѣшеніи этого вопроса; и я думаю, что

*) Въ настоящее время уже состоялись распоряженія объ измѣненія формы одежды, но ихъ нельзя еще считать полнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса.

такой главнѣйшей данной должна быть однотипность, простота и удобство формы одежды и снаряженія, что, разумѣется, не исключаетъ необходимыхъ требованій красоты.

Весьма осторожно надо отнестись здѣсь къ традиціи формы. Какъ рѣшить это и сочетать требованія традиціи съ условіемъ простоты и удобства? Напримѣръ, насколько правильнымъ явилось-бы возвращеніе кавалеріи ея старыхъ блестящихъ формъ?

Я думаю, что традицію въ этомъ отношеніи надо и должно соблюсти только при условіи, если она не будетъ идти въ разрѣзъ съ приведеннымъ выше главнымъ требованіемъ — однотипности, простоты и удобства. Кромѣ того, почему такое преимущество должна получить только кавалерія и ужъ, разъ на то пошло, отчего не дать старой формы и остальнымъ родамъ оружія? И, помимо всего остального, вѣдь, это поведетъ опять таки къ тому, что доступъ въ кавалерію будетъ крайне затрудненъ людямъ безъ средствъ и останется привиллегіей однихъ богатыхъ; справедливо-ли это и, развѣ, извѣстный достатокъ всегда обусловливаетъ склонность и способность? Поэтому я полагаю, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицальномъ смыслѣ — традиціонныя отличія не должны расходится съ условіями простоты и удобства формы и препятствовать всякому способному и склонному къ службѣ; иначе такая традиція будетъ только вредной. *)

Особенное вниманіе при разрѣшеніи этого вопроса должно быть приложено по отношенію къ армейской пѣхотѣ, которая у насъ и безъ того уже обездолена во всѣхъ отношеніяхъ. Необхо-

*) Въ настоящее время кавалерія уже получила старыя формы.

димо дать ей форму, не уступающую прочимъ въ смыслѣ красоты, удобства и практичности, такъ какъ она заставляетъ человѣка больше подтягиваться; что-же касается до боевыхъ отличій и традицій, то я думаю, что и въ армейской пѣхотѣ, найдутся такія части, которыя врядъ-ли уступятъ въ этомъ отношеніи самымъ блестящимъ гвардейскимъ или кавалерійскимъ.

Заканчивая этимъ о формѣ одежды, я выскажу пожеланіе о необходимости допустить большее въ одеждѣ войскъ разнообразіе въ зависимости отъ климата, нежели это есть теперь.

Теперь мнѣ остается только разсмотрѣть особенности службы войскъ въ настоящее время.

Особенности строевой службы въ настоящее время.

Здѣсь я коснусь больного современнаго вопроса — такъ называемаго „призыва войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ". Вопросъ этотъ, давно уже нуждавшійся въ необходимомъ регулированіи, является въ настоящее время особенно острымъ.

Всѣмъ извѣстно, что еще задолго до наступленія теперешняго смутнаго времени мы привыкли къ хроническимъ злоупотребленіямъ призывами войскъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ только случаяхъ не требовали помощи войскъ! Здѣсь, наряду съ дѣйствительною насущною необходимостью, мы видимъ командировки, иной разъ совершенно безцѣльныя и не вызываемыя обстановкой и такихъ, едва-ли, не было большинство; не ограничиваясь содѣйствіемъ войскъ въ случаяхъ, принимающихъ несомнѣнно размѣры общественныхъ бѣдствій (землетрясенія, пожары и

проч.), мы съ удивительной легкостью посылали ихъ, напримѣръ, для борьбы съ филоксерой, наряжали для присутствія на всевозможныхъ процессіяхъ и т. д.

И все это, конечно, сказывалось, прежде всего на самихъ войскахъ, а затѣмъ—на населеніи и на взглядахъ гражданскихъ властей: безцѣльное во многихъ случаяхъ трепаніе войскъ и большая потеря ими времени для своего обученія, отождествленіе ихъ функцій съ обязанностями чисто полицейскаго характера, наконецъ, — привычка населенія и администраціи относиться къ вызовамъ войскъ недостаточно серіозно.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи объ какомъ-либо изъятіи войскъ отъ подобнаго рода службы, тѣмъ болѣе въ настоящее время, но нужно-же чѣмъ-либо урегулировать ее.

Я полагаю, что въ основу закона о привлеченіи войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ должна лечь та мысль, что на это надо смотрѣть, какъ на крайній случай, рѣдкое исключеніе и печальную необходимость дѣйствовать силою оружія; совершенно невозможно обращать призывъ войскъ чуть не въ обычай и заурядное явленіе, не вызываемое обстоятельствами. Необходимо помнить, что злоупотребленіе призывами не ведетъ къ добру — оно развращаетъ войска несвойственной имъ службой, ставитъ ихъ часто въ обстановку чрезвычайно для нихъ трудную и, наконецъ, способно, въ извѣстныхъ случахъ, возбуждать противъ нихъ населеніе, что, разумѣется, нежелательно, по крайней мѣрѣ безъ уважительныхъ причинъ.

Призывъ войскъ долженъ непремѣнно имѣть

самыя серіозныя основанія и быть по существу своему самой страшной и дѣйствительной угрозой по отношенію къ вызвавшимъ его, а никакъ не обыденщиной, несвойственной войскамъ, утомительной и часто не достигающей цѣли. Надо принять и пріучить населеніе, администрацію и сами войска къ мысли, что разъ послѣднія вызваны для подавленія безпорядковъ, то онѣ прибудутъ ужъ не затѣмъ, чтобы зѣвать на улицахъ и площадяхъ, а не замедлять приступить къ дѣйствію оружіемъ. Тогда навѣрное случаи призывовъ будутъ исключительными и злоупотребленій ими ожидать труднѣе.

Конечно, къ настоящему смутному времени невозможно прикладывать масштаба мирнаго, такъ сказать, времени,—войска обязаны возможно облегчить положеніе и сдерживать порядокъ, но тѣмъ не менѣе общія основы призыва ихъ должны оставаться тѣми же.

Наконецъ, кромѣ этого общаго положенія, необходимо обстоятельнѣе урегулировать взаимныя права и обязанности военныхъ и гражданскихъ властей во время призыва войскъ, съ установленіемъ по отношенію послѣднихъ извѣстной отвѣтственности въ случаѣ его неосновательности и опредѣленно разграничить обязанности войскъ и полиціи.

Вообще, пересмотръ настоящихъ правилъ призыва войскъ представляется насущною необходимостью; и, надо думать, что событія послѣднихъ годовъ, когда содѣйствіе войскъ требовалось столь часто, представляетъ собою весьма благодарный въ этомъ отношеніи матеріалъ.

Сверхъ всего этого въ нашей арміи есть еще одинъ серіозный вопросъ—еврейскій.

Какъ извѣстно, у насъ въ войскахъ служатъ представители почти всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, но нареканія военныхъ относятся почти исключительно къ однимъ евреямъ.

Это вызывается ихъ систематическимъ уклоненіемъ отъ военной службы вообще и строевой въ частности, обособленностью и замкнутостью. Думаю, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ самый сердечный и внимательный начальникъ не можетъ съ увѣренностью сказать, что онъ хорошо знаетъ своего солдата—еврея.

Весьма можетъ быть, что, получивъ права гражданства, евреи измѣнятъ понемногу свое отношеніе къ военной службѣ; можетъ отразиться на этомъ и установленіе иного служебнаго уклада. И тѣмъ не менѣе, я полагаю, что отвращеніе еврея отъ воинской службы обусловливается не только этимъ, а и его національными особенностями и отношеніемъ къ нашей государственности; и съ этимъ нельзя не считатъся и въ будушемъ.

Избѣгая всяческими способами военной службы въ нижнемъ званіи, евреи, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто стремятся къ офицерскому званію и это нерѣдко удается имъ путемъ перемѣны религіи и т. д. Трудно, конечно, сказать впередъ, каковымъ явился бы у насъ еврей-офицерь, но, судя по заграничнымъ примѣрамъ и, учитывая свойства этой народности, а равно и отношеніе къ ней прочихъ,—надо думать, что онъ будетъ нежелателенъ въ нашей арміи.

Крупныя отрицательныя стороны солдата-еврея заставляютъ думать объ установленіи иного вида отбыванія повинности по отношенію къ этой національности, напримѣръ, о замѣнѣ натуральной формы ея—денежной. Тѣмъ не менѣе вопросъ

этотъ не можетъ быть рѣшенъ военнымъ вѣдомствомъ, и нуждается въ всестороннемъ его освѣщеніи и разрѣшеніи съ общегосударственной точки зрѣнія.

VI. Боевая подготовка войскъ: опытъ послѣдней войны; характеръ нашей мирной подготовки вообще; мѣры, необходимыя для улучшенія боевой подготовки войскъ.

Опытъ послѣдней войны; характеръ нашей мирной подготовки вообще.

Какъ показалъ опытъ войны, боевая подготовка нашей арміи не находится на должной высотѣ; въ этомъ едва-ли кто сомнѣвается теперь.

Правда, на первыхъ порахъ, вслѣдствіе взваливанія всѣхъ неудачъ на высшее командованіе и подъ вліяніемъ скороспѣлыхъ частичныхъ заключеній, вынесенныхъ многими участниками войны, доходившихъ иногда до степени увлеченій,*) въ извѣстныхъ кругахъ нашего военнаго общества, и преимущественно среди не бывшихъ на войнѣ, замѣчалось недовѣрчивое и даже обидно-невнимательное отношеніе къ послѣднему боевому опыту, который, повидимому, склонны были считать слишкомъ исключительнымъ. Однако, это продолжалось не долго и въ настоящее время, особенно подъ вліяніемъ примѣра главныхъ европейскихъ армій, мы понемногу начинаемъ признавать поучительность нашей послѣдней войны и обнаруживать къ ней большій интересъ. Дѣй-

*) Къ разряду такихъ увлеченій принадлежали напримѣръ: заключенія о какихъ-то новыхъ, необычайно растянутыхъ, боевыхъ порядкахъ, о совершенной, будто-бы, ненадобности конницы въ арміи, безполезности боевыхъ традицій, преувеличенномъ значеніи техники и т. д.

ствительно, крайне неразумно и прискорбно было-бы закрывать глаза на результаты этого грандiознаго опыта ради его отрицательныхъ сторонъ, въ то время, какъ чуть-ли не всѣ остальныя армiи наперерывъ и съ глубокимъ интересомъ эксплоатируютъ его.

Итакъ, можно сказать, что теперь мы сознались въ недочетахъ боевой подготовки нашихъ войскъ и, въ той или иной степени, стремимся къ ихъ исправленiю.

Насколько-же соотвѣтственнымъ показалъ себя въ военное время нашъ мирный режимъ вообще и на что именно указалъ опытъ послѣдней войны?

Къ вопросамъ общаго значенiя, о которыхъ я говорилъ выше, онъ врядъ-ли прибавилъ что-либо новаго, а лишь только рельефнѣе оттѣнилъ то, что многимъ было ясно и раньше: несоотвѣтственность команднаго персонала, особенно высшаго, недостаточность военнаго образованiя въ армiи вообще, режимъ, обезличивающiй офицера и солдата и не благопрiятствующiй развитiю самостоятельности, наконецъ, — направленiе службы въ смыслѣ преобладанiя требованiй чисто строевыхъ, хозяйственныхъ и парадныхъ надъ боевыми. Обо всемъ этомъ не разъ уже говорилось выше, а потому я перейду къ вопросамъ, непосредственно касающимся боевыхъ дѣйствiй войскъ.

Прежде всего замѣтимъ, что опытъ войны наглядно указалъ намъ на недостаточное знакомство со стратегiей; производило такое впечатлѣнiе, что познанiя наши въ этомъ отношенiи—не глубоки, а усвоены лишь поверхностно и потому не могли дать положительныхъ результатовъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ, какъ не имѣющiй прямого

отношенія къ боевой подготовкѣ войскъ, будетъ разсмотрѣнъ мною ниже.

Тоже почти надо сказать и о тактикѣ: наши боевые уставы и наставленія, въ общемъ, были вовсе ужъ не такъ дурны и, врядъ-ли, напримѣръ, уступали японскимъ, но мы-то сами не знали ихъ основательно; требованія ихъ не проникали въ толщу арміи и оставались преимущественно лишь мертвой буквой; причины—извѣстны: нашъ мирный укладъ, всѣ требованія котораго были обращены на строй въ чистомъ его видѣ, стрѣльбу, хозяйство и парадъ, обходилъ боевую подготовку войскъ, удѣляя ей мало времени и вниманія.

Отмѣтимъ теперь въ общихъ чертахъ наиболѣе важныя указанія опыта послѣдней войны.

а) Успѣхъ управленія войсками подтвердилъ важность сохраненія въ рукахъ начальника достаточнаго резерва и настоятельно потребовалъ предоставленія частямъ извѣстной самостоятельности въ дѣйствіяхъ и яснаго поминанія ими своихъ задачъ. Больше чѣмъ когда-либо сказалась необходимость установленія твердой связи между начальствующими лицами разныхъ степеней и войсками, путемъ всевозможныхъ способовъ (телефонъ, телеграфъ, обыкновенный и безпроводный, геліографъ, летучая почта и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхъ управленія войсками потребовалъ и соотвѣтствующей подготовки службы Генеральнаго Штаба и штабной, которыя оказались у насъ недостаточно налаженными.

б) Войсковая развѣдка не внесла, повидимому, какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ общепринятые способы; я полагаю, что въ этомъ отношеніи достаточно будетъ упомянуть лишь о большой пользѣ, которую приносили войскамъ

14

охотничьи команды, пѣшія и конныя, а также о тѣхъ затрудненіяхъ въ производствѣ ближней развѣдки, которыя встрѣчала обыкновенно кавалерія. Но если это общее замѣчаніе будетъ справедливо по отношенію къ войсковой развѣдкѣ, то совершенно иное приходится сказать о развѣдкѣ тайной: значеніе послѣдней чрезвычайно возрасло и положительно можно сказать, что этотъ способъ сбора свѣдѣній о непріятелѣ несомнѣнно является на войнѣ самымъ главнымъ и наиболѣе плодотворнымъ; о тайной развѣдкѣ я скажу подробнѣе въ главѣ о подготовкѣ къ войнѣ.

в) Опытъ войны подтвердилъ важность сторожевой службы и, въ общемъ, призналъ соотвѣтственнымъ способъ охраны заставами и постами, указавъ лишь на необходимость и возможность ея усиленія въ извѣстныхъ случаяхъ; особенно ясно обнаружилось: важность скрытнаго расположенія охранительныхъ частей, бо́льшая, чѣмъ принято обыкновенно, сила постовъ и обязательное расположеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на выгодныхъ наблюдательныхъ пунктахъ.

г) Большое разсредоточеніе боевыхъ порядковъ настоятельно потребовало лучшей подготовки начальствующихъ лицъ вообще и предоставленія имъ большей самостоятельности. Выяснилась особенная важность наблюденія за флангами и тыломъ путемъ высылки соотвѣтствующихъ охранительныхъ частей; это вызывается трудностью производства фронтальной атаки при современныхъ условіяхъ боя и естественнымъ стремленіемъ прибѣгать къ охватамъ и обходамъ. Управленіе боевыми порядками небольшихъ частей въ сферѣ огня весьма затруднилось; поэтому команда совершенно не должна

имѣть мѣста въ этихъ случаяхъ и нормальными способами управленія являются исключительно приказанія и соотвѣтствующіе сигналы (знаки).

Боевые порядки, при современной силѣ ружейнаго, пулеметнаго и артиллерійскаго огня, расчленились и растянулись по фронту и въ глубину; особенное значеніе при всѣхъ движеніяхъ, хотя-бы въ сферѣ дальнаго огня, получили: одношереножный строй всякихъ видовъ, тщательное до мелочей примѣненіе къ мѣстности и возможность созданія необходимыхъ прикрытій подручными средствами. Передвиженіе пѣхоты подъ сильнымъ огнемъ посредствомъ перебѣжекъ стало обязательнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась необходимость производить ихъ возможно незамѣтнѣе, т. е. не цѣлыми частями, а небольшими группами, даже поодиночкѣ и притомъ при условіи сильной поддержки огнемъ.

д) Значеніе пѣхотнаго огня возросло въ сильной степени; желаніе нанести непріятелю наибольшій вредъ съ самаго начала боя привело къ необходимости открывать огонь иногда съ самыхъ дальнихъ дистанцій (до 2.500 шаговъ). Большой расходъ патроновъ, при продолжительной и частой стрѣльбѣ и при условіи продолжительности современнаго боя, вызвалъ заботы о пополненіи носимаго запаса до возможно большихъ размѣровъ и о способахъ доставки ихъ войскамъ. Съ возрастаніемъ значенія ружейнаго огня, получило большую важность и наблюденіе за стрѣльбой путемъ выставленія подходящихъ людей на удобныхъ для этого пунктахъ.

Наряду съ ружейнымъ огнемъ, особенное

значеніе пріобрѣла и стрѣльба изъ пулеметовъ; относительно ихъ расположенія выяснилась необходимость разсредоточивать ихъ, тщательно укрывая ихъ отъ артиллерійскаго огня. Боевой опытъ указалъ, что пулеметъ является не только оружіемъ обороны, но съ пользою можетъ быть употребленъ и при наступленіи; въ послѣдней войнѣ, напримѣръ, японцы при атакѣ нашихъ опорныхъ пунктовъ, при всякой возможности, тащили за собой пулеметы, которые и располагали тотчасъ-же въ первыхъ захваченныхъ ими участкахъ нашихъ позицій.

е) При производствѣ атаки пѣхота должна поддерживать непрерывную частую стрѣльбу и какъ можно ближе подходить къ непріятелю. Единственно возможный для этого строй-цѣпь, или лучше сказать—рядъ цѣпей. Производство штыковаго удара весьма затруднилось, но отнюдь не потеряло значенія рѣшающаго во многихъ случаяхъ средства, каковымъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, можетъ быть и огонь.

ж) Значеніе артиллеріи въ бою необычайно возросло и въ будущемъ несомнѣнно увеличится еще болѣе.

Не распространяясь подробно о дѣйствіи артиллеріи, я отмѣчу только, что боевыя задачи ея, въ общемъ остались тѣже, т. е. подавленіе непріятельской артиллеріи, а затѣмъ и обстрѣлъ пѣхоты противника; что-же касается до самаго веденія боя, что чрезвычайно большую важность получили: предварительная развѣдка, скрытое и разсредоточенное расположеніе батарей и орудій, быстрота пристрѣлки, соотвѣтствующая организація наблюденія за стрѣльбой и питаніе снарядами. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно отмѣтить затруднительность перемѣны артиллеріею позицій, по

крайней мѣрѣ для крупныхъ частей; въ этомъ отношеніи, вѣроятно, большее значеніе будетъ имѣть соотвѣтствующій выборъ позицій, которыя могутъ мѣняться лишь въ рѣдкихъ только случаяхъ.

з) Роль конницы на полѣ сраженія несомнѣнно уменьшилась; въ всякомъ случаѣ крайне затруднилось выполненіе ею атаки, вслѣдствіе особой силы современнаго огня, и разсредоточенности боевыхъ порядковъ. Тѣмъ не менѣе и при этихъ условіяхъ, нельзя совершенно отрицать возможности дѣйствій кавалеріи на полѣ сраженія въ конномъ строю, даже и въ большихъ силахъ: благопріятная мѣстная обстановка, критическій моментъ боя, замѣшательство и затруднительное положеніе непріятеля вообще, не говоря уже объ отступленіи его,—все это и въ настоящее время можетъ создать условія, которыя будутъ вполнѣ подходящи для дѣйствій кавалеріи. Что-же касается до работы конницы въ тылу и на флангахъ непріятеля, то таковая, полагаю, должна получить теперь особое значеніе.

і) Значеніе саперныхъ и всякаго рода техническихъ войскъ чрезвычайно увеличилось; выяснилась необходимость придавать саперныя части еще въ мирное время корпусамъ и даже дивизіямъ, а также снабжать войска всѣми средствами связи въ гораздо большей степени, нежели это есть въ настоящее время.

и) Въ дѣйствіяхъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія получили особое значеніе: умѣлое руководство боемъ, маневрированіе, а также связь въ дѣйствіяхъ и взамная поддержка, какъ родовъ оружія, такъ и всѣхъ частей боевого порядка вообще. Всего этого, какъ извѣстно, въ значительной степени не доставало нашимъ войскамъ во время войны.

и к) Наши огромные войсковые обозы, мало приспособленные, въ техническомъ и организаціонномъ отношеніи, къ совмѣстной работѣ съ войсками, крайне затрудняли веденіе операцій; выяснилась необходимость ихъ сокращенія, болѣе приспособленной къ нуждамъ войскъ организаціи и болѣе легкаго и прочнаго типа повозокъ.

Наконецъ, остается, отмѣтить важность подготовки войскъ къ дѣйствіямъ ночью и въ исключительной мѣстной обстановкѣ, напримѣръ, въ гористой, пересѣченной и вообще закрытой мѣстности; неумѣніе нашихъ войскъ дѣйствовать въ горахъ повлекло за собой много неудачъ и потерь, пока кровавый опытъ не далъ необходимыхъ свѣдѣній и снаровокъ.

Заключая этимъ объ указаніяхъ опыта войны, я хочу оговорить о слѣдующемъ: У насъ часто идутъ нескончаемые споры объ утоненіи пѣхотныхъ строевъ въ бою, о резервахъ, штыковыхъ атакахъ и многомъ иномъ. Конечно, обмѣнъ мнѣній способствуетъ большему выясненію того или иного вопроса, но во всѣхъ этихъ спорахъ часто замѣчается стремленіе дать готовыя на всѣ случаи формы, т.е. къ доктринѣ. Необходимо быть гибкимъ и не предубѣжденнымъ во взглядахъ и съ большимъ уваженіемъ относиться къ обстановкѣ, которая одна только и въ состояніи показать, когда и что именно будетъ хорошо и умѣстно.

Мѣры къ улучшенію боевой подготовки войскъ.

Исходя изъ всего вышесказаннаго, общими мѣрами къ лучшей боевой подготовкѣ войскъ будутъ слѣдующія:

а) Твердая постановка военнаго воспитанія офицера и солдата и поднятіе воинскаго духа.

б) Установленіе въ арміи однообразнаго офицерскаго состава.

в) Прочная внутрення связь между этимъ последнимъ и нижними чинами, а также единеніе родовъ оружія.

г) Поднятіе значенія строя и строевой службы.

д) Правильная и практическая постановка преподаванія военныхъ предметовъ въ Академіяхъ и въ военныхъ училищахъ, въ особенности-же стратегіи и тактики.

е) Подъемъ уровня военнаго образованія арміи вообще, въ частности, офицерскаго состава и, въ особенности, командного персонала.

ж) Большій разборъ и соответственность въ назначеніяхъ начальствующихъ лицъ вообще и въ особенности высшихъ.

з) Измѣненіе служебнаго режима, какъ въ отношеніи разсредоточенія правъ, средствъ и обязанностей и предоставленія подчиненнымъ большей самостоятельности, такъ и въ смыслѣ преобладанія боевыхъ требованій по сравненію со всѣми остальными.

Наконецъ, і) Проведеніе въ жизнь опытныхъ указаній, данныхъ нашей послѣдней войной.

Такъ какъ въ предшествующемъ изложеніи я уже подробно разсмотрѣлъ всѣ эти вопросы, то не буду останавливаться на нихъ здѣсь, а перейду къ тѣмъ изъ нихъ, которые непосредственно связаны съ боевой подготовкой войскъ.

При изслѣдованіи послѣднихъ особенное, въ примѣненіи къ нашей арміи, вниманіе должно быть обращено на слѣдующее:

1). Необходимость полной переработки распредѣленій годовыхъ занятій во всѣхъ родахъ

оружія, съ тѣмъ, чтобы онѣ представляли-бы изъ себя цѣльныя и вполнѣ опредѣленныя программы военнаго образованія, основанныя на послѣднемъ боевомъ опытѣ, съ указаніемъ конечныхъ цѣлей обученія по каждому упражненію и отдѣлу. Въ полномъ согласіи съ этимъ должны быть соотвѣтствующимъ образомъ переработаны и измѣнены всѣ наши боевые уставы и наставленія.

Эти главныя основы военнаго образованія арміи должны быть нерушимы; на нихъ не могутъ оказывать вліянія случайные взгляды и мнѣнія разныхъ лицъ; требованія ихъ слѣдуетъ проводить въ жизнь въ полной мѣрѣ и съ ними, а не наоборотъ, должно сообразоваться все остальное въ войсковомъ обиходѣ.

Извѣстно, какъ отражалось въ этомъ отношеніи вліяніе нашего военнаго уклада: преобладаніе личныхъ взглядовъ и даже полный произволъ въ служебныхъ требованіяхъ первостепеннаго значенія, дутыя росписанія производимыхъ, яко-бы, тактическихъ ученій и въ результатѣ — недостаточность боевой подготовки войскъ вообще, въ частности, малая продуктивность ихъ работы и поражающее разнообразіе въ степени и колебаніи уровня ихъ обученія.

2). Всякаго рода подготовительныя занятія съ офицерами на планахъ и мѣстности. Всѣ занятія подобнаго рода должны быть поставлены въ тѣсную другъ съ другомъ связь, стать совершенно необходимыми въ глазахъ офицеровъ и подготавливать ихъ къ службѣ; этимъ практическимъ путемъ должны быть тщательно изучены ими свойства современнаго оружія вообще, вліяніе мѣстныхъ условій, связь и взаимодѣйствіе разныхъ родовъ войскъ.

Какъ поставлены у насъ эти занятія въ настоящее время — извѣстно всякому; объ этомъ я подробно говорилъ уже выше. Здѣсь только отмѣчу, что наряду съ улучшеніемъ постановки ихъ, необходимо ввести ихъ въ кругъ обязательныхъ, наравнѣ съ прочими, служебныхъ занятій каждой части.

3). Занятія стрѣльбою должны быть возможно больше приближены къ условіямъ боевой обстановки. Это, въ свою очередь, вызываетъ вопросы о подготовительномъ обученіи стрѣльбѣ, размѣрахъ и характерѣ мѣстности, назначаемой подъ стрѣльбища и соотвѣтствующемъ ихъ оборудованіи, условіяхъ оцѣнки, способахъ провѣрки и т. д.

Конечно, всѣ такіе вопросы могутъ быть разрѣшены только людьми свѣдущими въ этомъ дѣлѣ и притомъ, провѣрившими свои знанія въ военное время; одинъ мирный опытъ не въ состояніи дать всего нужнаго и можетъ повести стрѣлковое дѣло въ крайне одностороннемъ направленіи, какъ это и было до сихъ поръ.

Дѣйствительно, въ настоящее время стрѣлковая часть поставлена у насъ очень односторонне и весьма разнообразно; всѣмъ, имѣвшимъ дѣло съ войсками, хорошо знакомо это вѣчное стремленіе исключительно къ высокимъ процентамъ попаданія, въ погонѣ за коими нерѣдко доходятъ до фокусовъ, совершенно не обращая вниманія на все остальное, большая условность многихъ упражненій и полная несоотвѣтственность нѣкоторыхъ мишеней тѣмъ цѣлямъ, которыя онѣ должны изображать. Если къ этому прибавить обыкновенно совершенно гладкую и хорошо извѣстную всѣмъ мѣстность и растоянія, стремленіе обособить стрѣльбу отъ тактики, и, наконецъ, — хрониче-

скую неудовлетворительность большинства стрѣльбищъ, особенно артиллерійскихъ, въ смыслѣ ихъ размѣровъ и оборудованія, то станетъ яснымъ, что при такихъ условіяхъ трудно и ожидать хорошихъ результатовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что одного лѣтняго періода недостаточно для стрѣльбы, особенно теперь, при многихъ нарядахъ войскъ. Принявъ во вниманіе, что арміи нашей, въ большинствѣ случаевъ, приходится подготавливаться при неблагопріятныхъ климатичес ихъ условіяхъ, нужно обратить особое вниманіе на установленіе особаго курса зимней стрѣльбы, а, слѣдовательно и на устройство подходяшихъ для этого помѣщеній.

Не входя въ подробности стрѣлковой подготовки войскъ, въ чемъ не считаю себя достаточно компетентнымъ, я остановлюсь лишь на стрѣлъбищахъ. Военному вѣдомству слѣдуетъ безотлагательно взяться за разрѣшеніе этого важнаго вопроса; надо пріобрѣсти особые запасы земель и, пользуясь имъ, устроить войскамъ подходящія по размѣрамъ и мѣстнымъ условіямъ стрѣльбища, такъ какъ въ настоящее время многія изъ нихъ не только исключаютъ возможность маневрированія, но и крайне стѣсняютъ даже теперешнюю стрѣльбу, дѣлая ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ небезопасной. Необходимо подумать о будушемъ, особенно въ виду увеличенія дальнобойности современнаго оружія и теперешняго земельнаго переустройства; въ противномъ случаѣ обезпеченіе войскъ стрѣльбищами встрѣтитъ въ будущемъ большія затрудненія и обойдется казнѣ чрезвычайно дорого.

4). Войсковыя ученія и маневры. На этомъ

вопросѣ, имѣющемъ столь важное значеніе по отношенію къ боевой подготовкѣ войскъ, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе.

Современная постановка нашихъ тактическихъ ученій и маневровъ характеризуется слѣдующимъ:

а) Начать здѣсь приходится съ глубоко укоренившихся среди командного персонала арміи оборонительныхъ тенденцій, столь сказавшихся въ послѣдней войнѣ.

Явленіе это прежде всего должно быть объяснено недостаткомъ самостоятельности и самодѣятельности. Много разъ уже приходилось говорить, что эти необходимыя для военнаго дѣла качества не только не находятъ у насъ въ арміи благодарной почвы, но и всѣ проявленія ихъ встрѣчаются крайне недовѣрчиво и строго, что, конечно, отбиваетъ всякую охоту въ этомъ направленіи. Я живо помню одинъ очень характерный въ этомъ отношеніи случай:

Въ составѣ партіи, которой мнѣ однажды пришлось руководить во время полевой поѣздки со строевыми офицерами, находился артиллерійскій офицеръ, обнаружившій, рѣдкій среди его специальности, интересъ къ тактическимъ дѣйствіямъ отрядовъ изъ разныхъ родовъ оружія; и за короткое время офицеръ этотъ сдѣлалъ замѣтные успѣхи. Поѣздка вскорѣ окончилась, но съ офицеромъ этимъ я встрѣтился еще разъ и вотъ при какихъ условіяхъ.

Былъ у насъ какъ-то дессантный маневръ. Наступающему отряду удалось высадиться и передовыя части его завязали бой съ непріятелемъ, который началъ отходить. Создалось одно изъ нелѣпыхъ маневренныхъ положеній — отряды сблизились шаговъ на 300 и открыли стрѣльбу.

Вдругъ, смотрю, мой артиллерійскій капитанъ, какъ оказалось потомъ временно командовавшій батареей въ оборонительномъ отрядѣ, вылетаетъ впередъ, снимается на короткѣ и открываетъ огонь (по его объясненію онъ хотѣлъ выручить свою пѣхоту изъ труднаго положенія). На батарею пошли въ атаку, но она какъ-то успѣла уйти; затѣмъ, несмотря на малое разстояніе, батарея вновь снялась и на этотъ разъ была уже захвачена непріятелемъ. Надобно было видѣть негодованіе разнаго начальства обѣихъ сторонъ и посредниковъ! Подъ вліяніемъ оглоушившихъ его окриковъ и упрековъ, нашъ капитанъ совершенно растерался, не могъ ничего отвѣтить и, сконфуженный, отвелъ свою батарею, присужденную къ бездѣйствію. И я убѣжденъ въ томъ, что достойный офицеръ этотъ, хотя и поступившій несообразно съ обстановкой, но преслѣдовавшій высокую цѣль и, какъ ни какъ, обнаружившій инициативу,—безусловно никогда ужъ не проявитъ ее въ теченіе всей своей дальнѣйшей службы, даже и тогда, когда это будетъ необходимо.

И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: попробуйте-ка проявить самостоятельность; можно быть увѣреннымъ, что закаешься въ этомъ отношеніи на будущее время. У насъ, вѣдь, въ строю не любятъ чужой смётки и ума, а въ особенности въ подчиненномъ; больше требуютъ, чтобы было „чисто"—за это по крайней мѣрѣ не „разнесутъ". Эта инертность и развитіе оборонительныхъ склонностей и привычекъ ясно сказываются въ стремленіяхъ переходить къ оборонѣ при всякомъ случаѣ, вѣчной погонѣ за подходящими позиціями, и въ приданіи имъ значенія, котораго онѣ въ дѣйствительности не имѣютъ.

б) Полное господство шаблона и пресловутаго „примѣра прежнихъ лѣтъ“, что выражается въ постоянномъ и опредѣленномъ заранѣе расписаніи ролей и задачъ (обороняющійся—наступающій, атака—оборона); сюда-же надо отнести большое однообразіе задачъ, и неестественную опредѣленность обстановки и заданій; отсюда—неумѣніе разбираться въ обстановкѣ и стѣсненіе инициативы въ дѣйствіяхъ. Обыкновенно всѣ ученія и маневры разыгрываются на темы предвзятыхъ столкновеній, происходящихъ на необыкновенно сближенныхъ разстояніяхъ и въ неестественно укороченный промежутокъ времени; все, что внѣ чистаго, такъ сказать, боя—походъ, развѣдка и т. д.—въ большинствѣ случаевъ, скрадывается и пропадаетъ, а, напримѣръ, рекогносцировка непріятеля, производимая начальниками отрядовъ, носитъ часто какой-то наивный и даже комическій подчасъ характеръ.

И, разумѣется, все это, особенно при однообразіи хорошо всѣмъ извѣстныхъ мѣстныхъ условій, хроническомъ непосвященіи участниковъ маневра въ суть дѣла и, наконецъ, при заурядномъ неумѣніи вести занятія и производить разборъ ихъ,—ведетъ къ тому, что наши современныя маневры вообще приносятъ крайне ограниченную пользу—ими обыкновенно мало интересуются; безтолочь, утомленіе, да желаніе скорѣе отдѣлаться—вотъ преимущественныя впечатлѣнія и стремленія большинства строевыхъ участниковъ этихъ занятій.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, относиться къ нимъ иначе? При извѣстной всѣмъ мѣстности, въ каждомъ лагерномъ сборѣ есть обыкновенно такіе излюбленные пункты, которые атакуютъ и обороняютъ изъ года въ годъ, при однѣхъ и тѣхъ-же,

почти условіяхъ. И, при этомъ, часто бываетъ, что за одинаковый способъ дѣйствій одинъ разъ, смотришь, хвалятъ, а другой—„разнесутъ". „Вотъ двадцать лѣтъ атакую Дачный проходъ"[1]), жаловался мнѣ какъ-то одинъ старый ротный командиръ, „и все что нибудь, да не такъ; теперь ужь не знаю, какъ и быть; горе, да и только!" Это-ли не характерно?!

Нельзя поэтому удивляться, что боевая подготовка нашихъ войскъ подвигается такъ туго— вѣчно однѣ и тѣже ошибки и—тѣже почти результаты. Отсюда и недостатки въ управленіи, неумѣніе совершать походныя движенія, поддерживать связь, развѣдывать и вести бой въ затруднительной обстановкѣ (уборка частей изъ боя, отступленіе и т. д.); отсюда и постоянная растерянность при всякихъ неожиданныхъ столкновеніяхъ и однимъ словомъ все то, на, что такъ опредѣленно указалъ опытъ послѣдней войны. И, надо замѣтить, что все это въ большей степени присуще маневрамъ крупныхъ частей (отъ дивизіи и выше), начальство коихъ въ рѣдкихъ обыкновенно случаяхъ выступаетъ въ активныхъ роляхъ, предоставляя таковую преимущественно бригаднымъ и полковымъ командирамъ. Въ занятіяхъ меньшихъ частей—полкъ, батальонъ—все-таки больше пользы, но преимущественно этими войсковыми единицами и ограничивается боевая подготовка нашихъ войскъ.

и в) Неприспособленность къ совмѣстной работѣ съ войсками Штабовъ и Управленій. Непривычка и неряспорядительность нашихъ штабовъ въ полевой службѣ сдѣлались, едва-ли, не хроническими: пространныя, сложныя и, вмѣстѣ

[1]) Излюбленный пунктъ въ одномъ изъ нашихъ лагерныхъ сборовъ.

съ тѣмъ, нерѣдко съ общими мѣстами диспозиціи, вѣчное запаздываніе въ разсылкѣ ихъ войскамъ, отсутствіе системы, снаровокъ и связи въ управленіи послѣдними и въ организаціи развѣдки—все это является главнѣйшими причинами обычной безтолковщины на маневрахъ.

Слабое функціонированіе нашихъ штабовъ въ полевой обстановкѣ надо объяснять отчужденностью отъ войскъ ихъ и, въ частности, офицеровъ Генеральнаго Штаба, обычная служба которыхъ совершенно не подготавливаетъ ихъ къ совмѣстной работѣ съ войсками, малою практикою и глубоко въѣвшимися привычками къ бумажной дѣятельности. Все это, въ связи съ современнымъ укладомъ службы войскъ, ведетъ къ господству письменности и отчета и въ обученіи послѣднихъ. Вь оффиціальныхъ расписаніяхъ занятій все кажется такъ сообразно съ требованіями инструкцій, все предусмотрѣно до мелочей, стѣсненіе самостоятельности самое полное, а на дѣлѣ, глядишь,—вмѣсто установленныхъ ученій (обыкновенно тактическихъ, которымъ придаютъ меньшую цѣну) производятся совсѣмъ иныя, въ коихъ, по сложившимся обстоятельствамъ, видятъ большую надобность; въ отчетахъ-же, конечно, все гладко, и чисто, такъ, что и придраться нельзя. Такъ создаются дутыя расписанія и производится своего рода „очковтирательство“, вызываемое складомъ нашей военной жизни и системой веденія войскъ.

Что же нужно сдѣлать, чтобы улучшить постановку нашихъ ученій и маневровъ и болѣе приблизить ихъ къ боевой обстановкѣ? Я полагаю, что въ числѣ мѣръ для достиженія этого, необходимы слѣдующія:

а) Развитіе въ арміи активныхъ тенденцій, что всецѣло будетъ обусловливаться соотвѣтственнымъ измѣненіемъ нашего военнаго режима, въ смыслѣ общаго разсредоточенія правъ, обязанностей и средствъ и возможностью проявленія въ войскахъ самостоятельности. Это, впрочемъ, вопросъ уже — общій. Въ частности-же необходимо воспитывать въ будущихъ офицерахъ самостоятельность еще на школьной скамьѣ. Нужно отрѣшаться отъ вредныхъ тяготѣній къ позиціямъ, оборонителнымъ линіямъ и т. д. и проводить въ войскахъ мысль, что онѣ могутъ и должны драться всюду и вездѣ, а не только на заранѣе избранныхъ мѣстахъ, на которыхъ сражаться обыкновенно приходится рѣдко. Какъ выше не разъ было указано, иниціатива—вещь тонкая, хрупкая и воспитывать ее надо очень осторожно, дабы не потушить ея первыхъ ростковъ. Каждый начальникъ, какъ-бы малъ онъ ни былъ, долженъ умѣть рѣшаться и брать на себя всю отвѣтственность; за такимъ начальникомъ несомнѣнно пойдутъ въ томъ-же направленіи и подчиненные ему начальники и, въ свою очередь, поведутъ другихъ. Нужно учить дѣйствовать, требовать дѣйствія и карать за бездѣйствіе; пріучать подчиненныхъ не бояться ошибокъ, безъ которыхъ никто и никогда не обходится, и, наоборотъ, не бояться сознаваться въ собственныхъ. Однимъ словомъ требовать той смѣлости, „дерзновенности“ въ дѣйствіяхъ, которой училъ свои войска Суворовъ.

б) Уничтоженіе существующей шаблонности. Для этого слѣдуетъ давать заданія болѣе общія, особенно, выдѣляя цѣль, избѣгая заблаговременнаго распредѣленія ролей, а предоставляя это

самимъ сторонамъ, т. е. практикуя преимущественно встрѣчные бои; вмѣстѣ съ тѣмъ, поощрять всѣ проявленія самостоятельности и самодѣятельности начальниковъ, осторожно относясь къ случаямъ неправильнаго пониманія или примѣненія таковыхъ, особенно первое время.

Поэтому гораздо полезнѣе будетъ вмѣсто большого числа ученій и маневровъ дѣлать ихъ меньше, но вести въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Кромѣ того, слѣдуетъ пріучать войска къ той мысли, что бой является на войнѣ только заключительнымъ и, сравнительно, рѣдкимъ факторомъ, которому предшествуютъ походныя движенія, развѣдка и многое другое, къ исполненію чего приходится прибѣгать чаще. Важно, слѣдовательно, налаживать развѣдку, которая у насъ обыкновенно очень слаба, попутное производство разнаго рода рекогносцировокъ, походныя движенія съ обозами, съ мѣрами охраненія и поддержаніемъ связи. Въ самыхъ боевыхъ столкновеніяхъ надо обращать вниманіе на переходъ отъ походныхъ порядковъ къ боевымъ, на вѣрное направленіе и нацѣливаніе частей, практиковать преслѣдованіе, отступленіе, выводъ изъ боя, занятіе взятыхъ позицій и проч., что обыкновенно совсѣмъ опускается на нашихъ ученіяхъ и маневрахъ. Наконецъ, важно практиковать и всѣ тѣ способы связи, которыми войска пользуются въ военное время (телефоны, телеграфы обыкновенные и безпроводные, геліографы и т. д.).

в) Управленіе маневрами. Нужно давать большую въ этомъ отношеніи практику высшимъ начальствующимъ лицамъ (начальникамъ дивизій, командирамъ корпусовъ и другимъ), такъ какъ

въ настоящее время они больше присутствуютъ, „смотрятъ“, и критикуютъ, нежели управляютъ. Слѣдовательно, по возможности чаще нужны большіе маневры, тѣмъ болѣе, что только во время ихъ производства могутъ практиковаться и крупные штабы.

Руководство маневрами надо понимать больше въ смыслѣ ихъ предварительнаго обсужденія и организаціи; во время-же ихъ производства дѣло руководителя сводится преимущественно къ регулированію хода ихъ, предоставляя сторонамъ необходимую самостоятельность и къ поучительному разбору по окончаніи маневровъ. Особенно важно вырабатывать въ начальствующихъ лицахъ привычку руководить войсками при помощи своихъ штабовъ, оставаясь на опредѣленномъ, извѣстномъ всѣмъ, мѣстѣ, не входя и не вмѣшиваясь въ подробности и исполнительную часть, разъ это не вызывается крайнею необходимостью.

Сюда-же надо отнести и дѣятельность штабовъ. Необходимо чаще практиковать ихъ и, въ частности, офицеровъ Генеральнаго Штаба въ совмѣстной работѣ съ войсками; надо привыкать работать быстро, точно, мысли излагать кратко, понятно и опредѣленно, не обременяя войска излишними отчетами и письменностью; прочно держать связь, направлять развѣдку и умѣло пользоваться ея результатами; разумѣется, все это требуетъ большого навыка и дается только путемъ частыхъ упражненій.

На обязанности-же службы Генеральнаго Штаба лежитъ и составленіе описаній маневровъ и ученій; желательно дѣлать ихъ поучительнѣе и короче, памятуя, что въ строю много читать не-

когда, да и не любятъ; описанія эти должно разсылать въ войска вскорѣ послѣ маневровъ, дабы они не утрачивали горячаго интереса и въ возможно большомъ количествѣ.

и, наконецъ, —г). Остается упомянуть объ одностороннихъ маневрахъ и ученіяхъ. Изъ нихъ первые, какъ создающіе ложную обстановку, должны быть отмѣнены совсѣмъ, что-же касается вторыхъ, то не слѣдуетъ и имъ придавать значенія самостоятельныхъ ученій, а разсматривать только лишь какъ извѣстный начальный пріемъ при обученіи небольшихъ частей (не свыше полка).

5). Связь въ дѣйствіяхъ между разными родами оружія и службы. Какъ извѣстно эта связь у насъ чрезвычайно слаба: роды оружія, соединяемые лишь въ корпусахъ, мало знакомы другъ съ другомъ и со взаимными боевыми обязанностями, штабы недостаточно связаны съ войсками, а саперныя части и корпусъ инженеровъ — живутъ совершенно обособленной отъ прочихъ войскъ жизнью.

Для установленія желательной между родами оружія и службы связи необходимо:

Прежде всего, —создать однообразный въ арміи офицерскій составъ. Затѣмъ, — соотвѣтствующія измѣненія въ существующей организаціи; о томъ и другомъ было сказано выше. Болѣе близкая къ войскамъ и практическая по направленію постановка службы Штабовъ и Генеральнаго Штаба; наконецъ—привлеченіе къ войскамъ инженернаго корпуса путемъ назначенія офицеровъ этого рода службы въ штабы корпусовъ. Въ настоящее время всѣ силы инженернаго корпуса обслуживаютъ

лишь крѣпости, да вѣдаютъ постройкою казармъ и прочихъ казенныхъ зданій, но непосредственно ничѣмъ не связаны съ службою войскъ.

Кромѣ того, я хотѣлъ-бы отмѣтить здѣсь и необходимость научной, такъ сказать, связи тактики съ инженернымъ и артиллерійскимъ дѣломъ. Въ настоящее время всѣ эти отдѣлы военнаго искусства весьма мало связаны между собою и даже какъ-бы сторонятся другъ отъ друга. Казалось-бы слѣдовало установить, чтобы тактика ставила извѣстныя цѣли, основы, и предъявляла-бы къ артиллеріи и инженерному дѣлу соотвѣтствующія боевыя требованія; послѣднія-же должны содѣйствовать достиженію поставленныхъ цѣлей наиболѣе выгодными во всѣхъ отношеніяхъ средствами. Конечно, эта научная связь должна быть тщательно проведена черезъ всѣ официальные боевые уставы и наставленія, а равно не обходить училищныхъ и академическихъ курсовъ.

Необходима, наконецъ, и соотвѣтствующая связь съ флотомъ и знакомство съ совмѣстными съ нимъ дѣйствіями. Это дѣло, при обычномъ чужданіи нашихъ „вѣдомствъ“, находится въ большомъ забросѣ, а свѣдѣнія о флотѣ мало распространены и популярны даже въ войскахъ приморскихъ округовъ; обыкновенно и въ средѣ высшихъ начальствующихъ лицъ находится очень немного людей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ значеніемъ флота, его боевымъ употребленіемъ и должною связью въ дѣйствіяхъ между нимъ и войсками.

Въ настоящее время, съ Учрежденіемъ Управленія Генеральнаго Штаба и Морского Генеральнаго Штаба, надо думать, что дѣло это получитъ извѣстный толчекъ.

Заканчивая отдѣлъ о боевой подготовкѣ войскъ, я хотѣлъ нѣсколько остановиться на быстромъ ростѣ техники и обратить вниманіе на все болѣе и болѣе возрастающее значеніе ея въ примѣненіи къ военному дѣлу.

Намъ нужно быть очень чуткими въ этомъ отношеніи. Вспомнимъ, что уже почти всѣ главныя европейскія арміи обладаютъ своими системами управляемыхъ воздушныхъ шаровъ, что автомобили уже нашли себѣ широкое примѣненіе на послѣднихъ германскихъ маневрахъ, гдѣ перевозились на нихъ цѣлыя роты. Надо думать, что недолго ждать и того времени, когда подобнымъ же способомъ будетъ передвигаться и артиллерія, по крайней мѣрѣ часть ея.

Мы явно отстаемъ въ этомъ отношеніи и потому боевое столкновеніе можетъ выдвинуть для насъ много неожиданныхъ сюрпризовъ; а какъ они дѣйствуютъ—достаточно убѣдительнымъ является опытъ послѣдней войны.

Поэтому необходимо слѣдить за техническими новинками въ европейскихъ арміяхъ, быть болѣе отзывчивыми и поощрять всѣ опыты и работы въ этомъ направленіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи техническія средства (воздушные шары, разнаго рода телеграфы, автомобили и т. д.) привлекать къ совмѣстнымъ занятіямъ съ войсками, дабы послѣднія имѣли возможность знакомиться съ ихъ употребленіемъ еще въ мирное время.

VII Генеральный Штабъ: его подготовка, Академія Генеральнаго Штаба; постановка и прохожденіе службы. Штабная служба.

Заведеніемъ, подготовляющимъ офицеровъ къ службѣ Генеральнаго Штаба, является Академія Генеральнаго Штаба. Но эта, спеціальная, цѣль не единственная, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, академія преслѣдуетъ и другую, а именно—распространеніе въ арміи военныхъ познаній вообще.

Относительно задачъ академіи Генеральнаго Штаба, въ нашемъ военномъ обществѣ существуетъ два мнѣнія: одни хотятъ видѣть въ ней заведеніе, исключительно спеціальное и желаютъ придать ей строго утилитарный характеръ; другіе, наоборотъ,—ставятъ академіи болѣе широкія цѣли и склоняются въ сторону универсальнаго военнаго образованія. Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ неудачнаго исхода войны, одною изъ причинъ котораго считаютъ не соотвѣтствующую подготовку нашего Генеральнаго Штаба, первое мнѣніе какъ-бы одерживаетъ верхъ — большинство высказывается за исключительно спеціальную постановку академическаго курса.

И я думаю, что, вообще говоря, это послѣднее мнѣніе—ближе къ истинѣ: цѣль академіи должна быть одна—спеціальная подготовка къ службѣ Генеральнаго Штаба; для распространенія-же въ арміи военнаго образованія нужны иныя мѣры, а именно: измѣненіе служебнаго режима, въ смыслѣ преобладанія въ немъ боевыхъ требованій, учрежденіе особыхъ высшихъ военныхъ школъ и

развитіе военно-образовательныхъ обществъ, о чемъ я говорилъ выше. Да и, сколько извѣстно, Академія, строго говоря, не выполняетъ своего назначенія въ этомъ послѣднемъ отношеніи, такъ какъ подавляющее большинство офицеровъ, не попадающихъ въ Генеральный Штабъ, уходитъ изъ строя и устраивается въ разныхъ Штабахъ, военно-учебныхъ заведеніяхъ и т. д., т. е. не служитъ непосредственно интересамъ арміи въ смыслѣ подъема въ ней уровня военныхъ познаній.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время врядъ-ли будетъ правильнымъ смотрѣть на Академію Генеральнаго Штаба съ исключительно утилитарной точки зрѣнія: нельзя забывать того, что она является единственнымъ въ арміи заведеніемъ, которое даетъ высшее военное образованіе, что офицеры Генеральнаго Штаба на практикѣ служатъ не только по прямому назначенію, но и занимаютъ значительную часть высшихъ командныхъ должностей; и, надо думать, что это привлеченіе Генеральнаго Штаба въ строй и было вызвано желаніемъ имѣть на этихъ должностяхъ болѣе образованныхъ въ военномъ отношеніи лицъ. Поэтому, какъ ни желательно обратить академію въ заведеніе, преслѣдующее исключительно спеціальную цѣль—подготовку къ службѣ Генеральнаго Штаба,—но въ настоящее время нельзя осуществить ее вполнѣ и совершенно отрѣшиться отъ болѣе общаго назначенія академіи. И только тогда, когда будетъ учреждено достаточное число высшихъ школъ, дѣйствительно могущихъ обезпечить армію образованными офицерами, предназначенными исключительно для занятія строевыхъ должностей, — можно и слѣдуетъ придать академіи

Генеральнаго Штаба чисто утилитарный характеръ; но, добавимъ, тогда и Генеральный Штабъ долженъ лишиться своихъ исключительныхъ преимуществъ на занятіе высшихъ строевыхъ должностей, которыми онъ надѣленъ въ настоящее время.

Теперь я обращусь къ современной постановкѣ академіи Генеральнаго Штаба.

Обставлена она, въ научномъ и организаціонномъ отношеніи, не вполнѣ хорошо; правда, человѣку способному и съ умомъ самостоятельнымъ она даетъ извѣстныя отправныя познанія для дальнѣйшаго развитія и совершенствованія ихъ, но такихъ, вѣдь, не много. Вообще надо замѣтить, что составъ нашего Генеральнаго Штаба, въ смыслѣ усвоенія офицерами вынесенныхъ изъ Академіи военныхъ познаній и умѣнія примѣнять ихъ къ жизни,—крайне разнообразенъ.

Часть офицеровъ, отборная, такъ сказать, по степени и складу способностей, вполнѣ овладѣваетъ военной наукой и съумѣетъ извлечь изъ нея пользу въ практическомъ примѣненіи; но такихъ, конечно, какъ и вездѣ, не много. Слѣдующая категорія, значительно уступающая первой, если и не можетъ справиться съ военной наукой въ полной мѣрѣ, то во всякомъ случаѣ не дастъ академическимъ курсамъ окончательно задавить своихъ природныхъ способностей и, въ случаѣ надобности, проявитъ ихъ на дѣлѣ; такихъ офицеровъ много въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ, я думаю даже большинство. Есть, наконецъ, и третій сортъ: это тѣ, которые совершенно ужъ не вмѣщаютъ бездну академической премудрости, и проходятъ въ генеральный Штабъ только благодаря постановкѣ курсовъ, требующей преиму-

щественно работы памяти, экзаменной системѣ, отчетному характеру многихъ требованій и, наконецъ,—случайности; на эти, худшіе въ умственномъ отношеніи, элементы, къ которымъ вполнѣ примѣнима пословица „не въ коня кормъ“, академія дѣйствуетъ только отрицательно: она притупляетъ ихъ и давитъ тѣ небольшія способности, которыми надѣлила ихъ природа; и преимущественно этимъ надо объяснить тѣ случаи, когда офицеръ Генеральнаго Штаба во всѣхъ отношеніяхъ очевидно уступаетъ любому способному строевому офицеру; и такихъ офицеровъ, надо сказать правду, не мало въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ.

Все это указываетъ на то, что въ самой постановкѣ академіи есть недостатки и весьма серьезные. Я полагаю, что наиболѣе важными изъ нихъ являются слѣдующіе:

1) Неустойчивость самаго назначенія академіи, что выражается въ частой ломкѣ общей цѣли и направленіи ея дѣятельности. На протяженіи какихъ-нибудь пятнадцати послѣднихъ лѣтъ существованія академіи, она, по своимъ задачамъ, то приближалась къ аппликаціонной школѣ, то стремилась обратиться въ военный университетъ; производило впечатлѣніе, что академія какъ-бы лавировала между двумя этими направленіями, не рѣшаясь опредѣленно и цѣльно остановиться на одномъ изъ нихъ; если-же мы прибавимъ сюда значительную, иногда коренную, разницу въ личныхъ взглядахъ начальниковъ академіи на назначеніе послѣдней, которые они проводили въ жизнь, то указанная выше неустойчивость получитъ особое значеніе. Отсюда—существенныя измѣненія въ программахъ курса, общемъ характерѣ требо-

ваній, въ числѣ принимаемыхъ въ академію и выпускаемыхъ въ Генеральный Штабъ офицеровъ.

2) Въ нѣкоторой связи съ неустойчивостью назначенія академіи находится и случайная, такъ сказать, постановка нѣкоторыхъ курсовъ, что выражается въ значительныхъ колебаніяхъ ихъ размѣровъ и характерѣ преподаванія. Это объясняется, какъ общею неустойчивостью академіи, такъ и желаніемъ подогнать курсы подъ тѣхъ, или иныхъ наличныхъ профессоровъ, комплектованіе которыхъ носитъ такой-же неопредѣленный и случайный характеръ. Я скажу даже больше—благодаря этому, измѣнялись не только размѣры и характеръ прохожденія курсовъ. (например̀ъ, по геодезіи, астрономіи и др.), но и совершенно неожиданно исчезали, какъ и столь-же быстро нарождались и вполнѣ самостоятельные курсы (напр. военно - морского дѣла, службы Генеральнаго Штаба и т. д.) Все это производило впечатлѣніе полной случайности: найдется профессоръ или лекторъ,—создается по немъ и соотвѣтствующій курсъ, или какой-либо его отдѣлъ; нѣтъ подходящаго человѣка, или уходитъ,—упраздняется и самый курсъ, или отдѣлъ; явится, наконецъ, другой, вновь можетъ народиться и забытый предметъ, но уже скроенный иначе.

Дѣйствительно, существующій способъ комплектованія академіи профессорами и служебная ихъ обстановка совершенно не обезпечиваютъ ея въ этомъ отношеніи. И современный профессорскій составъ ея, въ общемъ,—слабъ и безцвѣтенъ; смѣло можно сказать, что послѣ Драгомирова, Леера, Пузыревскаго и нѣкоторыхъ другихъ,—у насъ почти не было и нѣтъ талант-

ливыхъ профессоровъ. А это, вѣдь, отражается не только на образованіи офицеровъ Генеральнаго Штаба, такъ какъ академія, до нѣкоторой степени, играетъ или, по крайней мѣрѣ, должна играть роль научнаго авторитета и двигателя по отношенію къ арміи и военному дѣлу вообще.

3) Принятый въ академіи экзаменный способъ оцѣнки знаній при прохожденіи курса, незнакомство, въ большинствѣ случаевъ, постояннаго ея состава съ обучающимися офицерами и несовершенство установленнаго способа аттестованія поступающихъ,—не даютъ достаточныхъ гарантій въ томъ, что въ Генеральный Штабъ попадаютъ дѣйствительно лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ офицеры, понимая подъ этимъ словомъ не только способности, но и характеръ, а также нравственныя и иныя качества, необходимыя въ службѣ Генеральнаго Штаба.

Экзаменная система, помимо случайности оцѣнки, не развиваетъ привычекъ къ самостоятельнымъ рѣшеніямъ и нерѣдко ведетъ къ буквоѣдству, къ преимущественной и обыкновенно мало производительной работѣ памяти въ ущербъ соображенію; на практикѣ самымъ жизненнымъ для огромнаго большинства офицеровъ является вопросъ не о томъ, чтобы усвоить тотъ или иной курсъ, а—какъ удачнѣе сдать по немъ экзаменъ и получить требуемую отмѣтку; это, въ свою очередь, приводитъ къ нѣкоторой легковѣсности и ненадежности получаемыхъ многими офицерами знаній.

Что касается до соотвѣтственности обучающихся въ академіи офицеровъ требованіямъ службы въ Генеральномъ Штабѣ, то и въ этомъ отношеніи принятые въ настоящее время способы

являются далеко недостаточными: кому, въ самомъ дѣлѣ, не извѣстно, какъ безразлично даются у насъ аттестаціи офицерамъ, поступающимъ въ академію? И, развѣ, не бывало случаевъ, быть можетъ и рѣдкихъ, что туда пропускали даже завѣдомо негодныхъ офицеровъ, лишь бы отъ нихъ отдѣлаться? Съ другой стороны, при значительномъ штатѣ обучающихся въ академіи и недостаточномъ числѣ профессоровъ и штабъ-офицеровъ, трудно предполагать, чтобы офицеры могли быть хорошо извѣстны академическому начальству. Въ результатѣ—выпускъ въ Генеральный Штабъ обусловливается исключительно удачными экзаменными отмѣтками, да работами дополнительнаго курса, успѣхъ каковыхъ, какъ будетъ указано ниже, тоже часто зависитъ отъ случайности. Нельзя не признать, что однѣхъ этихъ испытаній—совершенно еще недостаточно, чтобы считать офицера годнымъ къ отвѣтственной и сложной службѣ Генеральнаго Штаба.

4) Послѣдствія принятой въ академіи экзаменной системы усугубляются еще и общею неуравновѣшенностью курса по времени и въ смыслѣ значенія отдѣльныхъ предметовъ: на $2^1/_2$ года выпадаетъ черезчуръ большой матеріалъ для усвоенія, что выше силъ „средняго“ человѣка, каковымъ, въ большинствѣ случаевъ, является поступающій, тѣмъ болѣе, что офицеры нерѣдко хромаютъ и по части общей подготовки и развитія.

И, если мы къ этому прибавимъ изнурительность экзаменной системы и огромное число цифръ и прочаго матеріала, излишне обременяющаго память, то станетъ понятнымъ, почему академія такъ калѣчитъ многихъ въ физическомъ отно-

шеніи и выпускаетъ въ Генеральный Штабъ немало офицеровъ съ подорванными уже силами, что въ будущемъ часто увеличивается вслѣдствіе нездороваго сидячаго образа жизни.

Но послѣдствія такого обремененія сказываются не только на здоровьѣ, но и на степени усвоенія академическаго курса:

Наряду съ предметами первой необходимости, въ академіи существуютъ и другіе, далеко не имѣющіе этого значенія; наконецъ, есть и такіе, въ коихъ даже и нѣтъ прямой надобности и которые, притомъ проходятся кое-какъ. Поэтому въ результатѣ голова обучающагося переполняется многими и весьма разнообразными знаніями, перевариваемыми не достаточно хорошо, такъ что наиболѣе существенное, за массою воспринятаго матеріала, усваивается не въ должной степени.

Наконецъ,—5) Значительная разница во взглядахъ большинства профессоровъ на многіе важные, а иногда и основные, вопросы военнаго дѣла, что надо объяснить недостатками академической подготовки, отсутствіемъ направляющей школы на службѣ и случайностью комплектованія профессорскаго состава. Въ свою очередь, это ведетъ къ разности въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ обучающимся, что особенно рѣзко сказывается на дополнительномъ курсѣ, успѣхъ окончанія котораго носитъ зачастую совершенно случайный характеръ и вынуждаетъ офицеровъ „подлаживаться“ и „подгонять“ свои работы подъ личныя требованія и вкусы профессоровъ; наконецъ, самое главное,—во многомъ обусловливаетъ отсутствіе необходимаго единства взгля-

довъ на принципіальные военные вопросы, которое офицеры приносятъ и въ дальнѣйшую службу.

Изложенные важнѣйшіе недочеты въ постановкѣ академіи подсказываютъ и тѣ общія мѣры, которыя должны быть приняты для пользы дѣла; эти мѣры заключаются въ слѣдующемъ:

1) Прежде всего надо окончательно установить задачи академіи, т. е. быть-ли ей аппликаціонной школой, или-же являться разсадникомъ высшаго военнаго образованія въ арміи вообще, т. е. заведеніемъ болѣе универсальнаго характера. Какъ было сказано выше, при всей желательности обратить академію въ специальную школу для подготовки къ службѣ Генеральнаго Штаба, цѣль эту невозможно осущѣствить въ настоящее время вполнѣ и такимъ образомъ совершенно отрѣшиться отъ общихъ задачъ; поэтому нѣкоторая нежелательная двойственность назначенія академіи невольно должна быть допущена впредь до основанія высшихъ военныхъ школъ. Но изъ этого отнюдь еще не сдѣдуетъ, чтобы академія продолжала-бы носить такой-же неустойчивый характеръ, какъ и въ настоящее время. Нужно оттѣнить въ законѣ, что главная задача академіи—подготовка къ службѣ Генеральнаго Штаба, а второстепенная (другого значенія въ настоящее время быть не можетъ)—посильное содѣйствіе къ распространенію въ арміи военныхъ познаній вообще; для того-же, чтобы послѣдняя достигала своего назначенія, слѣдуетъ лучше обставить условія службы въ строю по отношенію тѣхъ офицеровъ, которые, съ окончаніемъ академіи, возвращаются въ войска. И эти требованія за-

кона должны проводиться въ жизнь всецѣло, отбросивъ личныя вліянія и разницу во взглядахъ. Но, повторяю, эта двойственность въ назначеніи академіи должна быть только временной и съ учрежденіемъ высшихъ военныхъ школъ, —она должна отпасть и уступить мѣсто исключительно спеціальной подготовкѣ къ службѣ Генеральнаго Штаба.

2) Исходя изъ этихъ соображеній, должны быть выработаны и проведены въ жизнь общія основы всѣхъ академическихъ курсовъ, т. е. назначеніе каждаго изъ нихъ, размѣръ, характеръ прохожденія и т. д. И пусть все это будетъ опредѣленно установлено закономъ, отмѣнять или дополнять который можно будетъ только такимъ-же, закономъ опредѣленнымъ порядкомъ, а отнюдь не какимъ либо циркуляромъ или соотвѣтственнымъ распоряженіемъ болѣе частнаго характера; совершенно невозможно ставить это дѣло въ зависимость отъ случайности, въ видѣ личныхъ взглядовъ начальника академіи, академической конференціи, или-же самихъ профессоровъ.

Постановка академическихъ курсовъ выдвигаетъ на сцену и вопросъ о комплектованіи профессорскаго состава.

Что надо сдѣлать въ этомъ отношеніи? Вѣдь, подходящіе и способные люди у насъ несомнѣнно есть, но нужно ихъ умѣть извлечь, дать возможность подготовиться и обставить въ служебномъ и матеріальномъ отношеніи настолько хорошо, чтобы они могли вполнѣ сосредоточиться на своей спеціальности и посвятить ей всѣ свои силы, не озабочиваясь уже инымъ служебнымъ устройствомъ. Выгодно-ли будетъ для дѣла если, на-

примѣръ, профессоръ, въ погонѣ за матеріальнымъ обезпеченіемъ, будетъ разбрасываться, отрываться для исполненія всякихъ строевыхъ цензовъ, или думать и хлопотать о своемъ будущемъ? Полагаю, что нѣтъ; что-же касается до необходимаго время отъ времени соприкосновенія съ войсками, то слѣдуетъ устраивать для нихъ особыя обязательныя прикомандированія къ послѣднимъ, которыя, однако, не должны давать имъ права на переходъ въ строй и стѣснять ихъ въ смыслѣ выбора времени; съ такою-же цѣлью, а также въ видахъ совершенствованія по своей спеціальности, профессорамъ должны быть предоставляемы и служебныя командировки заграницу.

Слѣдовательно, вопросъ о профессорскомъ составѣ сводится къ предоставленію возможности подготовки къ этому званію, къ тщательному выбору офицеровъ и оцѣнкѣ ихъ работъ, и, наконецъ, къ соотвѣтствующей матеріальной и служебной обстановкѣ. Надо принять, что наличіе слабаго профессорскаго состава составляетъ непроизводительный расходъ для арміи, а потому слѣдуетъ обезпечивать его во всѣхъ отношеніяхъ возможно лучше, не останавливаясь передъ затратами, которыя окупятся сторицею.

Все это является тѣмъ болѣе важнымъ, что на обязанности профессоровъ лежитъ не только преподаваніе извѣстныхъ предметовъ, но и разработка ихъ, своевременное, правильное и широкое освѣщеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ военнаго дѣла и, наконецъ, умѣлое использованіе изученныхъ матеріаловъ въ смыслѣ извлеченія изъ нихъ выводовъ, которые шли-бы на пользу и поученіе арміи.

Но все это сдѣлается возможнымъ во первыхъ тогда, когда дѣятельность профессорскаго состава будетъ регулироваться и направляться начальникомъ академіи и, во вторыхъ,—когда принятая система замѣстительства профессоровъ будетъ вполнѣ обезпечивать ихъ соотвѣтственность и достаточное число. Изъ этого вытекаетъ необходимость того, чтобы начальникъ академіи являлся-бы лицомъ, обладающимъ, по возможности, высокимъ военно-научнымъ авторитетомъ, и чтобы число профессоровъ въ академіи было-бы возможно большее; послѣднее будетъ полезно и въ томъ отношеніи, что облегчитъ профессорамъ самый процессъ преподаванія, такъ какъ на каждаго изъ нихъ придется меньшее число слушателей.

Въ вопросѣ о комплектованіи профессорскаго состава у насъ существуютъ два направленія: одни находятъ необходимымъ имѣть постоянный составъ, т. е. профессорскую корпорацію, состоящую изъ офицеровъ—спеціалистовъ по извѣстнымъ предметамъ, или отраслямъ военнаго дѣла, тѣсно связанныхъ съ академіей; другіе, наоборотъ,—считаютъ существованіе такой корпораціи нежелательной и подаютъ голосъ за постоянное освѣженіе профессорскаго состава путемъ привлеченія для преподаванія въ академіи офицеровъ, состоящихъ на службѣ въ разныхъ Штабахъ. Трудно разрѣшить этотъ вопросъ въ совершенно категорической формѣ; мнѣ кажется, что оба эти способа имѣютъ свои выгоды и недостатки; съ своей стороны, высказываясь за сохраненіе корпораціи профессоровъ, я тѣмъ не менѣе нахожу необходимымъ, чтобы, наряду съ

этимъ, академія пользовалась и услугами тѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, которые хотя и не имѣютъ необходимыхъ научныхъ цензовъ, но заявятъ себя на службѣ отличными спеціалистами извѣстнаго дѣла; и такіе офицеры, разъ они допущены къ чтенію лекцій, должны пользоваться въ академической конференціи такими-же правами, какъ и всѣ остальные профессора. Отъ уничтоженія-же профессорской корпораціи, полагаю, должна удерживать современная постановка службы офицеровъ Генеральнаго Штаба, весьма мало отвѣчающая своей спеціальности вообще, и отличающаяся, при этомъ, крайней неустойчивостью, въ смыслѣ постоянныхъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи.

3). Курсъ академіи желательно увеличить по крайней мѣрѣ до 3-хъ полныхъ лѣтъ, что уничтожитъ существующую въ настоящее время излишнюю форсированность въ его прохожденіи и дастъ офицерамъ возможность больше думать и углубляться въ изученіе основъ военнаго искусства и въ ихъ наилучшее примѣненіе къ дѣлу.

4) Но и этого времени не хватитъ для основательнаго изученія всего необходимаго. Въ академіи, наряду съ предметами первой важности, существуютъ и нѣкоторые такіе, въ которыхъ нѣтъ прямой надобности; эти послѣдніе, при общемъ огромномъ объемѣ академическаго курса и форсированности его прохожденія, не приносятъ пользы и только даромъ отбиваютъ время отъ предметовъ насущнаго значенія; что и говорить, конечно, желательно дать офицерамъ возможность пополнить свое образованіе, но это можетъ имѣть мѣсто лишь въ такомъ случаѣ,

если отъ такого осложненія курса не будетъ страдать спеціальная подготовка.

Къ этимъ предметамъ надо отнести русскій и иностранные языки, политическую исторію и международное право.

Прохожденіе русскаго языка желательно совсѣмъ отмѣнить и всѣ необходимыя требованія перенести на пріемные экзамены. Совершенно тоже и относительно иностранныхъ языковъ: поступивъ въ академію, поздно уже совершенствоваться въ нихъ, да это и не дѣло академіи, а каждаго офицера въ отдѣльности. Поэтому я полагалъ-бы и требованія по иностраннымъ языкамъ отнести также къ пріему.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимы мѣры, направленныя къ облегченію изученія иностранныхъ языковъ желающими офицерами въ арміи вообще, напримѣръ, въ видѣ учрежденія особыхъ курсовъ при окружныхъ штабахъ;*) при этомъ на курсахъ этихъ желательно проходить тѣ языки, которые могутъ быть наиболѣе пригодны въ томъ или другомъ округѣ; напримѣръ, въ округахъ Дальняго Востока умѣстны будутъ японскій, китайскій и англійскій языки и т. д.

Должна быть исключена изъ спеціальнаго курса и политическая исторія, которую офицеры могутъ изучать самостоятельно и являться уже вполнѣ подготовленными по ней къ вступительнымъ экзаменамъ. Международное право нужно въ академіи; но достаточно проходить его на одномъ только курсѣ.

*) Кажется таковые и существуютъ уже въ одномъ изъ западно-пограничныхъ округовъ.

Наконецъ, слѣдуетъ до minimum'а сократить занятія по ситуаціи; лучше предъявлять необходимыя требованія при пріемѣ, тогда академіи остается только нѣсколько напрактиковать офицеровъ въ этомъ отношеніи.

За счетъ получающейся такимъ образомъ экономіи во времени, слѣдовало-бы увеличить полевыя практическія занятія верхомъ, которыхъ недостаточно, а также установить особый спеціальный курсъ службы Генеральнаго Штаба.

Помимо всего этого, какъ мнѣ кажется, слѣдовало-бы и нѣсколько измѣнить академическія программы по нѣкоторымъ важнѣйшимъ предметамъ, а именно:

По стратегіи. Желательно расширить курсъ введеніемъ въ него изслѣдованій о наиболѣе поучительныхъ стратегическихъ операціяхъ новѣйшаго времени, что будетъ знакомить слушателей съ современными способами веденія военныхъ дѣйствій. Тоже слѣдуетъ сказать о горной и степной войнѣ, а равно и объ операціяхъ смѣшаннаго характера; эти вопросы желательно освѣтить въ стратегіи возможно шире. Что касается, въ частности, до совмѣстныхъ дѣйствій съ флотомъ, то я даже склоняюсь къ тому, чтобы въ академіи былъ-бы установленъ особый курсъ военно-морского дѣла, сколько знаю, одно время и существовавшій въ академіи. Дѣло это—сложное и важное, и разъ мы имѣемъ боевой флотъ, необходимо и соотвѣтствующее съ нимъ знакомство; къ тому-же у насъ и безъ того связь съ моряками весьма слаба и мы зачастую мало понимаемъ другъ друга въ совмѣстныхъ занятіяхъ и дѣйствіяхъ; поэтому, нѣкоторая теоретическая

подготовка офицеровъ Генеральнаго Штаба въ этомъ отношеніи необходима и пойдетъ навстрѣчу морякамъ, которые за послѣднее время начинаютъ, съ своей стороны, сознавать необходимость ознакомленія съ воено-сухопутнымъ дѣломъ и больше имъ интересуются.

Тактика. Здѣсь нужна болѣе современная постановка на основаніи опыта послѣднихъ войнъ; кромѣ того, слѣдуетъ облегчить курсъ этого предмета отъ излишнихъ требованій уставного характера. Необходимо, наконецъ, поставить преподаваніе тактики въ полную связь съ инженернымъ и артиллерійскимъ дѣломъ, которая должна заключаться въ слѣдующемъ: тактика даетъ основы и предъявляетъ свои требованія къ этимъ отдѣламъ военнаго искусства, которыя онѣ и должны осуществлять наилучшими современными средствами. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто дружной, рука объ руку, работы, у насъ всегда будетъ на лицо чужданіе и полная невязка всѣхъ этихъ спеціальностей, что такъ замѣтно сказывается въ настоящее время.

Военная исторія и исторія военнаго искусства. Прохожденіе этихъ предметовъ, какъ мнѣ кажется, не достаточно урегулировано и иногда трудно даже понять, въ чемъ заключается практическая разница между способами ихъ преподаванія.

По военной исторіи слѣдовало-бы изучать большее число компаній новѣйшаго времени, причемъ проходить послѣднія не сплошь, а только извѣстныя, болѣе характерныя и поучительныя, въ томъ или иномъ отношеніи, операціи и эпизоды.

Въ Исторіи военнаго искусства необходимо перенести центръ тяжести курса на болѣе новыя войны, начиная подробное изученіе ея Наполеоновской эпохой и заканчивая, по возможности, самыми послѣдними войнами; всю-же древнюю, среднюю и новую исторію, до Фридриха Великаго включительно, проходить лишь въ общихъ чертахъ, оттѣняя только важнѣйшія историческія эпохи и этапы развитія военнаго искусства. Особый курсъ русской военной исторіи—совершенно необходимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно обставить изученіе этихъ предметовъ офицерами наиболѣе плодотворно, для чего слѣдуетъ возможно облегчать память послѣднихъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ ихъ усилія были обращены на суть дѣла, разборъ и соотвѣтственное освѣщеніе фактической стороны; основательное знакомство съ этими предметами должно вырабатывать въ офицерахъ способность вполнѣ сознательно оцѣнивать военныя явленія и пріучать ихъ къ самостоятельнымъ и, притомъ, практическимъ выводамъ.

Курсъ военной географіи или статистики прежде всего слѣдуетъ обставить такимъ образомъ, чтобы прохожденіе его не создавало въ умѣ офицеровъ какихъ-либо иллюзій по сравненію съ дѣйствительностью, а также не грѣшило-бы въ смыслѣ односторонности, особенно по отношенію къ оцѣнкѣ мѣстныхъ условій; прежде случалось и то и другое и нерѣдко оказывалось, что многое изъ усвоеннаго въ академіи, во первыхъ, совершенно не отвѣчало дѣйствительности, а, во вторыхъ,—способствовало образованію особой вѣры въ разныя позиціи, преграды, оборонительныя линіи и т. д. Нужно обратить на это особое вни-

маніе и не пріучать офицеровъ къ понятіямъ о преувеличенномъ значеніи мѣстныхъ условій, что можетъ отзываться очень вредно въ дальнѣйшемъ; у насъ и безъ того ужъ въ войскахъ существуетъ неодолимое тяготѣніе къ позиціямъ, оборонительнымъ дѣйствіямъ и т. д.

Курсы администраціи, геодезіи и астрономіи въ настоящее время значительно сокращены и потому о нихъ распространяться не приходится.

Наконецъ, преподаваніе артиллеріи и фортификаціи должно быть вполнѣ пріурочено къ современному положенію артиллерійскаго и военно-инженернаго дѣла, и, кромѣ того, стоять въ полной связи съ прохожденіемъ тактики, о чемъ было сказано выше.

4) Характеръ прохожденія академическаго курса вообще; въ этомъ отношеніи, я полагаю, нужно имѣть въ виду слѣдующее:

а) Экзаменный способъ, какъ сказано выше, не можетъ служить достаточнымъ и единственнымъ мѣриломъ для оцѣнки знаній; поэтому, если ужъ невозможно совершенно отрѣшиться отъ него, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ возможно парализовать его наиболѣе вредныя стороны—ненадежность знаній, случайность и неравномѣрность оцѣнки; я полагаю, что въ этомъ отношеніи будетъ полезно: наличіе большого числа профессоровъ, которое обусловитъ меньшую численность слушателей на каждаго изъ нихъ, а, слѣдовательно, и большее знаніе ими офицеровъ; установленіе въ теченіе каждаго курса нѣсколькихъ частныхъ экзаменовъ (репетицій), хотя-бы по важнѣйшимъ только предметамъ, что будетъ вести къ уменьшенію случайности; наконецъ,—произ-

водство всѣхъ испытаній и экзаменовъ комиссіоннымъ путемъ, что болѣе обезпечитъ равномѣрность оцѣнки. Затѣмъ, самый характеръ всякаго испытанія долженъ быть чуждъ теперешнихъ экзаменныхъ оффиціальностей и обычаевъ; не нужно гоняться за гладкимъ и продолжительнымъ разсказомъ, излюбленными пунктиками и работою памяти. Экзаменъ долженъ имѣть скорѣе характеръ разговора коммисіи или профессора съ офицеромъ, изъ котораго они выносили-бы правильное понятіе о знаніяхъ послѣдняго; я думаю совершенно излишней является и принятая на экзаменахъ система спрашиванія по вытянутымъ билетамъ, что какъ-бы обусловливаетъ обязательство выслушивать его содержаніе, хотя-бы и мало поучительное въ смыслѣ провѣрки знаній.

б) При прохожденіи предметовъ, въ особенности важнѣйшихъ изъ нихъ, помимо фактическаго ихъ усвоенія, надо добиваться преимущественно практическихъ результатовъ, а именно—самостоятельности и самодѣятельности въ работѣ. Изучить въ той или иной степени матеріалы въ видѣ фактовъ, чужихъ мнѣній и выводовъ,—не такъ-то ужъ трудно; это можетъ сдѣлать почти всякій; важно, облегчивъ память офицера, стремиться вызывать его на размышленія, вырабатывать въ немъ привычку углубляться въ суть предмета, охватывая его возможно всесторонне и дѣлать свои обобщенія и выводы, т. е. пріучать къ вдумчивости и самостоятельной работѣ. Профессорамъ-же и преподавателямъ необходимо возможно отрѣшаться отъ своихъ любимыхъ пунктовъ и коньковъ и быть болѣе терпимыми къ чужому мнѣнію, памятуя, что всякій оргинальный

умъ, и нашъ русскій, быть можетъ, больше, чѣмъ всякій иной, не склоненъ слѣдовать по протореннымъ уже путямъ, а искать своихъ собственныхъ; нужно имѣть въ виду, что слушатели очень хорошо разбираются во всѣхъ личныхъ требованіяхъ и вкусахъ своихъ руководителей и естественно стремятся подлаживаться подъ нихъ въ надеждѣ получить лучшія отмѣтки.

Еще одно замѣчаніе относительно характера прохожденія нѣкоторыхъ курсовъ: въ настоящее время, какъ извѣстно, техника получаетъ все большее и большее примѣненіе въ военномъ дѣлѣ; и это знаменательное явленіе не должно быть упущено академіей; нужно зарождать среди офицеровъ и наталкивать ихъ на мысли о современныхъ и даже будущихъ вѣроятныхъ тактическихъ средствахъ и ихъ возможномъ вліяніи на военное дѣло.

в) На дополнительномъ курсѣ необходимо, чтобы всѣ офицеры были-бы поставлены въ возможно равныя условія въ смыслѣ величины полученной работы, самостоятельности ея исполненія и, наконецъ, оцѣнки.

Для этого нужно: давать темы болѣе или менѣе одинаковаго объема, ибо значительная въ этомъ отношеніи несоразмѣрность задачъ, требуя разнаго времени и труда, несомнѣнно отразится и на успѣхѣ ихъ выполненія. Затѣмъ—самостоятельность работъ; здѣсь необходимо строго преслѣдовать всякую, даже самую незначительную, степень посторонняго участія въ работѣ, за что офицеръ долженъ быть удаляемъ изъ академіи безъ права обратнаго поступленія; кромѣ того, помимо оцѣнки умѣнія справиться съ изученіемъ

матеріала, нужно особенно оттѣнять въ офицерѣ способность дѣлать самостоятельные выводы и заключенія; поэтому слѣдуетъ избѣгать давать темы, совершенно затасканныя и пережеванныя военной литературой; въ такой работѣ будетъ мало мѣста для какихъ-либо проявленій самостоятельности, а это-то и должно цѣниться выше всего.

Наконецъ, возможная равномѣрность въ оцѣнкѣ работъ дополнительнаго курса. Соблюсти это— крайне трудно при большой разницѣ на многіе, иногда принципіальные, вопросы военнаго дѣла, которая существуетъ у насъ среди офицеровъ Генеральнаго Штаба вообще; внести большее однообразіе въ этомъ отношеніи могутъ только: правильная и устойчивая постановка академическихъ курсовъ, болѣе надежная система комплектованія профессорскаго состава и регулирующее вліяніе начальника академіи. Изъ остальныхъ мѣръ для уменьшенія случайности въ оцѣнкѣ работъ послѣдняго курса можно рекомендовать только комиссіонный способъ ихъ оцѣнки.

Наконецъ 5) Установленіе болѣе надежныхъ гарантій въ пріемѣ и выпускѣ дѣйствительно лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ офицеровъ. Я полагаю, что значительную поправку въ существующіе способы отбора болѣе способныхъ и подходящихъ офицеровъ можетъ внести слѣдующее:

Условія пріема въ академію обусловливать не только успѣшно выдержаннымъ экзаменомъ, но и полученіемъ отличной аттестаціи и притомъ какъ начальнической, такъ и товарищеской, что будетъ больше гарантировать ея соотвѣтственность. Затѣмъ, въ академіи необходимо имѣть бóльшій

по числу и строго подобранный составъ академическихъ штабъ-офицеровъ, на обязанности которыхъ, между прочимъ, должно лежать и оцѣнка служебныхъ качествъ офицеровъ своей группы; въ виду этого, число послѣднихъ не должно превышать двадцати, примѣрно, человѣкъ, на одного штабъ-офицера; этимъ будетъ достигаться бóльшее знаніе штабъ-офицерами своихъ подчиненныхъ. Слѣдуетъ учредить въ академіи и свой офицерскій судъ изъ нѣсколькихъ выбранныхъ штабъ-офицеровъ и лицъ перемѣннаго состава (старшаго или дополнительнаго курса).

Наконецъ, тѣмъ-же цѣлямъ будутъ отвѣчать: усовершенствованія въ академическихъ курсахъ вообще, система оцѣнки знаній путемъ установленія репетицій, а также постановка работъ дополнительнаго класса въ возможно болѣе равныя для всѣхъ условія.

Заканчивая этимъ объ академіи, я хочу указать на сохранившееся до сихъ поръ несправедливое преимущество въ чинѣ, которое получаютъ при переводѣ въ Генеральный Штабъ офицеры Гвардіи, по сравненію съ армейскими. Конечно, это обусловливается общимъ привиллегированнымъ положеніемъ гвардіи, но, даже учитывая это, казалось, что гдѣ гдѣ, но въ академіи нельзя допускать такого неравенства и жертвовать интересами большинства въ пользу меньшаго числа гвардейцевъ; поэтому, разрѣшеніе вопроса о старшинствѣ при выпускѣ надо ставить въ исключительную зависимость отъ успѣха окончанія академіи.

Изъ всего изложеннаго видно, что въ постановкѣ академіи Генеральнаго Штаба есть много

серіозныхъ недостатковъ и что это вызываетъ необходимость въ принятіи ряда мѣръ большого значенія.

Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, несмотря на это, все-же академія даетъ съ своей стороны офицерамъ, особенно способнымъ и трудящимся, необходимыя основы высшаго военнаго образованія и импульсъ для дальнѣйшаго ихъ развитія.

Совсѣмъ ужъ не то приходится сказать про служебную обстановку нашего Генеральнаго Штаба.

Постановка и прохожденіе службы Генеральнаго Штаба.

Служба нашего Генеральнаго Штаба обставлена весьма несовершенно. Здѣсь прежде всего приходится отмѣтить, что у насъ до сихъ поръ еще не разобрались въ функціяхъ Генеральнаго Штаба, которыя смѣшиваются обыкновенно со штабными; нѣтъ и необходимой оффиціальной регламентаціи службы Генеральнаго Штаба, а взамѣнъ этого существуютъ лишь частныя указанія, касающіяся полевой и Штабной службы, да и то крайне неполныя, отрывочныя и разбросанныя ктому - же по многимъ законоположеніямъ. Это-то обстоятельство и является основною причиною того, что постановка службы генеральнаго штаба совсѣмъ не отвѣчала своему главному назначенію—подготовкѣ къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

И если къ этому прибавить отсутствіе до послѣдняго времени самостоятельнаго органа, вѣдающаго подготовкою къ войнѣ, да установившуюся на практикѣ удивительную универсальность службы Генеральнаго Штаба, то станетъ яснымъ, что собственно корпуса офицеровъ этого

рода службы, въ полномъ значенiи слова,—у насъ вовсе нѣтъ; вмѣсто него есть весьма значительное число офицеровъ, хотя и получившихъ специальную подготовку, но, по своему служебному положенiю, имѣющихъ мало общаго съ цѣлями службы Генеральнаго Штаба.

До учрежденiя въ 1905 году Главнаго Управленiя Генеральнаго Штаба, дѣломъ подготовки къ войнѣ вѣдалъ въ сущности Главный Штабъ,— центральное учрежденiе и безъ того достаточно перегруженное различными обязанностями. И нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что, при отсутствiи особыхъ специальныхъ органовъ и при нашей обычной несвязанности въ дѣйствiяхъ, цѣльной и объединенной чѣмъ-либо подготовки къ войнѣ и быть не могло. Что-же касается до мѣстныхъ Штабовъ и Управленiй, то таковые являлись настолько несамостоятельными въ смыслѣ правъ и средствъ, что отъ нихъ невозможно было и ожидать многаго въ этомъ отношенiи.

Такимъ образомъ, въ общемъ, выходило, какъ будто-бы, что подготовкой къ войнѣ, въ сущности и заниматься было некому; немудренно поэтому, что она и страдала у насъ такъ притомъ не въ первый разъ, а—чуть-ли не хронически.

Что-же можно сказать про современную постановку службы нашего Генеральнаго Штаба вообще?

Направленiе этой службы, какъ извѣстно, главнымъ образомъ протекающей въ различныхъ штабахъ и управленiяхъ, не только не поддерживаетъ и развиваетъ необходимыхъ въ офицерѣ познанiй, но безусловно глушитъ ихъ путемъ канцелярскаго преимущественно труда и отчужде-

нія отъ войскъ и всякаго живого дѣла. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, служебная обстановка складывается такимъ образомъ, что офицеры Генеральнаго Штаба мало, а иногда и совсѣмъ не работаютъ по своему прямому назначенію, и, наоборотъ, весьма много времени посвящаютъ чуждому имъ по духу канцелярскому дѣлу. Разумѣется, это кладетъ свой отпечатокъ на офицеровъ, изъ среды которыхъ выходитъ, относительно, немного хорошихъ строевыхъ и штабныхъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, дѣятелей, мало людей, занимающихся военно-научными трудами и много работниковъ канцелярскаго и отчетнаго склада.

При такой постановкѣ службы не можетъ быть, конечно, и соотвѣтствующей школы, направленія, службы Генеральнаго Штаба; всѣ частныя въ этомъ направленіи попытки обыкновенно оканчиваются неудачей, а всѣ требованія и распоряженія высшихъ инстанцій являются лишь мертвой буквой. Конечно, этому способствуютъ и сами начальствующія лица, среди которыхъ только изрѣдка можно встрѣтить людей, хорошо понимающихъ и способныхъ дирижировать тонкой и трудной службой этого рода.

Что-же касается до строя, то тамъ уже совершенно не имѣютъ правильнаго понятія о службѣ Генеральнаго Штаба, о томъ, что можно и должно отъ него требовать; поэтому на офицеровъ Генеральнаго Штаба въ строю смотрятъ преимущественно какъ на штабныхъ работниковъ, людей „нужныхъ“ и близкихъ къ начальству.

При этихъ условіяхъ, почти отсутствуетъ служебный контроль и разныя мѣры воздѣйствія

и поощренія; въ общемъ, выходитъ, что каковъ ты ни есть и ни будешь, но разъ благополучно окончилъ академію, то удовлетворительная служебная карьера тебѣ, за рѣдкими исключеніями, обезпечена, слѣдовательно, можно и рукой махнуть. И на дѣлѣ со многими такъ и бываетъ.

Поэтому, нашъ офицеръ Генеральнаго Штаба обыкновенно является вполнѣ предоставленнымъ самому себѣ и, если у него остаются стремленія и интересъ къ дѣлу, то это скорѣе частный случай, счастливое исключеніе; большинство-же, болѣе или менѣе опускается, отвыкаетъ отъ войскъ, полевого и военно-научнаго дѣла и совершенно не оправдываетъ тѣхъ значительныхъ привиллегій, которыми пользуется служба Генеральнато Штаба вообще. Эти послѣднія, впрочемъ, касаются обыкновенно всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ равной степени и потому и здѣсь, какъ и въ строю, лучшіе офицеры мало поощряются; все нивеллируется подъ одинъ уровень, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, едва-ли, не больше, чѣмъ въ строю.

Помимо всего этого, прохожденіе службы Генеральнаго Штаба, является совершенно не урегулированнымъ. Дѣйствительно: въ послѣдовательности назначеній на должности трудно замѣтить какую-либо опредѣленную систему; и если прежде въ этомъ отношеніи болѣе строго соблюдалось старшинство и требованіе начинать службу съ должностей, ближайшихъ къ войскамъ, то теперь нѣтъ и этого: постоянныя безпричинныя обскакиванія, легкость и быстрота „порханій“ съ одной должности на другую и, наконецъ, „самоустройство“, какъ отправная точка зрѣнія на вся-

кое служебное назначеніе—вотъ характернѣйшія данныя настоящаго прохожденія службы Генеральнаго Штаба. А такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ законъ, или установившіяся традиціи, клонятъ въ сторону занятія большого числа разныхъ должностей и отбытія всякаго вида цензовъ, то въ результатѣ послужные списки многихъ нашихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба представляютъ собою какіе-то калейдоскопы самыхъ разнообразныхъ и быстро смѣняющихъ другъ друга назначеній, прикомандированій и т. д.

Все это въ общемъ производитъ впечатлѣніе безсистѐмности въ прохожденіи службы Генеральнаго Штаба и способствуетъ недостаточной ея продуктивности.

И, вѣроятно, поэтому-то даже на высшихъ должностяхъ часто являются у насъ люди малознающіе, непрактичные и притомъ не только въ строевомъ обиходѣ, но и въ Штабномъ. Отсюда—обычная неопредѣленность и шаткость руководящихъ указаній, которыхъ такъ не любятъ въ войскахъ; кромѣ того—полное неумѣніе направлять работу ближайшихъ сотрудниковъ, выражающееся или въ несообразованіи (въ ту или другую сторону) служебныхъ требованій съ силами послѣднихъ, или-же въ сваливаніи всѣхъ обязанностей, въ томъ числѣ и своихъ собственныхъ, на ихъ голову. И все это, конечно, понятно—не имѣя должнаго представленія и практики въ основахъ и черновой работѣ,—на однихъ „общихъ“ указаніяхъ далеко не уйдешь!

Въ общемъ, это приводитъ къ тому, что важнѣйшіе иной разъ вопросы приходится разрѣшать безъ направляющей руки начальника людямъ, относительно, маленькимъ и не компетентнымъ въ этомъ.

Изъ всего сказаннаго надо заключить, что нашъ Генеральный Штабъ, не гарантируя хорошаго, въ полномъ значенiи этого слова, Штабнаго состава, еще менѣе подготовляетъ офицеровъ къ занятiю разныхъ строевыхъ должностей. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь даже наилучшимъ образомъ пройденная штабная школа не обезпечитъ еще службѣ хорошаго командира; характеръ штабной и строевой службы настолько разнятся другъ отъ друга, въ особенности въ примѣненiи къ нашему военному укладу, что офицеръ Генеральнаго Штаба, въ общемъ, имѣетъ мало шансовъ сдѣлаться строевымъ начальникомъ, вполнѣ отвѣчающимъ своему назначенiю; и въ положительныхъ случаяхъ это надо объяснять личными достоинствами того или другого офицера, а никакъ не предшествующимъ прохожденiемъ службы.

Въ значительной степени зараженъ нашъ Генеральный Штабъ карьеризмомъ. И, конечно, при наличiи протекцiи, никакая другая академiя и никакой другой родъ службы не дадутъ такой блестящей карьеры какъ Генеральный Штабъ. Поэтому-то наша академiя и родъ службы въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ другiе, притягиваютъ къ себѣ людей, имѣющихъ связи.

Но и помимо этого явленiя, столь распространеннаго у насъ повсюду, многiе офицеры Генеральнаго Штаба, брезгуя должностями, требующими большого труда и черновой работы, всяческими способами стремятся устраиваться на заманчивыхъ и привеллигированныхъ мѣстахъ. Я не говорю уже о томъ, что часть офицеровъ, ради служебныхъ и матерiальныхъ выгодъ, переходитъ на должности, не только ничего общаго

со службою Генеральнаго Штаба не имѣющія, но даже и не военныя по характеру ихъ дѣятельности; и это, однако, не препятствуетъ имъ въ свое время получать болѣе высшія назначенія по Штабной и строевой службѣ.

Съ другой стороны, протекціонизмъ, въ связи съ характеромъ прохожденія и направленія службы Генеральнаго Штаба, часто выдвигаютъ у насъ впередъ не людей дѣла, а бойкихъ на словахъ, легкихъ и удобныхъ въ общежитіи; создаются дутыя репутаціи, которыя совершенно не оправдываются, что и сказывается при первомъ же соприкосновеніи съ серіознымъ дѣломъ. Отсюда— обиліе въ людяхъ „подающихъ надежды" и бѣдность—въ дѣйствительно полезныхъ работникахъ, которые, къ тому же, зачастую употребляются не сообразно съ ихъ способностями и склонностями.

Нѣтъ у насъ, наконецъ, и необходимой спеціализаціи службы Генеральнаго Штаба, т. е. предоставленіе правъ и возможности офицерамъ, чувствующимъ извѣстное призваніе, всецѣло посвятить себя ему.

При такой постановкѣ и направленіи службы Генеральнаго Штаба, присущія ей служебныя привиллегіи, вполнѣ справедливыя по существу, часто оказываются на дѣлѣ далеко не оправдываемыми. А это вызываетъ иногда справедливыя нареканія и сѣтованія офицеровъ другихъ родовъ службы, особенно строевыхъ.

И, надо сказать правду, нашъ Генеральный Штабъ, отчужденный отъ строя и не въ мѣру надѣленный большими служебными преимуществами, не имѣетъ связи съ войсками, не заслуживаетъ ихъ довѣрія и потому мало популяренъ среди нихъ.

Этому недовѣрію и даже недоброжелательности по отношенію къ нашему Генеральному Штабу, отчасти, способствуютъ: отсутствіе простоты въ обращеніи, подчеркиваніе, при случаѣ, своего привиллегированнаго положенія и склонность считать себя чуть ли не оракулами въ рѣшеніи разныхъ военныхъ вопросовъ, наблюдаемыя среди нѣкоторой части офицеровъ Генеральнаго Штаба. Въ послѣднее время все это, впрочемъ, какъ будто-бы болѣе сглаживается и разныя нелестныя для Генеральнаго Штаба клички („моменты" и т. д.) какъ бы забываются.

Въ строю обыкновенно хорошо распознаютъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, всегда оцѣнятъ достойнаго и отдадутъ ему все должное; но въ томъ-то и дѣло, что это, къ сожалѣнію, не бываетъ общимъ явленіемъ и нѣкоторые офицеры Генеральнаго Штаба нерѣдко заставляютъ сомнѣваться въ соотвѣтствіи ихъ привилегированнаго положенія съ ихъ личными и служебными достоинствами.

Такимъ былъ нашъ Генеральный Штабъ въ мирное время и, разумѣется, такимъ-же заявилъ себя и на войнѣ.

Въ общемъ, приходится сказать, что большинство нашихъ Штабовъ работало не сноровисто, недостаточно быстро и практично, мало продуктивно, сравнительно съ ихъ силами (въ большихъ Штабахъ) и много времени отдавало привычному письменному дѣлу въ ущербъ полевому. Было, конечно, много блестящихъ боевыхъ офицеровъ, справедливо получившихъ общую извѣстность, но были и такіе, будемъ надѣяться какъ исключенія, которые прямо таки оказыва-

лись непригодными и неподготовленными къ своему дѣлу.

Кромѣ того, какъ и въ мирное время, было замѣтно тяготѣніе къ большимъ Штабамъ, въ коихъ всегда было многолюдіе, тогда какъ войсковые, особенно дивизіонные, часто нуждались въ офицерахъ Генеральнаго Штаба. Слѣдуетъ прибавить, что и здѣсь, какъ и всюду у насъ, на отвѣтственныя должности назначались зачастую далеко не лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ офицеры; причины, конечно, тѣже—случай, протекція и т. д.

Говоря все это, я далекъ отъ тѣхъ несправедливыхъ упрековъ, которые нерѣдко раздавались по адресу нашего Генеральнаго Штаба со стороны нѣкоторыхъ корреспондентовъ, а именно, что будто-бы, офицеры этого рода службы не въ достаточной степени раздѣляли опасности, которымъ подвергались войска. Это—безусловная ложь: стоитъ только подсчитать потери въ офицерахъ Генеральнаго Штаба, хоть за время Мукденской операціи, въ процентномъ отношеніи, вѣроятно, мало уступавшія строевымъ. Скорѣе, наоборотъ,—можно упрекнуть нашъ Генеральный Штабъ, что онъ увлекался въ этомъ отношеніи, иногда даже въ составѣ цѣлыхъ штабовъ, и притомъ не всегда на пользу, а иногда и въ очевидный вредъ общему управленію войсками. Конечно, были и здѣсь нежелательныя исключенія, но гдѣ-же и когда ихъ не было и не бываетъ?

Но какимъ-бы ни былъ на войнѣ нашъ Генеральный Штабъ, однако, среди строевыхъ начальниковъ въ военное время замѣчалось къ нему

сильное стремленіе, особенно въ смыслѣ поддержки въ разнаго рода рѣшеніяхъ; хорошихъ-же офицеровъ Генеральнаго Штаба въ строю высоко цѣнили и ими безусловно дорожили. Справедливо будетъ замѣтить, что и значительную часть лучшихъ строевыхъ начальниковъ въ дѣйствующей арміи, отъ командировъ частей и выше, составляли офицеры Генеральнаго Штаба.

Въ общемъ, я полагаю, что нашъ Генеральный Штабъ проявилъ себя въ послѣднюю войну такимъ-же, каковымъ былъ весь остальной составъ арміи; всѣ основные недочеты—почти одни и тѣже, разница только въ масштабѣ и вліяніи ихъ.

Все изложенное выше касается преимущественно общей массы Генеральнаго Штаба. Что-же можно сказать о высшихъ Штабныхъ чинахъ, которые могли оказывать такое существенное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій?

Я думаю, что этотъ составъ былъ, въ общемъ, слабѣе младшаго, такъ какъ при сложности дѣла, назначенія на эти должности дѣлались еще въ большей степени зависимости отъ связей, знакомства и личности начальниковъ, не обладавшихъ, въ большинствѣ случаевъ, даромъ выбирать способныхъ подчиненныхъ, а избиравшихъ преимущественно людей имъ лично почему либо пріятныхъ, покладистыхъ и избѣгавшихъ лицъ самостоятельныхъ и склонныхъ высказываться безъ чувства страха и неловкости.

И, откровенно говоря, за немногими исключеніями, я затруднился-бы назвать дѣйствительно выдающихся начальниковъ штабовъ арміи, корпусовъ и Генералъ-Квартирмейстеровъ, каковыми

они непремѣнно должны быть по существу; зато гораздо легче было-бы перечислить такихъ, которые мало, а иногда и совершенно, не отвѣчали своимъ назначеніямъ, въ особенности въ смыслѣ твердости и самостоятельности.

Подобно тому, какъ это было и въ мирное время, многіе офицеры Генеральнаго Штаба и на войнѣ занимали такія назначенія, которыя только по какому-то странному недоразумѣнію замѣщались ими; сюда, напримѣръ относятся должности начальниковъ канцелярій въ арміяхъ, въ эвакуаціонной комиссіи и т. д.

Наконецъ, помимо всего этого, на нашъ Генеральный Штабъ долженъ былъ пасть тяжелый упрекъ въ разныхъ крупныхъ упущеніяхъ по части подготовки къ войнѣ, но это было-бы несправедливо, такъ какъ послѣдняя и не находилась въ его веденіи, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго органа, котораго ктому-же и не существовало; справедливѣе видѣть эти причины въ нашемъ общемъ и военномъ укладѣ, въ организаціи нашего высшаго военнаго управленія, общей системѣ централизаціи и недостаточной самостоятельности мѣстныхъ военныхъ органовъ.

Приведенный выше разборъ современной постановки службы нашего Генеральнаго Штаба даетъ возможность установить тѣ общія мѣры, которыя необходимы для ея совершенствованія. Такими мѣрами, какъ мнѣ кажется, должны быть слѣдующія:

1) Опредѣленіе функцій Генеральнаго Штаба, какъ особой спеціальной службы, вѣдающей подготовкою къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова; исходя изъ этого основного положенія,

служба Генеральнаго Штаба должна быть регламентирована закономъ въ видѣ особой инструкціи.

Затѣмъ, такъ какъ подготовка къ войнѣ слагается главнымъ образомъ изъ двухъ данныхъ— сборъ и обработка свѣдѣній о непріятелѣ, а также составленіе плановъ и соображеній на случай войны и боевая подготовка войскъ,—то и Генеральный Штабъ соотвѣтственно долженъ быть подраздѣленъ на два вида: большой или центральный и войсковой; примѣняя это къ существующей организаціи, получимъ что большой Генеральный Штабъ будетъ вѣдать настоящими функціями Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, т. е. исключительно сборомъ и обработкою свѣдѣній о непріятелѣ и составленіемъ плановъ войны, а войсковой, въ составъ котораго войдутъ офицеры Генеральнаго Штаба всѣхъ войсковыхъ штабовъ и управленій,—боевою подготовкою войскъ и всѣми вопросами, которые съ нею непосредственно соприкасаются; офицеры Генеральнаго Штаба, служащіе въ окружныхъ штабахъ, которые будутъ объединять подготовку къ войнѣ въ предѣлахъ своихъ округовъ во всѣхъ отношеніяхъ, должны быть также причислены къ составу войскового Генеральнаго Штаба.

Такое распредѣленіе службы Генеральнаго Штаба будетъ больше отвѣчать ея сущности и, въ связи съ указаннымъ ниже измѣненіемъ ея направленія, несомнѣнно принесетъ большую пользу дѣлу подготовки къ войнѣ вообще и, въ частности, боевой подготовкѣ войскъ.

Но этого еще недостаточно:

Нужна дальнѣйшая реорганизація нашего

Главнаго Штаба, въ смыслѣ совершеннаго выдѣленія изъ него всего того, что относится къ службѣ и обязанностямъ Генеральнаго Штаба, съ оставленіемъ за нимъ исключительно административныхъ, инспекторскихъ и хозяйственныхъ функцій.

Все выдѣленное изъ Главнаго Штаба должно войти въ составъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба (Большой или центральный Генеральный Штабъ). Такимъ образомъ, сюда войдутъ: мобилизація войскъ и всѣ расчеты по сосредоточенію и развертыванію въ извѣстныхъ направленіяхъ; общее направленіе образованія и боевой подготовки войскъ; передвиженіе войскъ по желѣзнодорожнымъ и инымъ путямъ сообщеній; подготовка къ военнымъ дѣйствіямъ на различныхъ театрахъ и совмѣстныя дѣйствія съ флотомъ; развѣдывательная часть—сборъ и обработка свѣдѣній о вѣроятныхъ противникахъ и театрахъ и изученіе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ; военно-историческія, статистическія и географическія работы; наконецъ,—завѣдываніе личнымъ составомъ и общее направленіе службы Генеральнаго Штаба.

Только при этихъ условіяхъ центральный органъ Генеральнаго Штаба будетъ функціонировать вполнѣ, сможетъ вести подготовку къ войнѣ и отвѣчать за нее; сдѣланнаго-же до сихъ поръ еще недостаточно для этого.

2) Въ связи съ послѣднимъ вопросомъ должна быть произведена децентрализація всѣхъ главныхъ управленій вообще, въ частности, Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, въ смыслѣ передачи извѣстной части правъ, средствъ, а, слѣдовательно и обязанностей въ округа.

Это облегчитъ дѣло подготовки къ войнѣ и управленіе войсками, такъ какъ свалитъ излишнюю тяжесть съ центральныхъ управленій, сдѣлаетъ ихъ менѣе громоздкими и болѣе продуктивными для болѣе важной работы; вмѣстѣ съ тѣмъ, это дастъ возможность принять большее участіе въ подготовкѣ къ войнѣ войсковымъ штабамъ, ближе стоящимъ къ войскамъ и болѣе знакомымъ съ условіями ихъ жизни и службы.

3) Кромѣ того, необходимо измѣнить современное направленіе службы Генеральнаго Штаба въ войсковыхъ штабахъ и управленіяхъ, изъявъ изъ вѣдѣнія офицеровъ этого рода службы все то, что не имѣетъ къ нему прямого отношенія и оставивъ за нимъ лишь образованіе, боевую подготовку, мобилизацію, дислокацію и перевозку войскъ.

Съ этою цѣлью необходимо предпринять слѣдующее:

а) Въ дивизіонныхъ Штабахъ. Освободить Начальника Штаба отъ хозяйства, путемъ передачи послѣдняго въ вѣдѣніе дивизіоннаго Интенданта. Со старшаго адъютанта снять всю переписку, оставивъ только ту, которая касается мобилизаціи, образованія и боевой подготовки войскъ и переименовавъ его въ офицеры для порученій (въ военное время два).

б) Тоже и въ корпусныхъ Штабахъ, гдѣ всѣ хозяйственныя функціи должны быть дѣломъ Корпуснаго Интенданта; все-же остальное, кромѣ мобилизаціи, образованія и боевой подготовки войскъ должно быть возложено на адъютанта изъ строя.

и в) Въ окружныхъ Штабахъ офицеровъ Генеральнаго Штаба имѣть только на должностяхъ

Старшихъ Адъютантовъ по строевой, отчетной и развѣдывательной части; ихъ помощники—офицеры изъ строя, а въ нѣкоторыхъ округахъ—даже чиновники. Кромѣ того, офицеровъ для порученій имѣть въ самомъ ограниченномъ количествѣ и только Штабъ-офицеровъ.

Такое распредѣленіе обязанностей должно быть закрѣплено закономъ.

Это освободитъ офицеровъ Генеральнаго Штаба отъ многихъ обязанностей, совершенно не свойственныхъ ихъ спеціальности, заставитъ ихъ сосредоточить свои силы и знанія на боевой подготовкѣ войскъ и приблизитъ ихъ къ послѣднимъ; кромѣ того, переносъ центра тяжести обязанностей Генеральнаго Штаба въ этомъ направленіи избавитъ его отъ канцеляріи съ ея вредными послѣдствіями и придастъ его службѣ болѣе полевой, практическій, характеръ. Все это сблизитъ Генеральный Штабъ съ войсками и взаимно ознакомитъ ихъ, что очевидно будетъ только полезно для службы; и первый шагъ къ сближенію съ войсками долженъ сдѣлать именно Генеральный Штабъ, которому это во всѣхъ отношеніяхъ легче.

Въ настоящее время намъ особенно недостаетъ практики въ полевой сторонѣ службы Генеральнаго Штаба и штабной вообще, въ смыслѣ техники вожденія войскъ, извѣстныхъ пріемовъ и снаровокъ.

Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе и на практику въ разрѣшеніи разнаго рода стратегическихъ задачъ, въ чемъ мы обыкновенно имѣемъ мало навыка; въ этомъ отношеніи мы болѣе склонны разливаться въ неопредѣленныхъ сужде-

ніяхъ и ограничиваться „общими“ указаніями, нежели думать и рѣшать въ извѣстныхъ направленіяхъ и на основаніи извѣстныхъ данныхъ.

4) Созданіе корпуса офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Съ этою цѣлью необходимо: правильно установить основныя функціи службы Генеральнаго Штаба и провести ихъ жизнь тѣмъ путемъ, о которомъ было сказано выше т.-е. регламентировать службу, закончить организацію Центральнаго Управленія и измѣнить существующее направленіе службы Генеральнаго Штаба.

Кромѣ того, необходимо и въ Генеральномъ Штабѣ, подобно тому какъ это есть въ строю, создать свои офицерскія общества, съ правомъ товарищескаго суда и участія въ служебныхъ аттестаціяхъ и баллотировкахъ при всѣхъ назначеніяхъ, на указанныхъ выше основаніяхъ.

Эти мѣры будутъ содѣйствовать большой сплоченности офицеровъ, окажутъ остерегающее и воздѣйствующее вліяніе на тѣхъ изъ нихъ, кто склоненъ опускаться въ томъ или иномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явятся солиднымъ подспорьемъ для болѣе справедливой и всесторонней оцѣнки офицеровъ начальствующими лицами; въ частности-же такія мѣры могутъ оказать полезное вліяніе и въ смыслѣ большаго разбора въ назначеніяхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба на болѣе отвѣтственныя должности.

Указанныя офицерскія общества должны быть образованы въ Главномъ Штабѣ и Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба — одно на оба эти учрежденія и по одному въ каждомъ изъ округовъ; къ нимъ должны быть причислены и

тѣ офицеры Генеральнаго Штаба, которые служатъ въ учрежденіяхъ, не находящихся въ непосредственной служебной связи съ указанными Управленіями и Штабами (напримѣръ, офицеры, служащіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, пограничной стражѣ и т. д.).

Въ частности, потребность въ товарищескомъ судѣ уже давно и живо ощущается въ Генеральномъ Штабѣ; и нельзя не признать того, что при отсутствіи общаго направленія службы Генеральнаго Штаба, существующей безсистемности и быстротѣ ея прохожденія, всѣ указанныя остерегающія мѣры несомнѣнно будутъ полезны, предотвращая, до нѣкоторой степени, обычное опусканіе многихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба.

5) Урегулированіе прохожденія службы Генеральнаго Штаба.

Настоящее положеніе этого вопроса, какъ было указано выше, —совершенно ненормально. Нужно сдѣлать что-либо въ смыслѣ большей цѣльности службы и извѣстной постепенности въ назначеніяхъ; погоня за какой-то излишней универсальностью, „порханіе“ и „самоустройство“ — крайне вредно отражаются на службѣ и ведутъ только къ легковѣсному всезнайству.

Какъ общее правило, желательно установить, чтобы офицеръ Генеральнаго Штаба начиналъ свою службу обязательно съ нисшихъ, войсковыхъ, штабовъ и чѣмъ ближе придется служить ему къ войскамъ,—тѣмъ будетъ лучше. Затѣмъ, слѣдовало-бы установить путемъ закона какой-либо минимальный срокъ пребыванія на занимаемыхъ должностяхъ, чтобы остановить наблюдаемую систему перепархиванія съ мѣста на

мѣсто, преимущественно въ сторону подальше отъ войскъ и поближе къ центральнымъ и окружнымъ Управленіямъ.

Наконецъ, надо очень и очень еще подумать объ установленіи системы „ознакомленій“ съ разными родами оружія, прикомандированій и т. д. (я не говорю здѣсь о командованіи строевыми частями—ротами, эскадронами и др.); думается, что она, если и приноситъ пользу, то во всякомъ случаѣ очень небольшую и, ктому-же, отрываетъ отъ прямыхъ обязанностей, каковы-бы онѣ не были; у насъ теперь и безъ того, вѣдь, штабы, особенно малые, сидятъ безъ офицеровъ Генеральнаго Штаба; лучше ужъ, казалось-бы, специализироваться ближе на какомъ либо одномъ родѣ оружія. Да и при томъ измѣненіи въ направленіи службы Генеральнаго Штаба, о которомъ я говорю выше,—врядъ-ли и будетъ какая-либо надобность въ особыхъ спеціальныхъ ознакомленіяхъ, такъ какъ офицеры, уже по своему служебному положенію, будутъ поставлены въ необходимость больше знакомиться съ войсками, нежели въ настоящее время.

Другою вредною стороною въ прохожденіи службы Генеральнаго Штаба является занятіе офицерами такихъ должностей, которыя не только не имѣютъ ничего общаго съ этого рода службою (въ пограничной стражѣ и др.), но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—и съ военной вообще, (напримѣръ, дожности общаго административнаго характера—губернаторы, градоначальники и т. д.); при этомъ, занятіе подобныхъ должностей—обыкновенно не препятствуетъ дальнѣйшему продолженію службы на штабномъ и строевомъ по-

прищѣ. Ненормальность и вредъ этого явленія столь очевидны, что о нихъ распространяться не приходится.

Необходимо обязать въ законномъ порядкѣ офицеровъ Генеральнаго Штаба занимать исключительно строевыя или штабныя должности и безусловно вычеркивать изъ списковъ Генеральнаго Штаба тѣхъ, кто переходитъ на какой либо другой родъ службы.

6) Право Генеральнаго Штаба на занятіе строевыхъ должностей.

Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи Генеральный Штабъ, надѣленъ большими привиллегіями, что объясняется желаніемъ привлечь въ войска офицеровъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ. Однако, ожидаемая отъ того польза далеко не въ полной мѣрѣ оправдывается на дѣлѣ, такъ какъ современная постановка и направленіе службы Генеральнаго Штаба совершенно не подготавливаютъ офицеровъ для строевыхъ командныхъ должностей.

Конечно, соотвѣтствующія измѣненія въ прохожденіи и направленіи службы Генеральнаго Штаба принесутъ въ этомъ отношеніи извѣстную пользу, но тѣмъ не менѣе мѣры эти будутъ преимущественно палліативными. Непосредственнымъ назначеніемъ Генеральнаго Штаба является не служба въ войскахъ, а подготовка къ войнѣ вообще и, въ частности,—служба при войскахъ, въ предѣлахъ этой основной цѣли.

Поэтому, привлеченію Генеральнаго Штаба на службу въ строй—нельзя придавать значенія радикальной мѣры въ смыслѣ подготовки болѣе соотвѣтствующаго командного персонала; такой

мѣрой, какъ я говорилъ выше, можетъ быть только созданіе особыхъ высшихъ военныхъ школъ, приспособленныхъ исключительно къ нуждамъ самого строя.

Но при осуществленіи этого мѣропріятія, Генеральный Штабъ уже долженъ лишиться своихъ значительныхъ привиллегій по отношенію къ занятію строевыхъ должностей; всѣ его силы должны быть сосредоточены на подготовкѣ къ войнѣ и, въ частности, на службѣ при войскахъ.

7) Крайне важнымъ въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ является установленіе надлежащей системы сбора свѣдѣній о наиболѣе вѣроятныхъ противникахъ и подборъ личнаго состава, который будетъ вѣдать этимъ дѣломъ.

Прежде всего надо установить, что далеко не каждый, или лучше сказать,—рѣдкій офицеръ Генеральнаго Штаба будетъ здѣсь на мѣстѣ; для этого надо имѣть особый складъ и склонность.

Тоже и относительно военныхъ агентовъ: совершенно недостаточно быть только свѣтскимъ человѣкомъ и хорошо знать языки, нужна опять таки склонность, извѣстная ловкость, большая практика и способность наблюдать и дѣлать вѣрныя заключенія; нельзя, наконецъ, легко относиться ко всякимъ перемѣщеніямъ, такъ какъ агентъ, вполнѣ пригодный, напримѣръ, въ Китаѣ, будетъ совсѣмъ не на мѣстѣ гдѣ-нибудь въ Швеціи.

и 8) Нужна и нѣкоторая спеціализація военно-ученаго дѣла. Нельзя стричь всѣхъ подъ одну мѣрку и безполезно, даже вредно, стремиться непремѣнно проводить чуть не весь составъ Генеральнаго Штаба, хотя-бы, черезъ строевые только цензы. Нужно дать въ этомъ отношеніи выходъ,

путемъ продоставленія правъ и возможности офицерамъ, чувствующимъ спеціальную склонность къ военно ученому дѣлу, всецѣло посвятить ему свои силы. Самое лучшее, мнѣ кажется, даже создать особую категорію офицеровъ, которые въ этомъ случаѣ принесутъ наибольшую пользу; достаточное число людей, склонныхъ къ этой спеціальности, вѣроятно, найдется; остается, слѣдовательно, разрѣшить только вопросы объ ихъ служебномъ положеніи.

Въ заключеніе о службѣ Генеральнаго Штаба я хочу указать на необходимость вѣрнаго и опредѣленнаго руководства этою службою. Нужно создать въ этомъ отношеніи цѣлую школу,—говорю создать, ибо ея у насъ нѣтъ совсѣмъ; нужно общее направленіе дѣла подготовки къ войнѣ; мѣстнымъ исполнительнымъ органамъ свойственно и, до нѣкоторой степени, естественно смотрѣть съ преувеличенной точки зрѣнія на свои частныя задачи и регулировать это—есть обязанность Центральнаго Управленія Генеральнымъ Штабомъ. Необходимо, наконецъ, вырабатывать въ офицерахъ духъ широкой самостоятельности и смѣлость въ мысляхъ, бороться съ шаблонами, съ предвзятостью и предубѣжденностью взглядовъ, такъ какъ послѣдніе являются злѣйшими врагами нашей спеціальности.

Наконецъ, важно возможно лучше оплачивать работу Генеральнаго Штаба, дабы офицеры всѣ свои силы могли-бы посвящать службѣ, а не растрачивали-бы ихъ въ погонѣ за матеріальнымъ обезпеченіемъ на сторонѣ.

Кромѣ того, Генеральный Штабъ обязанъ давать арміи возможно больше свѣдѣній о наиболѣе вѣроятныхъ противникахъ.

Я нарочно остановился подробно на вопросѣ о службѣ Генеральнаго Штаба, такъ какъ не столько въ самой академіи, сколько въ современной постановкѣ нашей службы надо искать причинъ очевиднаго неуспѣха ея. Конечно, преобразованіе академіи имѣетъ весьма важное значеніе, но рѣшеніе этого вопроса внѣ связи со службой Генеральнаго Штаба—было-бы глубокой ошибкой и, само по себѣ, не принесетъ арміи существенной пользы. Слѣдовательно, глубокія реформы особенно нужны въ постановкѣ и направленіи нашей службы.

И только при такихъ условіяхъ Генеральный Штабъ дѣйствительно составитъ особый и, притомъ, отборный корпусъ офицеровъ, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать своему высокому и трудному назначенію и составитъ о себѣ въ арміи болѣе лестное мнѣніе. И, наконецъ, только тогда Генеральный Штабъ сможетъ всецѣло отвѣчать за подготовку къ войнѣ.

Штабная служба.

Этого рода служба поставлена у насъ далеко не такъ, какъ слѣдовало-бы. Здѣсь надо начать сверху и прежде всего указать на безсистемность, несвязность и неустойчивость дѣйствій нашихъ центральныхъ Штабовъ, Управленій и канцелярій, въ смыслѣ общаго управленія законодательной и распорядительной частью.

Наши военные законы часто оказываются недостаточно обдуманными, практичными и ясно редактированными; знаніе и примѣненіе всѣхъ различныхъ распоряженій по военному вѣдомству—крайне затруднительно вообще; вслѣдствіе

этого является постоянная надобность, съ одной стороны, въ разныхъ обращеніяхъ, ходатайствахъ, просьбахъ о разъясненіи, а съ другой—въ вѣчныхъ указаніяхъ, дополненіяхъ, отмѣнахъ и т. д., что колеблетъ довѣріе къ закону и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усложняетъ и безъ того большую переписку, обусловленную укладомъ нашей военной жизни.

Отличительными характерными сторонами нашей штабной службы вообше являются:

Значительность числа различныхъ письменныхъ инстанцій и ихъ личнаго состава, отсутствіе общаго управленія дѣломъ, излишняя централизація, медленность и недостаточная снаровистость въ работѣ, что въ общей сложности и обусловливаетъ собою невѣроятное развитіе канцеляризма.

Существующая многочисленность служебныхъ инстанцій сказывается преимущественно въ замедленіи дѣлопроизводства; такъ какъ всякая высшая инстанція будетъ умѣстна и полезна только тогда, когда, во первыхъ, ея существованіе вызвано прямой насущной необходимостью, а, во вторыхъ—когда она дѣйствительно дѣлаетъ свое дѣло, т. е. руководитъ и направляетъ; если-же этого нѣтъ, то она—только тормозитъ дѣло. Отсюда—постоянное залеживаніе бумагъ и ихъ „хожденіе", опозданія и вообще медлительность веденія дѣлъ. И именно этимъ надо объяснять всѣ эти частныя просьбы „не забыть", „посодѣйствовать" и т. д., съ которыми постоянно обращаются къ Штабнымъ служащимъ.

Штаты нашихъ Штабовъ и Управленій, обыкновенно излишне большіе, совершенно не сообразованы съ величиною дѣла. Всѣмъ хорошо извѣстно, что у насъ на письменныхъ мѣстахъ

вмѣсто одного хорошаго служащаго сидятъ двое—трое худшихъ и дѣло всетаки идетъ плохо. Штабная работа обыкновенно недостаточно направляется начальниками, часто склонными входить въ мелочи и упускать свое дѣло, мало распредѣлена и неуравновѣшена.

Есть еще одна характерная особенность нашихъ Штабовъ и Управленій, преимущественно центральныхъ, какъ и вообще, впрочемъ, всѣхъ нестроевыхъ, удаленныхъ отъ войскъ учрежденій.

Это—поражающее, по сравненію со строемъ, обиліе должностей генеральскаго ранга, что повело къ обезцѣненію этого званія и размѣнѣ его на мелочи.

Если въ строю, напримѣръ, съ чиномъ Генералъ-Маіора связана обыкновенно должность бригаднаго командира и даже начальника дивизіи, которые въ военное время водятъ войска въ бой, то въ нестроевыхъ учрежденіяхъ такими чиномъ нерѣдко бываютъ надѣлены начальники многочисленныхъ канцелярій и отдѣленій, чины для порученій и даже казначеи.

Особенно ярко бросалось это въ глаза въ военное время, когда, ктому-же, нестроевыя и тыловыя должности, болѣе спокойныя и совершенно безопасныя, оплачивались обыкновенно лучше, нежели соотвѣтствующія имъ строевыя.

Необходимо обратить на это серіозное вниманіе и принять мѣры противъ этихъ несправедливыхъ и вредныхъ привиллегій нестроевой службы, по сравненію со строемъ.

Я полагаю, что достаточно охарактеризую нашу штабную и канцелярскую работу, если ко всему изложенному добавлю заурядное въ высшихъ Штабахъ и Управленіяхъ употребленіе Вы-

сочайшаго имени въ разныхъ несоотвѣтствующихъ Его важности случаяхъ, всеобщее обычное злоупотребленіе словами „секретъ и спѣшно", что подрываетъ ихъ значеніе, да вѣчное передѣлываніе бумагъ изъ-за пустяковъ, или любимыхъ словечекъ, выраженій и т. д.

Наконецъ, по отношенію къ войсковымъ Штабамъ, въ частности, надо отмѣтить ихъ полную неподготовленность къ совмѣстной полевой работѣ съ войсками.

Необходимо дать болѣе живое направленіе службѣ нашихъ Штабовъ и Управленій, практикуя ихъ въ работѣ съ войсками въ полѣ. Характеръ штабной работы долженъ быть таковъ, чтобы для исполнителей ясны были-бы цѣль и польза служебныхъ требованій и что-бы никогда не упускалась изъ виду боевая сторона дѣла. Существующее направленіе занятій этихъ учрежденій, особенно высшихъ, носитъ рутинный, медлительный и во всякомъ случаѣ не военный характеръ.

Нужно оживить ихъ дѣятельность путемъ разсредоточенія обязанностей, сокращенія штатовъ, съ подборомъ меньшаго числа, но лучшихъ и лучше вознаграждаемыхъ работниковъ, а равно — возможнаго упрощенія отчетной стороны вообще и, въ частности, хозяйства; кромѣ того, надо воспитывать привычку работать всѣми силами того или иного учрежденія, а не только какой-либо его части и тѣмъ паче-отдѣльныхъ лицъ; нужна, наконецъ, преемственность и связь въ работѣ.

И въ этомъ отношеніи необходимо начать именно съ центральныхъ учрежденій, которыя даютъ тонъ всѣмъ младшимъ штабнымъ инстан-

ціямъ и войскамъ; безъ этого, одними проектами о сокращеніи переписки,—дѣлу не помочь.

Въ общемъ необходимо добиться, чтобы всѣ штабы и Управленія были-бы живыми, отнюдь не формальными и дѣйствительно военными учрежденіями, а не обращались-бы въ какіе-то гражданскіе канцеляріи, каковыми является въ настоящее время большинство ихъ.

Одновременно съ этимъ надо стремиться къ упрощенію языка въ письменныхъ сношеніяхъ, отрѣшившись навсегда отъ его обычнаго многоглаголія, темноты (иногда умышленной) и раболѣпія и выработать языкъ ясный, живой и краткій, какъ вполнѣ отвѣчающій духу военной службы.

VIII) Подготовка къ войнѣ, общегосударственная и военная.

Война требуетъ напряженія всѣхъ силъ страны, а потому и подговка къ ней есть дѣло общегосударственное, а не только арміи.

Отсюда—и успѣшное разрѣшеніе вопроса о подготовкѣ къ войнѣ не можетъ исчерпываться однѣми мѣрами чисто военнаго характера, но должно быть обусловлено и соотвѣтствующими мѣропріятіями обще-государственнаго значенія, поставленными съ первыми въ тѣсную взаимную связь.

Однако, это не всегда бывало такъ: въ прежнее время государственная точка зрѣнія часто уступала мѣсто спеціально военной, а во многихъ случаяхъ войны возникали просто изъ-за личныхъ, или династическихъ счетовъ и видовъ правителей; цѣли войнъ, носившихъ, обыкновенно, за-

тяжной характеръ, мало считались съ нуждами государствъ, а самыя арміи были преимущественно солдатскаго типа и, притомъ, нерѣдко являлись связанными только съ главою государства. Поэтому всѣ вопросы, сопряженные съ подготовкою къ войнѣ, не задѣвали глубоко интересовъ страны и не получали того значенія, которое они имѣютъ теперь.

Что касается настоящаго времени, то, при современномъ государственномъ устройствѣ, когда высшая власть въ большей степени связана со страной и является представителемъ ея нуждъ и интересовъ, когда арміи стали народными, а способъ веденія войны принялъ скоротечный характеръ, при сильнѣйшемъ напряженіи всѣхъ силъ, заблаговременная подготовка къ войнѣ и указанная выше связь между мѣропріятіями общаго и военнаго характера получили огромное значеніе.

Приступая къ краткому изслѣдованію вопроса о подготовкѣ къ войнѣ, я прежде всего подраздѣлю необходимыя для этого мѣропріятія на общегосударственныя и спеціально военныя и разсмотрю ихъ именно въ этомъ порядкѣ.

Общегосударственная подготовка къ войнѣ.

Къ главнымъ вопросамъ общаго значенія въ дѣлѣ подготовки нашей къ войнѣ я отношу слѣдующіе: нравственное совершенствованіе, повышеніе чувствъ и сознанія государственности и законности, установленіе необходимаго направленія и связи въ работѣ всѣхъ государственныхъ органовъ, правильность и послѣдовательность внѣшней политики, подъемъ патріотизма и національнаго самосознанія, популяризація военнаго

дѣла среди населенія, съ принятіемъ извѣстныхъ мѣръ для нѣкотораго облегченія боевой подготовки арміи, улучшеніе физическихъ свойствъ народа и, наконецъ,—выработка опредѣленнаго государственнаго взгляда на наши окраины и, въ особенности, на Дальній Востокъ.

Нравственное совершенствованіе. На эту тему я достаточно говорилъ уже въ главѣ о реформахъ общаго значенія. Здѣсь-же повторю только, что мы глубоко развратились во многихъ отношеніяхъ- многое изъ того, что прежде было полно глубокаго смысла, теперь потеряло почти всякое значеніе, искажено и выродилось въ ту или иную степень злоупотребленія или, въ лучшемъ случаѣ,—въ бездушный формализмъ. Намъ, конечно, необходимы реформы государственныя и общественныя, но еще болѣе нужно возрожденіе духовное, безъ котораго мѣропріятія матеріальнаго характера не принесутъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы. И путь здѣсь одинъ, а именно, — стремленіе къ нравственному усовершенію отдѣльнаго человѣка, а, слѣдовательно, и всего общества и государства. Поэтому, всѣ реформы общаго гуманитарнаго значенія, въ той мѣрѣ, въ какой онѣ могутъ быть примѣнены въ настоящее время, и вообще все то, что можетъ содѣйствовать возможно лучшему и справедливому разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ,—все это получаетъ также особое значеніе.

Повышеніе чувствъ и сознанія государственности и законности. У насъ вообще слабо развиты понятія о государственности и законности и пребывать долго въ такомъ положеніи — крайне опасно. Нужно вырабатывать эти понятія въ

сознанiи населенiя путемъ измѣненiя общаго режима, организацiонныхъ реформъ, подъема и направленiя народнаго образованiя. Въ настоящее-же смутное время, особенно важно стремиться къ культивированiю подобныхъ идей въ правительственныхъ кругахъ, посредствомъ соотвѣтственнаго подбора людей широкаго кругозора, способныхъ высоко держать знамя государственности и законности и безкорыстно служить интересамъ родины.

Кромѣ того, извѣстно, что многiе живущiе въ Россiи инородцы враждебно относятся къ нашей государственности; и, помимо причинъ историческихъ, культурныхъ и другихъ, нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что враждебность эта во многомъ питалась и до сихъ поръ еще питается отсутствiемъ нравственной связи, общегосударственныхъ интересовъ и тѣми праволишенiями, которыми ограничены многiе изъ нихъ. Нужно взаимно провѣриться въ нашихъ отношенiяхъ путемъ возможно яснаго, широкаго и безпристрастнаго освѣщенiя этого вопроса; быть можетъ, намъ придется во многомъ отрѣшиться отъ настоящей внутренней политики по отношенiю къ инородцамъ. И разъ это будетъ сознано государствомъ, то слѣдуетъ сдѣлать, что возможно, для сохраненiя нацiональныхъ особенностей инородцевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, такъ какъ это будетъ скорѣе всего способствовать развитiю среди нихъ чувствъ и сознанiя государственности; разумѣется, я не отношу сюда тѣ народности, по отношенiю которыхъ всѣ бывшiе до сихъ поръ опыты подобнаго рода вели только къ печальнымъ результатамъ. Вообще

нужно основательно разобраться въ этомъ вопросѣ и отдѣлить дѣйствительно вредное въ государственномъ отношенiи отъ призрачнаго и кажущагося, при томъ непремѣнномъ условiи, чтобы всякiя льготы инородцамъ не были-бы сопряжены съ какими либо невыгодами для коренного населенiя.

Установленiе необходимаго направленiя и связи въ работѣ всѣхъ государственныхъ органовъ. Какъ извѣстно, наши многочисленныя „вѣдомства" мало связаны другъ съ другомъ и въ рѣдкихъ только случаяхъ дѣйствуютъ дружно и согласно; обычная невязка, разбродъ и даже вражда— все это сильно тормозитъ ходъ нашей государственной машины.

Установленiе государственнаго взгляда въ вопросахъ внѣшней политики. Эта сторона нашей государственной жизни страдаетъ крупными недостатками, обратившимися чуть не въ хроническiе. Можно сказать, что послѣ Петра I и Екатерины II-й у насъ не было вполнѣ цѣльной и послѣдовательной внѣшней политики; отсутствiе руководящихъ идей, мелкая и, по большей части, случайная постановка цѣлей, недостаточная систематичность, настойчивость и послѣдовательность—вотъ традицiонные недочеты нашей дипломатiи. Поэтому-то наша внѣшняя политика такъ часто и вредила намъ, какъ въ смыслѣ подготовки къ бывшимъ до сихъ поръ войнамъ, такъ и—въ использованiи ихъ результатовъ. Реформы въ этомъ дѣлѣ—совершенно необходимы. Нужно положить въ основу нашей внѣшней политики правильную и опредѣленную руководящую идею государственнаго значенiя и твердо стремиться

къ ея осуществленію въ зависимости отъ склада обстановки. Необходимо, чтобы политика подготовляла для возможныхъ и ожидаемыхъ столкновеній благопріятную обстановку, была-бы прозорлива въ смыслѣ отдѣленія друзей отъ враговъ и выбора наиболѣе подходящаго для войны времени, ставила-бы военной силѣ правильныя цѣли и, наконецъ, умѣло и во время использовала-бы результаты войнъ.

Все это, конечно, въ свою очередь, вызываетъ вопросы о соотвѣтствующей организаціи службы специальныхъ органовъ нашей внѣшней политики, подготовкѣ личнаго состава и культивированіи среди него средствъ и способовъ, необходимыхъ для наилучшаго во всѣхъ отношеніяхъ познанія нашихъ вѣроятныхъ враговъ и союзниковъ.

Въ настоящее смутное и переходное время особенно важно, чтобы политика обезпечила-бы странѣ необходимый внѣшній покой и время, потребные для проведенія въ жизнь общихъ и военныхъ реформъ.

Подъемъ патріотизма и національнаго самосознанія; популяризація среди населенія военнаго дѣла.

Надо сказать, что въ этомъ отношеніи мы до сего времени находились въ неблагопріятныхъ условіяхъ и что нами ничего не предпринималось для развитія этихъ чувствъ въ населеніи. А между тѣмъ, съ усложненіемъ нашей государственной жизни, въ связи съ измѣненіемъ общаго режима, съ появленіемъ соціализма, партійности, національной и классовой розни, наконецъ, проповѣди антимилитаризма,—заботы о поддержаніи патріо-

тизма и національнаго сознанія, а равно и о популяризаціи военнаго дѣла среди населенія—должны получить особое значеніе. И все это безусловно составляетъ обязанность государства.

Съ указанной цѣлью, мнѣ кажется, должны быть приняты слѣдующія мѣры:

Самое главное — это вступленіе правительства на путь широкихъ государственныхъ реформъ, направленныхъ къ подъему благосостоянія и образованія главной массы населенія Россіи—нашего русскаго крестьянства. Въ общемъ это должно вести къ возбужденію довѣрія къ правительству и закону, и разъ это будетъ достигнуто, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что, при этихъ условіяхъ, всѣ мѣры къ насажденію и развитію патріотизма и національнаго сознанія найдутъ для себя гораздо болѣе благопріятную почву. Правда, народъ нашъ не имѣетъ склонности рѣзко проявлять эти чувства, но онѣ несомнѣнно есть въ немъ; когда населеніе будетъ поставлено въ болѣе сносныя условія существованія, то оно несомнѣнно обнаружитъ ихъ въ болѣе сильной степени; и я полагаю, что проявленія нашего патріотизма и націонализма, глубокаго, гуманнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромнаго и лишеннаго вызывающаго задора, — выльются, быть можетъ, въ болѣе благородную и продуктивную сторону, нежели у какой-либо другой народности.

Дальнѣйшія мѣры въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, должны заключаться: въ соотвѣтствующей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла вообще, съ оттѣненіемъ въ немъ тѣхъ сторонъ и предметовъ, которые способствуютъ пробужденію и развитію интереса къ познанію своего отече-

ства во всѣхъ отношеніяхъ; устройство для сельскаго населенія особыхъ спеціальныхъ подвижныхъ школъ и музеевъ и развитіе соотвѣтствующей прессы и литературы; борьба съ соціализмомъ и другими интернаціональными ученіями. Наконецъ, въ цѣляхъ популяризаціи среди населенія военнаго дѣла, слѣдуетъ создать и поддерживать особую популярно-военную литературу, широко содѣйствовать и поощрять возникновеніе разныхъ военныхъ и военно-гимнастическихъ обществъ, напримѣръ, стрѣлковыхъ, — „соколовъ“ на подобіе чешскихъ и т. д. Въ деревняхъ, при любви къ дѣлу руководителей и при нѣкоторой матеріальной поддержкѣ правительства (какъ, напримѣръ, въ Швеціи), это дѣло обѣщаетъ успѣхъ.

Къ подобнымъ-же мѣрамъ надо отнести: устройство военно-историческихъ памятниковъ, музеевъ, а равно и посѣщеніе учащимися всѣхъ заведеній важнѣйшихъ районовъ нашего отечества и мѣстъ, памятныхъ въ военно-историческомъ отношеніи.

Наконецъ—борьба съ антимилитаристическими ученіями.

Разумѣется, все это требуетъ извѣстнаго матеріальнаго расхода; но дѣло можно было-бы начать и съ небольшихъ ассигнованій и постепенно увеличивать ихъ изъ года въ годъ, возможно популяризируя эту идею въ населеніи, какъ съ цѣлью зарожденія къ ней интереса, такъ и въ смыслѣ призванія частной помощи, въ видѣ денежныхъ средствъ и личныхъ услугъ. Въ общемъ, я полагаю, здѣсь вопросъ будетъ преимущественно въ соотвѣтствующей организаціи. Нужно начать съ малаго, настойчиво и систематично ве-

сти это дѣло, которое въ будущемъ можетъ принести богатые результаты,—созданіе интереса къ военному дѣлу, нѣкоторая заблаговременная подготовка контингентовъ и большій приливъ силъ на военную службу; все это въ общемъ сильно облегчитъ работу арміи.

Улучшеніе физическихъ свойствъ населенія.

Для этого нужны мѣры, направленныя къ оздоровленію населенія, что обусловливается, главнымъ образомъ, устройствомъ его матеріальнаго положенія, а также просвѣщеніемъ; особенныя заботы государства при разрѣшеніи этихъ вопросовъ должны быть проявлены по отношенію къ наиболѣе нуждающемуся въ нихъ простонародью и, преимущественно сельскому, которое главнымъ образомъ комплектуетъ нашу армію.

Слѣдовательно, прежде всего—присущій намъ демократизмъ въ вопросахъ внутренней государственной политики и рядъ соотвѣтствующихъ реформъ, направленныхъ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія низшихъ классовъ населенія, особенно коренного, составляющихъ подавляющее большинство жителей России.

Изъ остальныхъ, второстепенныхъ, мѣръ надо назвать: правильную организацію дѣла народнаго врачеванія и широкое развитіе въ населеніи средствъ для поданія врачебной помощи, борьбу съ пьянствомъ и съ сифилисомъ, и, наконецъ, — созданіе и развитіе различныхъ гимнастическихъ обществъ-

Государству слѣдуетъ и въ этомъ отношеніи стать на ту точку зрѣнія, что наше простонародье издавна и сильно обездолено, что преимущест-

венно русская деревня нуждается въ его помощи и что, наконецъ, — въ высшей степени опасно закрывать глаза на это явленіе нашей государственной жизни.

Установленіе правильнаго государственнаго взгляда на наши окраины вообще и въ особенности на Дальній Востокъ.

Многія изъ нашихъ окраинъ, несмотря на давность ихъ присоединенія къ Россіи, до сихъ поръ еще не могутъ быть названы русскими въ государственномъ смыслѣ. Наша политика по отношенію къ окраинамъ была и есть неустойчива, недостаточно вооружена въ смыслѣ знанія народностей и странъ, входящихъ въ составъ имперіи; будучи зачастую грозной по внѣшности, она во многихъ случаяхъ являлась безсильною по существу, чѣмъ пользовались и пользуются нѣкоторые инородцы для осуществленія своихъ частныхъ цѣлей, обыкновенно мало согласованныхъ съ государственными, а иногда и идущихъ прямо въ разрѣзъ съ послѣдними. И именно поэтому, въ большинствѣ случаевъ, наша внутренняя политика по отношенію инородныхъ окраинъ давала отрицательные результаты и вела не къ установленію связи и общности интересовъ, а—едва-ли, не къ большимъ еще обостреніямъ въ отношеніяхъ.

Необходимо выработать, наконецъ, правильный отправной взглядъ на окраины и сообразно съ этимъ дать соотвѣтствующее и опредѣленное направленіе нашей внутренней по отношенію къ нимъ политикѣ. Надо изучать ихъ историческую жизнь, особенности и культуру, безпристрастно разобраться въ ихъ нуждахъ и стремленіяхъ, и, наконецъ, съумѣть отдѣлить вредное въ государ-

ственномъ смыслѣ отъ неважнаго и дѣйствительность отъ привычныхъ предубѣжденій.

Въ особенности печальнымъ является положеніе нашей Дальне-восточной окраины.

Она до сихъ поръ какъ-бы чужда и не только всѣмъ намъ, но и самому правительству; до послѣдняго времени ее мало знаютъ и какъ будто-бы считаютъ не своей, а чужой.

Необходимо, чтобы правительство взяло это дѣло въ твердыя руки. Надо создать въ Россіи интересъ къ Дальнему Востоку, культивировать понятія о немъ, какъ объ одной изъ неотъемлимыхъ и притомъ богатѣйшихъ областей нашихъ; совершенно необходимо создать организацію возможно широкаго и льготно-обставленнаго переселенія, привлечь туда капиталы, знанія и трудъ, и, наконецъ, внести порядокъ въ управленіи ею.

Нужно считаться и съ особенностями этой окраины, значительной по размѣрамъ, крайне удаленной, малонаселенной, некультурной и, вдобавокъ, еще очутившейся лицомъ къ лицу съ Японіей, которая несомнѣнно является однимъ изъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ нашихъ враговъ.

Поэтому, совершенно нелѣпо, во всѣхъ смыслахъ, примѣнять по отношенію къ Дальнему Востоку здѣшніе, европейскіе, масштабы.

Наконецъ, обширность нашего отечества, значительная разница въ степени и направленіи развитія и производительности составныхъ его частей, а также особое положеніе окраинъ—все это обусловливаетъ необыкновенное значеніе путей сообщенія вообще и среди нихъ въ особенности—желѣзныхъ дорогъ. Отсюда—особенная важность заботъ, направленныхъ къ развитію

ихъ въ необходимыхъ направленіяхъ, къ надлежащему оборудованію и къ обезпеченію правильности функціонированія ихъ во всякое время.

Не касаясь здѣсь вопроса о развитіи и образованіи желѣзнодорожной сѣти вообще, я хочу только указать на ту постоянную связь, которая должна быть установлена между задачами общими и чисто военными и по отношенію къ желѣзнодорожному дѣлу; и если эта связь необходима здѣсь, въ Европейской Россіи, то еще болѣе будетъ примѣнимо это къ Дальнему Востоку, который соединенъ съ остальными частями имперіи единственнымъ и, пока еще, одноколейнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ.

Что-же касается до обезпеченія постояннаго и правильнаго функціонированія желѣзныхъ дорогъ, то вопросъ этотъ въ настоящее время пріобрѣлъ весьма острое значеніе. Недавнія событія 1905 года живы еще въ памяти и наглядно показали, въ какое положеніе можетъ быть поставлено государство при извѣстномъ складѣ обстоятельствъ. Отсюда — насущная необходимость создать такую организацію личнаго состава служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ (добавимъ и на телеграфахъ также), которая вполнѣ гарантировала-бы свободу пользованія этими средствами сообщеній во всякое время. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ нашемъ Министерствѣ Путей Сообщенія уже выработанъ соотвѣтствующій проэктъ, суть котораго заключается въ созданіи особаго эксплоатаціоннаго корпуса для обслуживанія дорогъ, но насколько это вѣрно — неизвѣстно, равно какъ нѣтъ свѣдѣній и о деталяхъ этого предположенія.

Подготовка военная.

Сюда должно быть отнесено слѣдующее: устройство высшаго управленія арміей въ мирное время вообще, спеціальные органы послѣдняго, вѣдающіе направленіемъ всѣхъ работъ по подготовкѣ къ войнѣ, мобилизація арміи и подготовка войскъ въ боевомъ и организаціонномъ отношеніяхъ. Кромѣ того, сюда-же я отношу вопросы о крѣпостяхъ, совмѣстныхъ дѣйствіяхъ войскъ съ флотомъ и о настоящемъ положеніи нашей морской силы. Наконецъ, въ заключеніе я нѣсколько остановлюсь на современномъ положеніи Дальняго Востока.

1) Устройство высшаго управленія арміей въ мирное время вообще. Въ настоящее время, какъ извѣстно, во главѣ нашего военнаго вѣдомства стоятъ два равновластныхъ и независимыхъ другъ отъ друга лица — Военный Министръ и Начальникъ Генеральнаго Штаба, изъ которыхъ каждое является непосредственнымъ докладчикомъ передъ Высочайшей властью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшею распорядительною и отвѣтственною инстанціею по своей части.

Затѣмъ, наряду съ этими должностями, существуетъ и независимое отъ нихъ высшее коллегіальное учрежденіе — Совѣтъ Государственной обороны, Предсѣдатель коего, по отношенію доклада Главѣ Государства, пользуется такими-же правами, какъ Военный Министръ и Начальникъ Генеральнаго Штаба, причемъ оба послѣднія лица состоятъ въ числѣ членовъ Совѣта Обороны и преимущественно черезъ послѣдній восходятъ на утвержденіе Государя Императора всѣ

важнѣйшіе военные вопросы. Такимъ образомъ, выходитъ, что во главѣ всего военнаго дѣла у насъ стоятъ два равноправныхъ лица и, кромѣ того,—одно коллегіальное учрежденіе, поставленное по положенію своему даже выше этихъ послѣднихъ. Несомнѣнно, что подобная организація высшаго управленія арміей является нежелательной, такъ какъ ставитъ во главѣ всего военнаго дѣла учрежденіе коллегіальное, которое, по характеру своему, является безотвѣтственнымъ и ведетъ только къ усложненію въ управленію имъ. Поэтому Совѣтъ Государственной обороны необходимо упразднить, и оставить во главѣ военнаго вѣдомства Военнаго Министра и Начальника Генеральнаго Штаба, изъ которыхъ каждый можетъ быть вполнѣ полномоченъ въ своемъ дѣлѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если опытъ покажетъ, что при существованіи этихъ двухъ независимыхъ другъ отъ друга должностей, будетъ страдать общее управленіе военнымъ дѣломъ, то лучше ужъ будетъ подчинить одну должность другой.

Но кто-же именно долженъ быть подчиненъ, Военный-ли Министръ Начальнику Генеральнаго Штаба, или обратно?

Для правильнаго разрѣшенія вопроса, надо стать на ту точку зрѣнія, что высшая власть должна принадлежать тому, кто вѣдаетъ самымъ важнымъ, отправнымъ, такъ сказать, дѣломъ—подготовкою къ войнѣ, т. е. Начальнику Генеральнаго Штаба; и должность Военнаго Министра, вѣдающаго боевой подготовкой войскъ, а также вопросами хозяйственнаго, административнаго и инспекторскаго характера, должна занимать под-

чиненное въ этомъ случаѣ положеніе, такъ какъ всѣ вопросы ея вѣдѣнія или исходятъ изъ подготовки къ войнѣ, связаны съ ней, или-же совершенно ея некасаются.

Дѣло, конечно, не въ названіяхъ должностей, а—въ функціяхъ ихъ, но необходимо, чтобы во главѣ военнаго вѣдомства была-бы поставлена такая должность, которая прежде всего и больше всего вѣдала-бы дѣломъ подготовки къ войнѣ.

Оговариваюсь, что я лично считаю возможнымъ независимое другъ отъ друга существованіе должностей Военнаго Министра и Начальника Генеральнаго Штаба, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣдній былъ-бы настолько обремененъ общими дѣлами, что врядъ-ли могъ-бы посвятить себя вопросамъ о подготовкѣ къ войнѣ, т. е. важнѣйшимъ функціямъ своей должности; указанное-же выше соображеніе приведено мною съ тою цѣлью, чтобы показать, что рѣшеніе вопроса о взаимномъ подчиненіи этихъ должностей не можетъ быть рѣшено въ обратномъ смыслѣ, ибо въ этомъ случаѣ подготовка къ войнѣ пострадала-бы еще въ большей степени.

Дѣйствительно, если Начальника Генеральнаго Штаба подчинить Министру, то можетъ выйти слѣдующее: дѣлъ по подготовкѣ къ войнѣ меньше, нежели дѣлъ строевого, хозяйственнаго и инспекторскаго характера, причемъ они не такъ видны, не обладаютъ по характеру своему тою срочностью, какъ вѣчно „текущія“ дѣла второй категоріи; наконецъ, съ послѣдними всѣ сжились уже давно, тогда какъ дѣло подготовки къ войнѣ— еще молодое, недавно народившееся. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что при указанномъ спо-

собѣ подчиненія, строевыя, хозяйскія и инспекторскія функціи оттрутъ и заслонятъ подготовку къ войнѣ, т. е. все будетъ по старому.

Быть-можетъ, наконецъ, возможно подчиненіе должности Военннаго Министра Начальнику Генеральнаго Штаба, съ оставленіемъ за первымъ изъ нихъ права непосредственнаго доклада по своей части? Въ этомъ случаѣ премирующимъ вопросомъ всего военнаго дѣла явилась-бы подготовка къ войнѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Начальникъ Генеральнаго Штаба былъ освобожденъ отъ непосредственныхъ обязанностей, не свойственныхъ его должности.

Но всѣмъ этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ урегулированія высшаго управленія арміей.

У насъ вообще существуетъ слишкомъ много учрежденій и лицъ, такъ или иначе вѣдающихъ войсками, или прикосновенныхъ къ управленію ими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствуетъ строго проведенная система. Дѣйствительно, кромѣ Совѣта обороны, у насъ существуютъ: Управленіе Генеральнаго Штаба, Главный Штабъ и прочія Главныя Управленія, Канцелярія Военнаго Министерства, Военный Совѣтъ, Инспекціи разныхъ родовъ оружія, наконецъ—Командующіе войсками въ округахъ и Военные Генералъ-Губернаторы. Не слишкомъ-ли это много и сложно? Возможно простая организація высшаго управленія особенно необходима въ примѣненіи къ нашей арміи, такъ какъ у насъ все зачастую держится на отдѣльныхъ лицахъ, служебныя и частныя взаимо-отношенія которыхъ играютъ такую важную роль въ успѣхѣ дѣла.

Чѣмъ, напримѣръ, вызвано учрежденіе инспекцій и нужны-ли онѣ, при условіи существованія округовъ? Онѣ, правда, существуютъ въ заграничныхъ арміяхъ, но, вѣдь, тамъ нѣтъ должностей, соотвѣтствующихъ нашимъ командующимъ войсками. Я полагаю, что бóльшая соотвѣтственность въ назначеніяхъ на высшія командныя должности вообще и предоставленіе послѣднимъ большихъ правъ, средствъ и самостоятельности, съ успѣхомъ замѣнили-бы собой инспекціи. Быть можетъ, даже въ настоящее время, въ видахъ подготовки къ войнѣ, полезно было-бы перейти отъ окружной организаціи къ армейской, оставивъ за командующими однѣ войска и все непосредственно съ нимъ связанное? Вообще необходимо предпринять болѣе опредѣленныя мѣры по отношенію къ заблаговременной организаціи высшаго командованія войсками въ военное время; останавливаться-же на одномъ пересмотрѣ „Положенія о полевомъ управленіи войскъ"—не приходится.

Кромѣ изложеннаго казалось-бы, необходимо отрѣшиться отъ совмѣщенія функцій военныхъ и административныхъ, примѣняя таковое только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ—удаленность окраинъ, особое ихъ положеніе и т. д. Въ настоящее время рѣшительно невозможно замѣтить какую либо опредѣленную систему въ этомъ отношеніи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ производитъ впечатлѣніе, что учрежденіе и упраздненіе должностей Намѣстниковъ и Генералъ-Губернаторовъ вызывается не столько необходимостью, сколько причинами случайнаго, напримѣръ, личнаго свойства; и, надо думать, что

преимущественно безсистемностью и случайностью можно объяснить наблюдаемую въ этомъ отношеніи неустойчивость.

Затѣмъ,—необходимо возможно широкая децентрализація высшихъ военныхъ органовъ, какъ въ смыслѣ управленія войсками, такъ и обезпеченіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ, путемъ передачи значительной части ихъ правъ, средствъ и обязанностей мѣстнымъ войсковымъ начальникамъ и инстанціямъ. Это сильно облегчитъ центральные органы, сдѣлаетъ ихъ менѣе громоздкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ больше самостоятельности, живости и продуктивности дѣятельности мѣстныхъ военныхъ начальниковъ и управленій, стоящихъ ближе къ войскамъ.

Духъ времени настоятельно требуетъ предоставленія исполнителямъ всякаго ранга широкой инициіативы въ дѣйствіяхъ и притомъ умѣлаго направленія общаго дѣла, а это совершенно немыслимо при настоящихъ условіяхъ. Нельзя допустить, чтобы на будущее время Петербургъ продолжалъ-бы централизовать въ себѣ все и вся, чуть не до полной перегрузки и невозможности вслѣдствіе этого вести дѣло; надо стремиться къ разсредоточенію управленія военнымъ вѣдомствомъ. Иначе всѣ наилучшія мѣры, какъ это часто и бывало, не проникнутъ вглубь арміи и не получатъ широкаго въ ней распространенія, а будутъ имѣть только ограниченный раіонъ вліянія, почему и не принесутъ осязательныхъ результатовъ

Нельзя обойти молчаніемъ и существующей между нашими центральными и иными управленіями и отдѣлами невязки въ общей работѣ. До

настоящаго времени всѣ эти органы, подобно разнымъ государственнымъ „вѣдомствамъ“, недостаточно объединены, живутъ какою-то отдѣльною жизнью и нерѣдко даже враждуютъ между собою. И, не говоря уже о вредѣ этого по отношенію къ управленію войсками и снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ, послѣдствіями такого разногласія являются хроническіе и часто неожиданные прорухи и недочеты въ подготовкѣ къ войнѣ; при такой постановкѣ не можетъ быть виновныхъ и отвѣтчиковъ въ этомъ дѣлѣ, а если и будутъ, то сама система всегда послужитъ для нихъ лучшимъ прикрытіемъ.

Я не говорю уже о тѣхъ случаяхъ, когда цѣлые отдѣлы военнаго вѣдомства или управленіе тѣмъ или инымъ родомъ оружія становятся на особое положеніе (протекція, связи); тогда въ полномъ смыслѣ устанавливается царство въ царствѣ, гдѣ никого не хотятъ признавать надъ собою и ни съ чѣмъ не желаютъ считаться; и такой тонъ проходитъ обыкновенно сверху до низу, по всѣмъ подчиненнымъ инстанціямъ до войскъ включительно.

Необходимо тѣмъ или инымъ путемъ установить, наконецъ, необходимую связь между разными органами Военнаго Министерства, объединить и направить ихъ работу на пользу общаго дѣла.

Наконецъ, помимо всего этого, какъ мною было уже замѣчено, надо обратить вниманіе на неустойчивость и безсистемность распоряженій по военному вѣдомству вообще, непрактичность и туманность многихъ нашихъ законовъ, преобладаніе формализма и отчетной стороны дѣла и,

наконецъ,—на отсутствіе языка простого, яснаго, не допускающаго сомнѣній и кривотолковъ.

2) О спеціальныхъ органахъ, вѣдающихъ направленіемъ работъ по подготовкѣ къ войнѣ, я уже подробно говорилъ выше въ главѣ о службѣ Генеральнаго Штаба, которая должна быть принаровлена къ этому дѣлу; здѣсь-же я остановлюсь только на сборѣ свѣдѣній о вѣроятныхъ нашихъ противникахъ, а также на нѣкоторыхъ вопросахъ мобилизаціоннаго характера, (о послѣднихъ, разумѣется, въ той мѣрѣ, которая можетъ быть допустима въ книгѣ частнаго изданія).

О все болѣе и болѣе возрастающемъ значеніи основательнаго изученія силъ и средствъ вѣроятныхъ противниковъ—говорить не приходится. Надо организовать это дѣло возможно шире, практичнѣе, умѣть подобрать подходящій личный составъ и не жалѣть средствъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ свѣдѣній, твердо памятуя, что о какихъ либо стремленіяхъ къ экономіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, особенно въ наше время матеріалистическаго направленія; надо принять, что тотъ, кто хочетъ имѣть полныя о будущемъ непріятелѣ свѣдѣнія, долженъ прежде всего имѣть необходимыя для этого средства и умѣть ими какъ слѣдуетъ распорядиться. Я уже говорилъ о необходимости особаго подбора лицъ, вѣдающихъ тонкимъ и отвѣтственнымъ дѣломъ развѣдки. Здѣсь всего важнѣе глубокое, всестороннее изученіе соотвѣтствующей страны и арміи, большая наблюдательность, выдержка, ловкость и изобрѣтательность въ способахъ и пріемахъ дѣйствій; и никоимъ образомъ нельзя въ этомъ отношеніи ограничиваться преимущественно свѣтскостью и знаніемъ иностранныхъ діалектовъ.

Особенно надо отмѣтить важность заблаговременной и надлежаще организованной тайной развѣдки, получившей такое большое значенiе въ настоящее время; безъ этого хорошо поставить это дѣло въ минуту необходимости, въ военное время, будетъ крайне затруднительно.

По отношенiю къ мобилизацiи армiи,—необходимъ радикальный ея пересмотръ и выработка такихъ системъ, которыя обезпечивали-бы ея соотвѣтственность не только въ извѣстныхъ направленiяхъ, но и въ болѣе исключительныхъ. При обширности Россiи, особомъ положенiи нѣкоторыхъ окраинъ, относительной бѣдности въ путяхъ сообщенiя и при большомъ числѣ выпадающихъ на ея долю политическихъ задачъ, нельзя установить вполнѣ однообразную систему мобилизацiи для всей армiи.

Важнѣйшими вопросами мобилизацiоннаго характера въ настоящее время являются: запасъ нижнихъ чиновъ и, особенно, офицеровъ, его пополненiе и обученiе; особыя условiя мобилизацiи на нѣкоторыхъ окраинахъ, въ смыслѣ ихъ военнаго положенiя, отношенiя къ нашей государственности и возможности комплектованiя расположенныхъ тамъ войскъ призывомъ мѣстнаго населенiя; мобилизацiя крѣпостей, особенно приморскихъ, которыя могутъ быть атакованы совершенно неожиданно и, слѣдовательно, всегда должны находиться въ полной боевой готовности; способы комплектованiя различныхъ нестроевыхъ учрежденiй, формируемыхъ въ военное время, которыя обезпечивали-бы строевыя части отъ расхищенiя ихъ состава въ самый необходимый перiодъ; это послѣднее, въ свою очередь, выдви-

гаетъ на сцену необходимость созданія спеціальныхъ частей для несенія тыловой службы. Сюда-же надо отнести и вопросы о различныхъ категоріяхъ войскъ—резервныхъ и другихъ; быть можетъ своевременно было-бы подумать и объ иной ихъ организаціи или даже о совершенномъ ихъ упраздненіи. Наконецъ, важно разработать отдѣлъ о комплектованіи органовъ высшаго управленія войсками въ военное время. Ко всему этому я добавлю лишь, что современныя условія мобилизаціи нашей арміи настоятельно требуютъ большей децентрализаціи и распредѣленія работъ между центральными и мѣстными органами.

3) Вопросъ о подготовкѣ войскъ въ боевомъ и организаціонномъ отношеніяхъ былъ разобранъ подробно въ соотвѣтствующей главѣ. Здѣсь я только укажу на необходимость имѣть совершенно однородныя по своимъ качествамъ войска и дать имъ возможность заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, а также отмѣчу важность духовной стороны боевой подготовки войскъ.

Необходимость сравнять боевыя качества войскъ всѣхъ категорій обусловливается полной невозможностью усчитывать заранѣе характеръ и степень ихъ предстоящаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому надо стать на ту точку зрѣнія, что; во первыхъ, при мобилизаціи невозможно допускать какихъ либо формированій строевыхъ частей вновь, и, во вторыхъ,—что всѣ онѣ должны содержаться въ мирное время въ одинаковомъ составѣ, причемъ отступленіе отъ нормы могутъ быть въ необходимыхъ случаяхъ допущены только въ сторону большей, противъ нормальной, готовности.

Затѣмъ, войска должны заниматься только своимъ прямымъ дѣломъ и отвлекать ихъ отъ этого слѣдуетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Отсюда—необходимость въ измѣненіи современнаго строя нашей военной жизни путемъ возможнаго изъятія хозяйства, отчетной стороны дѣла и развитія требованій чисто боевого характера; далѣе—урегулированіе правилъ о призывахъ войскъ въ помощь гражданскимъ властямъ и, наконецъ,—возможное освобожденіе ихъ отъ разныхъ нестроевыхъ нарядовъ.

Наконецъ,—вопросы духовной стороны подготовки войскъ. Матеріалъ для комплектованія арміи у насъ—богатый, быть можетъ, даже единственный въ своемъ родѣ; онъ туго идетъ на паденіе духа и способенъ къ быстрому возрожденію послѣ неудачъ, а это качество-рѣдкое и дорогое въ военномъ дѣлѣ. И этою положительною особенностью нашего солдата и офицера надо пользоваться, стремясь къ ея укрѣпленію. Поэтому, здѣсь ничто не должно быть забыто: надо пояснять арміи нашихъ вѣроятныхъ враговъ, ихъ силу, стремленія и ея долгъ по отношенію къ Верховному вождю и отечеству; нужно поддерживать боевыя традиціи, товарищество и чувство взаимной выручки; для достиженія—же всего этого необходимо, чтобы офицерскій составъ арміи былъ-бы лучше и однороднѣе и стоялъ-бы возможно ближе къ солдату. И тогда наша армія обратится въ обширное военное братство, грозное для врага по своей нравственной мощи.

и 4) Необходимо соотвѣтствующее разрѣшеніе весьма важныхъ вопросовъ о флотѣ, о связи его съ войсками и о совмѣстныхъ ихъ дѣйствіяхъ.

объ организаціи общаго управленія въ этихъ случаяхъ и, наконецъ—объ управленіи приморскими крѣпостями.

Не распространяясь здѣсь о той роли, которую можетъ и долженъ играть нашъ флотъ въ случаѣ войны, я укажу только на необходимость такъ или иначе установить опредѣленный отправной взглядъ на нашу морскую боевую силу.

Въ настоящее время, повидимому, ничто не говоритъ въ пользу такой опредѣленности. Я не могу, конечно, какъ не-спеціалистъ, судить о достоинствахъ нашихъ общихъ судостроительныхъ предположеній, но, вѣроятно, не мнѣ одному бросается въ глаза отсутствіе твердаго и опредѣленнаго взгляда на современное значеніе флота, въ смыслѣ соотношенія нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Въ общемъ, получается впечатлѣніе, что мы приступаемъ къ постройкѣ новаго флота, слѣдовательно, къ производству большихъ расходовъ, недостаточно выяснивъ многіе основные вопросы, а именно: общая задача флота въ примѣненіи къ современному положенію Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, абсолютная и относительная его сила, составъ и родъ судовъ, возможность морскихъ дѣйствій на разныхъ театрахъ, оборудованіи приморскихъ крѣпостей, портовъ и складовъ, наконецъ,—условія и возможность комплектованія флота офицерами и нижними чинами.

Позволю себѣ высказать и собственное мнѣніе: мнѣ кажется, намъ не должно тратиться теперь на дорого стоющій броненосный флотъ, а слѣдуетъ ограничиться преимущественно крейсерскимъ, миннымъ и подводнымъ, создать который можно гораздо скорѣе и дешевле. На какомъ театрѣ,

спрашивается, можемъ мы употребить этотъ броненосный флотъ и съ какимъ противникомъ сможетъ онъ конкурировать? Располагаемъ-ли мы на всѣхъ вѣроятныхъ театрахъ вполнѣ оборудованными морскими крѣпостями, портами и станціями? И, наконецъ, кѣмъ и какъ будемъ комплектовать свой новый флотъ?

Всѣ эти вопросы невольно приходятъ въ голову, когда слышишь о крупныхъ ассигнованіяхъ на постройку броненоснаго флота и въ душу закрадываются сомнѣнія. И, чтобы не говорили, но, вѣдь, такія явленія, какъ поразительный недостатокъ желающихъ поступить въ этомъ году въ Морской корпусъ, бунты флотскихъ командъ и періодическія звѣрскія расправы матросовъ со своими офицерами, наконецъ, обращающая на себя вниманіе частая порча нашихъ военныхъ судовъ вслѣдствіе столкновеній и посадки на камни,—развѣ всѣ эти данныя не свидѣтельствуютъ краснорѣчиво о современномъ состояніи нашего флота?

Всѣмъ этимъ я, однако, вовсе не хочу сказать, что флотъ намъ не нуженъ и что нужно клонить къ его упраздненію.

Я хочу сказать, что, при нашей вообще слабо развитой торговлѣ, при незначительности рынковъ и коммерческаго флота, при полномъ почти отсутствіи оборудованныхъ морскихъ базъ и при недостаточности вполнѣ подходящаго матеріала для комплектованія личнаго состава,—у насъ въ настоящее время нѣтъ еще достаточно благопріятныхъ условій для созданія и развитія сильнаго боевого флота.

Безспорно, что въ концѣ концовъ Россіи ну-

женъ флотъ, но дѣло его созданія нельзя начинать, руководствуясь сразу тѣмъ-же масштабомъ, который будетъ вполнѣ примѣнимъ лишь по отношенію къ сильнымъ морскимъ державамъ; и это вовсе не значитъ, чтобы совершенно отказываться отъ нашихъ будущихъ стремленій.

Наконецъ и здѣсь, въ отдѣлѣ о подготовкѣ къ войнѣ, я вновь возвращусь къ Дальнему Востоку.

Я говорилъ уже выше о томъ, что эта окраина до сихъ поръ намъ чужда и мало извѣстна; и замѣчаніе это, вѣрное съ общегосударственной точки зрѣнія, остается таковымъ-же и въ военномъ отношеніи.

А между тѣмъ Дальній Востокъ является наиболѣе слабой и уязвимой изъ всѣхъ нашихъ окраинъ и положеніе дѣлъ тамъ измѣнилось послѣ войны не въ нашу пользу.

Бокъ о бокъ съ нимъ растетъ грозная опасность въ видѣ возрождающагося къ новой жизни многомилліоннаго Китая, разбуженнаго славою японскихъ побѣдъ. И, кто знаетъ, была-ли война 1904—1905 года послѣдней на Дальнемъ Востокѣ? И не придется-ли, быть можетъ, даже скоро увидѣть противъ себя колоссальныя силы двухъ главныхъ представителей желтой рассы?

Мы не должны забывать этого и обязаны прямо и опредѣленно рѣшить, что можемъ мы сдѣлать на Дальнемъ Востокѣ и принять тамъ рядъ мѣръ общаго и военнаго значенія. О первыхъ я говорилъ уже выше; что-же касается до вторыхъ, то къ нимъ я отношу слѣдующія: ускореніе работъ по прокладкѣ второй коллеи на Сибирскомъ пути, а также устройство разъѣзд-

ныхъ путей, разъѣздовъ, и вообще надлежащее оборудованіе дороги; затѣмъ, занятіе края достаточнымъ числомъ войскъ и привлеченіе туда офицерскаго состава путемъ установленія широкихъ льготъ, матеріальныхъ и служебныхъ; наконецъ, — внимательное и усердное изученіе Дальняго Востока во всѣхъ отношеніяхъ.

Главное-же, повторяю,—выяснить свое положеніе и придти къ опредѣленному рѣшенію, отправляясь отъ котораго принять необходимыя съ общегосударственной, политической и военной точкѣ зрѣнія мѣры.

Заканчивая эту главу, я считаю умѣстнымъ еще разъ обратить вниманіе на необходимость примѣненія послѣднихъ изобрѣтеній техники къ военному дѣлу. Мы очевидно сильно отстаемъ въ этомъ отношеніи отъ сосѣдей, которые иначе смотрятъ на техническія новинки. Будемъ помнить, что современными изобрѣтеніями не исчерпывается еще вопросъ о масштабахъ примѣненія техники къ военному дѣлу и что въ этомъ отношеніи будущее можетъ открыть широкіе и, быть можетъ, неожиданные горизонты. И нельзя, чтобы это могло застать насъ врасплохъ.

Этимъ я заканчиваю свое изслѣдованіе о военныхъ реформахъ, въ которыхъ, по моему мнѣнію, нуждается наша армія въ настоящее время.

Слѣдующая и послѣдняя глава будетъ посвящена мною общему очерку военной реформы.

IX) О военныхъ реформахъ вообще: общій перечень ихъ; необходимость духовнаго обновленія арміи; связь съ общими реформами, программа, объемъ и направленіе военной реформы; характеръ и условія ея осуществленія; средства, необходимыя для проведенія въ жизнь. Роль Государственной Думы. Вѣроятныя первоначальныя послѣдствія нѣкоторыхъ реформъ.

Общій перечень важнѣйшихъ военныхъ реформъ.

Какъ видно изъ всего выше изложеннаго, главнѣйшими изъ военныхъ реформъ являются слѣдующія:

1) Нравственное возрожденіе арміи; стремленіе къ возможной справедливости и къ уничтоженію произвола; мѣры къ поднятію воинскаго духа.

2) Болѣе прочная постановка воспитанія офицера и солдата.

3) Поднятіе образовательнаго ихъ уровня.

4) Утвержденіе въ арміи дисциплины, чувства долга и патріотизма въ лучшемъ значени этихъ словъ.

5) Установленіе однообразнаго офицерскаго состава.

6) Поднятіе личности и огражденіе правъ всѣхъ военно-служащихъ вообще, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ необходимой самостоятельности, регулируемой закономъ и начальствующими лицами.

7) Введеніе болѣе справедливыхъ и надежныхъ способовъ оцѣнки службы и назначеній на должности вообще.

8) Измѣненіе уклада арміи и направленія служебныхъ требованій, какъ въ смыслѣ соотвѣт-

ствія ихъ съ поднятіемъ личности и съ огражденіемъ правъ каждаго чина, такъ и въ отношеніи пріуроченія ихъ къ боевымъ цѣлямъ.

9) Исключеніе изъ войсковаго обихода всего, того, что не соотвѣтсвуетъ духу военной службы и тормозитъ успѣхъ боевой подготовки.

10) Улучшенія въ постановкѣ и прохожденіи строевой службы; поднятіе строя вообще.

11) Соотвѣтствующая реорганизація центральныхъ и мѣстныхъ военныхъ управленій; децентрализація высшаго управленія арміей и установленіе связи въ работѣ всѣхъ вѣдомствъ и органовъ по подготовкѣ къ войнѣ.

12) Реформированіе службы Генеральнаго Штаба, путемъ привлеченія его къ дѣлу подготовки къ войнѣ и, въ частности, къ боевой подготовкѣ войскъ. Правильная постановка Штабной службы.

13) Необходимыя измѣненія въ системѣ мобилизаціи арміи и въ способѣ выбора людей для службы въ ней;

и, наконецъ, 14). Улучшеніе матеріальнаго положенія офицера и солдата на службѣ и по окончаніи ея.

Необходимость духовнаго обновленія арміи.

Главнымъ орудіемъ войны всегда былъ, есть и останется—человѣкъ. Поэтому, все, что связано съ духовнымъ его совершенствованіемъ и должно быть поставлено на первомъ планѣ при проведеніи военныхъ реформъ въ жизнь. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ предшествующаго изложенія я не разъ уже касался этого важнаго вопроса и, если не посвятилъ ему особой главы, то только потому,

что это затруднило-бы систематичность изслѣдованія.

Въ чемъ-же, должны выражаться стремленія, направленныя къ духовному возрожденію арміи?

Прежде всего—въ установленіи во всемъ законности и справедливости; нужно по возможности стремиться удалять изъ арміи все то, что, не являясь необходимымъ, дѣйствительно можетъ служить причинами недовольства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вредно отзывается на интересахъ службы; сюда относятся: грубость обращенія, злоупотребленія, всякаго рода произволъ и т. д.

Затѣмъ,—въ развитіи вездѣ и во всемъ внутренняго, духовнаго, содержанія и въ преобладаніи послѣдняго надъ внѣшними проявленіями, которыя должны являться лишь выразителями его; въ стремленіяхъ къ культированію въ арміи чувствъ братства и товарищества, взаимопомощи и поддержки; въ постановкѣ высокихъ идеаловъ, въ развитіи здравыхъ понятій о чести, любви къ родинѣ и преданности къ долгу; наконецъ,—въ воспитательной работѣ, направленной къ борьбѣ съ дурными инстиктами и задатками. Конечно, одна армія не въ состояніи сдѣлать многаго; въ этомъ отношеніи ей должны придти на помощь мѣропріятія общегосударственнаго значенія; но, съ своей стороны, и армія обязана сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы возвращать населенію взятыхъ изъ его среды людей, по возможности, улучшенныхъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ.

У насъ вообще мало идейности и идеаловъ. А между тѣмъ они необходимы, чтобы жизнь

могла-бы возвышаться надъ обыденномъ пошлымъ уровнемъ; эти идеалы должны указывать намъ на возможность лучшей и высокой жизни, которая преслѣдовала-бы болѣе возвышенныя и благородныя цѣли. Поэтому, необходимо стремиться къ ихъ созданію и тогда мы станемъ болѣе чистыми и крѣпкими въ духовномъ отношеніи.

Въ частности, это необходимо и для того, чтобы армія могла успѣшно бороться съ дѣйствіями революціонныхъ партій, лучшіе представители коихъ преслѣдуютъ, хотя и своеобразно понимаемые, но несомнѣнно высокіе нравственные идеалы; въ этомъ и заключается преимущественно моральная сила революціи.

Связь съ общими реформами; объемъ и направленіе военной реформы.

Какъ я уже упомянулъ вначалѣ своей книги, нельзя себѣ представить, что бы въ то время, какъ страна получила реформу, которая глубоко отражается и отразится еще болѣе на всемъ ея укладѣ,—одинъ лишь военный міръ оставался-бы неподвижнымъ; современная армія—тотъ-же народъ и очевидно, что и мы, военные, не можемъ не сообразоваться съ реформами общегосударственнаго значенія.

Поэтому необходима реформа и нашего военнаго уклада и, притомъ, такая, которая шла-бы въ уровень съ общей, т. е. была-бы тѣсно съ нею связана и изъ нея исходила-бы.

Слѣдовательно, военная реформа должна быть глубокой по существу, т. е. затрагивать всѣ важнѣйшія стороны нашей жизни и службы. Но этого мало: она должна быть, вмѣстѣ съ тѣмъ,

20*

и цѣльной, т. е. не ограничиваться частичною и случайною работой, а проводиться въ стройной системѣ, по заранѣе выработанной программѣ, которая исходила-бы изъ опредѣленныхъ и вполнѣ отвѣчающихъ современнымъ потребностямъ арміи рѣшеній, охватывая собою всѣ стороны военной жизни въ мѣрѣ ихъ относительной важности.

Необходимо проникнуться сознаніемъ, что нужны именно коренныя и цѣльныя реформы; мы переживаемъ время не только не заурядное, но даже критическое, а потому и не можемъ продолжать жить прежнею жизнью; нужны не обыкновенныя мѣры, и не обыкновенная работа, а—исключительное напряженіе и исключительные люди. Надо использовать, въ лучшемъ значеніи этого слова, наше приподнятое, волнующееся время. Застой и слѣпота въ теперешней обстановкѣ были-бы равносильны наложенію рукъ на самихъ себя.

Я знаю, что многіе не раздѣляютъ этого мнѣнія; они не видятъ надобности въ столь глубокихъ реформахъ и находятъ необходимымъ исправить лишь нѣкоторые частичные недостатки. Приходится иногда слышать и читать о томъ, что современныя реформы, по своему значенію, не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми, которыя ранѣе были проведены Милютинымъ.

Я думаю, что это — глубокое заблужденіе: эпоха Александра II-го является родоначальницей настоящей и современныя общія реформы, по своей глубинѣ и значенію, мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ, которыя въ свое время были даны Царемъ-Освободителемъ, а, можетъ быть, даже и превосходятъ ихъ. Совершенно

тоже и относительно военной реформы: раскрѣпощеніе крестьянъ, земельныя и другія общія реформы повлекли за собой существенное измѣненіе нашего военнаго уклада; точно также и теперь—учрежденіе Государственной Думы, дарованіе политическихъ правъ населенію—все это является тоже своего рода раскрѣпощеніемъ и, едвали, не болѣе широкаго масштаба; поэтому, невозможно сомнѣваться въ томъ, что современныя общія реформы должны не менѣе глубоко отозваться на арміи; и разница съ эпохой Милютина, я полагаю, будетъ скорѣе внѣшняя, да еще въ томъ, что настоящая остановка проведенія реформъ, вслѣдствіе переживаемаго смутнаго времени, является неизмѣримо болѣе трудной; этого послѣдняго обстоятельства никакъ нельзя упускать изъ виду при сравнительной оцѣнкѣ обѣихъ эпохъ.

Если мы обратимся къ недавнему прошлому, то увидимъ, что большую часть нашихъ военныхъ мѣропріятій преслѣдовала злая судьба—онѣ оказывались обыкновенно неудачными по замыслу и недостаточно практичными, что хорошо сознавалось очень и очень многими. И если, отчасти, это происходило оттого, что онѣ носили преимущественно отвлеченный, канцелярскій характеръ, то другой, уже несомнѣнной, причиной ихъ сравнительной безрезультатности являлся именно недостатокъ цѣльности, частичность и случайность ихъ появленія, что обусловливалось, конечно, отсутствіемъ общей руководящей идеи и плана. Этимъ и надо объяснять наблюдаемое у насъ обиліе мѣропріятій и разныхъ распоряженій, носящихъ какой-то неопредѣленный, незаконченный

характеръ и какъ бы остановившихся на полъ-дорогѣ.

Характеръ и условія проведенія военной реформы.

Въ проведеніи реформъ въ жизнь необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Реформы могутъ быть осуществлены не сразу, а только въ теченіе извѣстнаго времени, и притомъ въ опредѣленной послѣдовательности.

Конечно, среди матеріальныхъ реформъ есть такія, которыя могутъ быть осуществлены, сравнительно, быстро; сюда принадлежатъ, напримѣръ, увеличеніе содержанія чинамъ арміи, измѣненія въ программахъ извѣстныхъ предметовъ, проходимыхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ нѣкоторыхъ уставахъ и т. д. Реформы организаціонныя требуютъ уже гораздо большаго времени, продолжительность котораго можетъ измѣряться только годами. Что-же касается духовной стороны реформъ и измѣненія установившагося издавна уклада арміи, то учесть заранѣе необходимое для этого время—совершенно невозможно; надо думать, что это можетъ явиться лишь результатомъ весьма продолжительной работы и притомъ не одного, или нѣсколькихъ лицъ, а—цѣлаго и даже, быть можетъ, нѣсколькихъ поколѣній, при непремѣнномъ условіи настойчиваго преслѣдованія идей, положенныхъ въ основу реформы, а также—системы и преемственности въ работѣ, къ чему мы такъ мало склонны вообще. Проведеніе реформъ должно производиться въ извѣстной послѣдовательности, этапами, начиная

съ болѣе важныхъ, неотложныхъ и вызываемыхъ духомъ времени и общимъ положеніемъ дѣлъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить реформы нравственнаго, духовнаго порядка и все то, что съ ними связано, а именно: установленіе возможной во всемъ справедливости, гуманности и законности; уничтоженіе произвола, поднятіе личности и огражденіе правъ каждаго военно-служащаго и, въ особенности, младшаго состава арміи—нижнихъ чиновъ; воспитаніе офицера и солдата; развитіе въ нихъ чувствъ благородства вообще, укрѣпленіе дисциплины, понятія о служебномъ долгѣ, а также патріотизма, національнаго сознанія, и воинскаго духа; установленіе большей связи и товарищества между чинами арміи и устраненіе всего того, что ведетъ къ розни и обособленію вообще, а въ особенности между офицеромъ и солдатомъ. Затѣмъ—соотвѣтствующее измѣненіе всего уклада и направленія служебныхъ требованій, какъ въ смыслѣ большаго пріуроченія послѣднихъ къ подготовкѣ къ войнѣ и, въ частности,—къ боевой подготовкѣ войскъ, такъ и въ отношеніи установленія болѣе справедливыхъ и надежныхъ способовъ оцѣнки службы каждаго военнаго служащаго и во всѣхъ назначеніяхъ вообще.

Далѣе—болѣе значительныя организаціонныя мѣры: установленіе однообразнаго офицерскаго состава, поднятіе образовательнаго его уровня; урегулированіе прохожденія службы и мѣры, направленныя къ подъему строя вообще. Реорганизація центральныхъ и мѣстныхъ военныхъ управленій и службы Генеральнаго Штаба, измѣненія въ мобилизаціонномъ дѣлѣ и т. д.

Наконецъ,—менѣе значительныя организаціонныя мѣропріятія, напримѣръ, детали въ постановкѣ военно-учебныхъ заведеній, войсковой организаціи и т. д.

2) Инициатива въ дѣлѣ проведенія реформъ; умѣніе пользоваться духомъ времени.

Нельзя сказать, чтобы инициатива въ дѣлѣ реформъ исходила у насъ всегда сверху, и послѣднее время является въ этомъ отношеніи весьма характернымъ. Однако, при всей необходимости сообразованія съ временемъ и прислушиваться къ мнѣнію общества, невозможно допустить, чтобы инициатива, хотя-бы и временно, ускользала изъ рукъ высшаго управленія арміей; послѣднему надо взять починъ въ свои руки и, ставъ во главѣ дѣла, твердо и опредѣленно вести его впередъ; надо показать, чтобы всѣмъ и каждому стало ясно, что реформы даются не подъ натискомъ угрозъ и криковъ толпы, не подъ вліяніемъ безпорядковъ и мятежей худшихъ элементовъ арміи, а—по доброй волѣ, въ полномъ сознаніи долга, необходимости и ожидаемой отъ нихъ пользы; это— въ высшей степени важно, такъ какъ несомнѣнно явится источникомъ довѣрія къ верхамъ и повліяетъ на уменьшеніе недовольства въ арміи, къ чему непремѣнно надо стремиться.

Кромѣ того, необходима большая живость, отзывчивость высшаго управленія къ заявленіямъ и работѣ мѣстныхъ, войсковыхъ органовъ и въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которыя связаны съ дѣломъ подготовки къ войнѣ и, въ частности, съ боевой подготовкою войскъ. Это имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ подъема духа и производительности работъ, такъ какъ поселитъ въ арміи

увѣренность въ томъ, что на верху всякое живое начинаніе будетъ встрѣчено сочувственно и, что, слѣдовательно, ни одна заслуживающая вниманія работа не пропадетъ даромъ, какъ это часто бывало и бываетъ до сихъ поръ.

Надо умѣть пользоваться и духомъ нашего необыкновеннаго, во многихъ отношеніяхъ, времени. И, если, съ одной стороны, мы находимся теперь въ весьма невыгодныхъ условіяхъ, въ смыслѣ отсутствія въ странѣ необходимаго покоя, то, съ другой,—не надо закрывать глаза на то, что несчастная война и послѣдовавшая за ней внутренняя неурядица, — ярко обнаружили наши недостатки, сильно оживили нашу военную жизнь, вызвавъ въ ней извѣстный подъемъ духа и энергію, т. е. именно то, чего намъ въ сильной мѣрѣ недоставало до сихъ поръ.

И всѣмъ этимъ необходимо воспользоваться для большей производительности работъ по военной реформѣ, регулируя лишь соотвѣтственнымъ образомъ указанныя проявленія.

Всякую реформу и начинаніе слѣдуетъ предпринимать, что называется, благословясь общимъ голосомъ; нужно знакомить военное общество съ цѣлями тѣхъ или иныхъ реформъ, съ ходомъ дѣла и вызывать его на обмѣнъ мыслей, что принесетъ дѣлу только пользу, такъ какъ дастъ огромный жизненный матеріалъ. И не надо смущаться если въ общемъ хорѣ голосовъ будутъ раздаваться пристрастныя, однобокія, или предубѣжденныя мнѣнія; изъ всего этого матеріала всегда можно выбрать то, что заслуживаетъ вниманія, но не слѣдуетъ лишать себя возможности выслушивать

общество и вслѣдствіе этого терять много полезныхъ и благожелательныхъ мнѣній.

3) Основы идеи военной реформы, общее направленіе работъ и всѣ принципіальныя рѣшенія, должны принадлежать одному лицу и во всякомъ случаѣ выливаться изъ одной свѣжей и широкой головы; конечно, лучше всего, если это лицо будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и стоять во главѣ управленія арміей.

Только это условіе и можетъ послужить гарантіей цѣльности и опредѣленности военной реформы; но, съ другой стороны, этимъ и должна оканчиваться централизація вверху идейной ея стороны; разработка-же ея, всестороннее освѣщеніе исходящихъ отсюда частныхъ вопросовъ и, какъ результатъ всего этого, использованіе и подготовка собраннаго матеріала для постановки рѣшеній, однимъ словомъ вся исполнительная часть—должна быть, наоборотъ, децентрализована и, притомъ, возможно шире. Слѣдовательно, если, съ одной стороны, цѣльную военную реформу не произведетъ сонмъ самыхъ совершенныхъ совѣтовъ, комитетовъ и комиссій, то, съ другой,—и самый талантливый инищіаторъ ея будетъ безсиленъ сдѣлать что либо крупное безъ тщательно подобранныхъ сотрудниковъ и соотвѣтствующей организаціи исполнительной части работъ.

Надо знать и то, гдѣ искать и скорѣе всего можно найти лицъ, которыя могутъ быть наиболѣе полезными для работъ по обновленію арміи. И, откровенно говоря, совершенно безполезно будетъ искать ихъ среди людей старыхъ, или устарѣвшихъ, съ предубѣжденіями и предразсудками, которые уже слишкомъ затянуты старымъ укла-

домъ и многаго не поймутъ уже просто потому, что они—люди прошлаго. Вниманіе надо обратить гораздо ниже и взять тѣ возрасты и положенія, изъ которыхъ режимъ не успѣлъ еще вытравить всѣхъ лучшихъ порывовъ и стремленій; я говорю о людяхъ молодыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно опытныхъ, въ возрастѣ, примѣрно, не старше 40—50 лѣтъ. Только здѣсь еще найдемъ мы настоящихъ работниковъ, годныхъ въ современной обстановкѣ; болѣе зрѣлые-же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, окажутся старыми мѣхами, которые не справятся съ молодымъ виномъ, не поймутъ и не распознаютъ его вкуса; исключенія, конечно, есть, но онѣ—крайне рѣдки.

Несправедливо жаловаться на отсутствіе подходящихъ людей вообще; они у насъ есть, но не тамъ, гдѣ ихъ обыкновенно ищутъ; несомнѣнно среди насъ есть большія творческія силы, найдется и энергія и охота работать. Но укладъ нашей жизни ихъ обходитъ и мы сами ихъ мало цѣнимъ; впередъ продвигаются больше люди протекціи, случайные и безцвѣтные; мы склонны сильно ошибаться въ своей оцѣнкѣ и нерѣдко принимаемъ за даровитыхъ людей разбитныхъ, бойкихъ, но неглубокихъ и часто пустыхъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ таланты пробиваются сами, но большая часть ихъ проходитъ незамѣченною и остается не у дѣлъ; это особенно примѣнимо къ намъ, такъ какъ наши таланты въ особенности индивидуальны, своеобразны и слишкомъ ужъ не подходятъ подъ общій уровень сѣрой обыденной жизни.

И если у насъ часто создаются дутыя репу-

таціи, падающія при первомъ-же соприкосновеніи съ дѣйствительно серьезнымъ испытаніемъ, то, съ другой стороны, эта-же обстановка выдвигаетъ иногда людей, которыхъ мы раньше совсѣмъ не замѣчали и появленіе коихъ бываетъ обыкновенно совершенно неожиданнымъ.

4) Въ исполнительной части работъ по проведенію реформъ, помимо соотвѣтствующаго направленія дѣятельности войскъ и военныхъ учрежденій, особенно центральныхъ, большое значеніе получаютъ обыкновенно разнаго рода комиссіи, т. е. такія временныя учрежденія коллегіальнаго характера, которымъ поручается разработка и освѣщеніе тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ.

На дѣятельности комиссій, получившихъ у насъ такое большое примѣненіе, особенно последнее время, я нѣсколько остановлюсь.

Разныхъ комиссій было у насъ много и раньше; и хотя большинство ихъ создавалось случайно, внѣ какой-либо связи съ дѣломъ реформы, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ работали весьма добросовѣстно и дали массу полезнаго матеріала. Но результаты ихъ дѣятельности обыкновенно сводились къ тому, что все разработанное ими не получало какого-либо серьезнаго примѣненія; изъ него выплывали на поверхность лишь нѣкоторыя незначительныя детали. И, я думаю, что это не могло не отразиться и на дѣятельности послѣдующихъ комиссій, такъ какъ отсутствіе увѣренности въ пользѣ работы невольно подрывало духъ и отнимало охоту работать какъ слѣдуетъ; отсюда — формальное, преимущественно, отношеніе къ своему дѣлу.

Во всякомъ случаѣ, матеріаловъ, въ видѣ

особыхъ записокъ, докладовъ и мнѣній, съ массою разнообразныхъ предложеній, мыслей, справокъ, расчетовъ и т. д., эти комиссіи дали, вѣроятно, не мало; и, хотя все это осталось, по большей части, неиспользованнымъ своевременно, но, надо думать, что многіе матеріалы могли-бы пригодиться и въ настоящее время.

За небольшими исключеніями сказанное будетъ вполнѣ примѣнимо и къ настоящему времени: наши современныя комиссіи въ рѣдкихъ только случаяхъ приносятъ положительные результаты.

Причинъ этого, по моему мнѣнію, надо искать въ слѣдующемъ:

Прежде всего—та-же случайность ихъ возникновенія, внѣ связи съ опредѣленной программой общихъ работъ Военнаго Министерства. Комиссіямъ обыкновенно поручаютъ обсужденіе того или иного вопроса; но, при условіи общей безсистемности и недостаточности предоставляемыхъ имъ полномочій, онѣ обыкновенно очень скоро упираются въ стѣну, такъ какъ съ порученнымъ имъ вопросомъ, въ большинствѣ случаевъ, тѣсно связаны другіе, притомъ являющіеся иногда, относительно первыхъ основными, которые, однако, остаются внѣ ихъ компетенціи. Поэтому, по большей части, порученное комиссіи дѣло не можетъ быть исполнено какъ слѣдуетъ и выливается преимущественно въ видѣ отчета формальнаго характера.

Затѣмъ, дѣятельность комиссій обыкновенно недостаточно регулируется, какъ начальствомъ ихъ созвавшимъ, такъ и предсѣдателями послѣднихъ, а бываетъ и такъ, что онѣ являются недостаточно оріентированными въ цѣляхъ и задачахъ порученнаго имъ дѣла.

Наконецъ,—въ комиссіяхъ нерѣдко стремятся придти къ среднимъ, болѣе или менѣе сглаженнымъ, а стало быть и безцвѣтнымъ рѣшеніямъ; и въ этой погонѣ за нивеллировкою ихъ теряется обыкновенно много полезныхъ и самостоятельныхъ мыслей.

Для большей продуктивности комиссіонныхъ работъ, я полагаю, полезно—было-бы предпринять слѣдующее:

Прежде всего—обусловить возникновеніе ихъ не случайною надобностью, а—необходимостью разработки того или иного вопроса, являющагося лишь частнымъ звеномъ общей программы реформъ, поставленнымъ въ опредѣленную связь со всѣми остальными; приэтомъ комиссіямъ непремѣнно должны быть преподаны какъ общія отправныя указанія, такъ и касающіяся ближайшихъ ея задачъ и направленія работъ. Тогда всѣ работающія комиссіи будутъ исходить изъ одной и той-же программы и находиться другъ съ другомъ въ полной связи.

Затѣмъ, — опредѣлить, что цѣль комиссіи вовсе не есть рѣшеніе того или другого,—а лишь его разработка, возможно всестороннее освѣщеніе и въ результатѣ—вполнѣ обоснованный матеріалъ для постановки рѣшенія старшимъ начальникомъ. Приэтомъ необходимо давать доступъ каждому взгляду, въ подтвержденіе коего могутъ быть приведены вѣскіе доводы, а не стремиться непремѣнно къ возможно болѣе сглаженнымъ и примиряющимъ мнѣніямъ.

Необходима и особенная разборчивость въ назначеніи предсѣдателей комиссій. Помимо соотвѣтствующей компетенціи въ томъ или иномъ

вопросѣ, въ большей еще мѣрѣ нужно здѣсь умѣніе вести и направлять дѣло путемъ соотвѣтствующей постановки вопросовъ, обмѣна мнѣній и возможнаго утилизированія силъ каждаго члена комиссіи. Этого умѣнія намъ обыкновенно недостаетъ въ сильной степени и ужъ по этому одному комиссіи часто не оправдываютъ своего назначенія.

Наконецъ, слѣдуетъ, чтобы каждой собираемой комиссіи, по возможности, представлялись-бы всѣ имѣющіеся по соотвѣтствующему вопросу архивные и иные матеріалы (напримѣръ, результаты бывшихъ до того комиссій и т. д.).

5) Жизненность, практичность, реформъ. Для этого необходимо прежде всего, чтобы во главѣ дѣла реформированія арміи находились-бы люди съ широкимъ кругозоромъ, не склонные къ предвзятымъ рѣшеніямъ и хорошо знакомые со службою и жизнью войскъ. Но и этого еще недостаточно: всякое продолжительное пребываніе на высокихъ и удаленныхъ отъ войскъ должностяхъ, въ связи съ особою обстановкою такого положенія, невольно способствуетъ тому, что со временемъ утрачивается, до нѣкоторой степени, масштабъ для вѣрнаго сужденія о войскахъ, который можетъ быть выработанъ только путемъ продолжительной службы въ строю. Поэтому, лицамъ, стоящимъ во главѣ высшаго управленія арміей, необходимо время отъ времени бывать въ войскахъ, особенно расположенныхъ въ провинціи и присматриваться къ ихъ жизни и службѣ; изъ личныхъ наблюденій и разговоровъ съ людьми разныхъ положеній, пытливый и наблюдательный человѣкъ всегда съумѣетъ вынести многое и вне-

чатлѣній этихъ не замѣнятъ самыя обстоятельныя донесенія. Я нарочно упомянулъ здѣсь о войскахъ, удаленныхъ отъ центровъ, такъ какъ жизнь и служба захолустныхъ армейскихъ войскъ во многомъ разнятся отъ тѣхъ, которыя расположены въ большихъ городахъ и еще болѣе—отъ гвардейскихъ.

Много, конечно, можетъ помочь здѣсь соотвѣтствующій подборъ помощниковъ, а равно и составъ комиссій. Въ этомъ отношеніи важно привлекать въ составъ послѣднихъ не однихъ только начальствующихъ лицъ, но и младшихъ чиновъ арміи, особенно въ тѣхъ вопросахъ, въ коихъ они могутъ быть компетентнѣе всякаго другого; въ нѣкоторыхъ случаяхъ желательно даже подбирать членовъ комиссій не посредствомъ оффиціальныхъ назначеній, а путемъ выборовъ ихъ товарищами, которые обыкновенно знаютъ своихъ сослуживцевъ лучше, нежели начальство.

Наконецъ, важно быть отзывчивымъ и къ направленію военно- общественнаго мнѣнія. Разумѣется, нельзя, да и не нужно, обращать вниманія на каждую газетную и журнальную статью, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ военная литература способна безъ прикрасъ и всесторонне освѣтить тотъ или иной вопросъ.

Въ общемъ эта освѣдомленность во внутренней жизни арміи можетъ предупредить грубыя иной разъ ошибки въ направленіи дѣятельности и въ распоряженіяхъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія ею.

и 6). Невозможно, наконецъ, въ дѣлѣ военной реформы закрывать глаза и на наши національныя особенности.

Поэтому во всѣхъ реформахъ, касающихся воспитанія, обученія, прохожденія службы и быта войскъ, весьма важно стремиться поддерживать лучшія стороны этихъ особенностей. Путемъ издавна установившагося подражанія западно-европейскимъ арміямъ, къ намъ, наряду съ дѣйствительно необходимымъ и полезнымъ, пристало и много такого, что совершенно ужъ не свойственно русскому человѣку; сюда, напримѣръ, надо отнести чуждую намъ дуэль, извращенное, до нѣкоторой степени, понятіе о воинской чести вообще и, въ особенности о чести мундира, многое изъ казарменнаго быта, гарнизонной службы и т. д. Все это слѣдовало-бы провѣрить и пересмотрѣть.

По своему духовному складу мы сильно разнимся отъ другихъ народовъ, во многомъ, быть—можетъ, имъ уступаемъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнно имѣемъ свои преимущества; наши сосѣди, правда, превосходятъ насъ въ смыслѣ воспитанія, въ особенности-же образованіемъ и системою и въ этомъ отношеніи мы можемъ многому у нихъ поучиться. Но, развѣ, ужъ и мы совсѣмъ лишены преимуществъ передъ ними? Наша сила—въ иномъ: въ нравственныхъ качествахъ и въ духѣ русскаго человѣка; поэтому должно принимать всѣ мѣры къ ихъ совершенствованію, о чемъ я уже говорилъ выше; здѣсь только отмѣчу еще разъ особенное значеніе крѣпкой спайки офицерскаго состава арміи съ солдатскимъ.

Средства для проведенія военной реформы.

Одинъ уже перечень всѣхъ необходимыхъ реформъ показываетъ, что осуществленіе ихъ по-

требуетъ большихъ средствъ. Самые значительные расходы, вѣроятно, вызовутъ учрежденіе новыхъ кадетскихъ корпусовъ и училищъ, а равно и высшихъ военныхъ школъ, прибавка содержанія чинамъ арміи, усиленіе пенсіонныхъ окладовъ, пріобрѣтеніе и расширеніе стрѣльбищныхъ и лагерныхъ мѣстъ, надлежащее оборудованіе крѣпостей и т. д.

Откуда-же взять эти средства?

Считая себя совершенно не компетентнымъ въ финансовомъ дѣлѣ вообще и въ современномъ положеніи его у насъ,—я не могу, конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ. Хочу указать только на то, что рано или поздно, но безъ значительнаго увеличенія расходовъ на армію—намъ все равно не обойтись и что однѣ мелочныя выкраиванія изъ настоящаго военнаго бюджета врядъ-ли окажутъ существенную помощь; чтобы ни говорили, но обезпеченіе внѣшней безопасности страны всегда составляло и будетъ составлять первѣйшую и важнѣйшую обязанность всякаго государства, а потому и всѣ мѣры, направленныя къ достиженію этого, слѣдовательно, и сопряженные съ ними расходы, должны быть поставлены на первый планъ. Примѣняя это къ современному нашему положенію, приходится сказать, что, если мы не предоставимъ арміи необходимыхъ средствъ для ея реформированія теперь, то нетрудно предвидѣть, что въ будущемъ намъ придется сдѣлать это при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, подъ давленіемъ очевидной необходимости; и очень можетъ случиться, что эта помощь явится уже запоздалой, такъ какъ проведеніе реформъ требуетъ прежде всего извѣстнаго времени.

Наша Государственная Дума должна понять безусловную необходимость поддержать армію въ современную смутную эпоху и взглянуть на дѣло ея реформированія съ широкой, государственной, точки зрѣнія.

Я думаю, что прежде всего необходимо придти къ опредѣленному рѣшенію насчетъ судьбы нашего флота, поглошающаго такую массу расходовъ. Какія задачи могутъ быть поставлены нашей морской силѣ въ настояшее время? И, отсюда,— въ какомъ составѣ и на какихъ именно моряхъ должно намъ ее имѣть? Какимъ личнымъ составомъ можемъ для этого распологать? Наконецъ,— какіе типы судовъ слѣдуетъ признать наиболѣе отвѣчающими поставленнымъ задачамъ и какъ выполнить разработанную программу судостроенія?—Вотъ вопросы первостепенной важности, которые должны быть опредѣленно разрѣшены государствомъ, совмѣстно съ Морскимъ вѣдомствомъ. И, думается, что если это будетъ сдѣлано, то станетъ яснымъ, что въ настоящее время мы должны поставить нашему флоту исключительно узкія оборонительныя задачи, что и позволитъ, вѣроятно, значительно сократить морской бюджетъ.

Всѣ эти вопросы слѣдуетъ рѣшить возможно скорѣе и до этого времени должны быть пріостановлены всѣ крупныя ассигнованія на постройку нашего флота.

Затѣмъ,—установленіе дѣйствительнаго контроля за расходованіемъ государственныхъ средствъ а также—суроваго законнаго возмездія за всѣ злоупотребленія противъ казенныхъ интересовъ; послѣднія являются столь позорными и вредными въ годину бѣдствій нашего отечества, что по

существу своему, должны быть приближены къ государственной измѣнѣ. И въ этомъ отношеніи военному вѣдомству необходимо взять инициативу въ свои руки, а не дожидаться разоблаченій злоупотребленій со стороны.

Обращаясь, въ частности, къ военному бюджету, я могу только указать на тѣ сокращенія, которыя, по моему мнѣнію, слѣдуетъ произвести въ немъ съ цѣлью, во первыхъ, получить—хотябы небольшую часть сбереженій, кои могли-бы пойти на осуществленіе реформъ и, во вторыхъ— чтобы предупредить на будущее время расходы непроизводительные. Въ этомъ отношеніи, я думаю, можно сдѣлать слѣдующее:

Усовершенствованіе постановки нашего военнаго хозяйства въ широкомъ смыслѣ этого слова, преобразованіе интендантства, фактическое упраздненіе излишнихъ крѣпостей, не выполняющихъ своего назначенія и лишь поглощающихъ изъ года въ годъ извѣстныя средства, а также и дорого стоющей казнѣ гвардіи; установленіе окладовъ содержанія, пенсій и пособій высшимъ начальствующимъ лицамъ (особенно въ военное время) съ возможной экономіей въ этомъ отношеніи; большее использованіе многихъ казенныхъ земель и зданій, изъ коихъ значительная часть обыкновенно идетъ подъ квартиры большого числа лицъ, служащихъ въ высшихъ военныхъ учрежденіяхъ; возможное сокращеніе штатовъ высшихъ военныхъ управленій, особенно центральныхъ; наконецъ, тоже, что было сказано и выше,—установленіе дѣйствительнаго контроля за расходованіемъ казенныхъ средствъ и строгаго возмездія за преступленія противъ интересовъ казны.

Роль Государственной Думы въ дѣлѣ проведенія военной реформы.

Приходилось иногда слышать голоса, что, при существующемъ укладѣ нашей жизни, мы, военные, сами по себѣ, не въ состояніи будемъ сдѣлать что-либо для коренного преобразованія арміи и что въ этомъ отношеніи дѣлу можетъ помочь только Государственная Дума.

Въ этихъ мнѣніяхъ, какъ мнѣ кажется, есть съ одной стороны,—извѣстная правда, а съ другой—несомнѣнное уже преувеличеніе.

Дѣйствительно, каковою можетъ и должна быть роль Государственной Думы въ дѣлѣ проведенія военной реформы?

Какъ извѣстно, армія изъята изъ компетенціи нашего высшаго представительнаго учрежденія и потому, казалось бы, что всѣ отношенія послѣдняго къ военному дѣлу ограничиваются одною бюджетной стороной. Но это не совсѣмъ такъ: Государственная Дума можетъ сильно влiять и на рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ общаго характера, находящихся въ тѣсной связи съ нѣкоторыми военными реформами; надо думать, напримѣръ, что исполненіе населеніемъ воинской повинности, выдающіеся случаи нарушенія правъ чиновъ арміи, крупныя злоупотребленія въ ея средѣ, вопросы о содѣйствіи войскъ гражданскимъ властямъ, объ обезпеченіи ихъ стрѣльбищами и лагерными мѣстами и т. д.—все это, вѣроятно, можетъ составить предметы обсужденій Думы. Кромѣ того, послѣдняя можетъ, до извѣстной степени, помочь военному вѣдомству и въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ въ общегосударственномъ

отношенiи, напримѣръ, въ вопросахъ, касающихся соотвѣтствующей постановки воспитанія и нѣкоторыхъ отдѣловъ образованія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, созданія стрѣлковыхъ и гимнастическихъ обществъ, учрежденія какихъ-либо частей внутренняго назначенія для облегченія службы войскъ и т. д.

Наконецъ, помимо матеріальнаго, такъ сказать, вліянія на военное дѣло, путемъ обсужденія бюджета, я полагаю, что Государственная Дума должна оказать военному вѣдомству и нравственную поддержку въ дѣлѣ проведенія реформы.

Но и одна бюджетная сторона дѣятельности Думы несомнѣнно окажетъ сильное вліяніе на размѣръ, ходъ и успѣхъ проведенія военныхъ реформъ. Поэтому остается желать, чтобы наше высшее представительное учрежденіе твердо прониклось-бы необходимостью реформированія арміи и не только не ставило-бы въ этомъ отношеніи препятствій военному вѣдомству, но и всячески помогало-бы послѣднему.

При всемъ томъ, странно возлагать чуть-ли не всѣ надежды на Государственную Думу. Она не обладаетъ должными полномочіями и компетенціей въ вопросахъ, касающихся арміи, да это и не ея прямое дѣло; наконецъ, самое важное— излишнее вмѣшательство Думы въ этомъ отношеніи не поведетъ къ добру, и только грозитъ внести въ армію нежелательный духъ партійности и политиканства, отъ которыхъ такъ страдаетъ, напримѣръ, французская армія. Все сказанное тѣмъ болѣе справедливо, что составъ и направленіе дѣятельности нашей Думы далеко еще не могутъ считаться установившимися. Поэтому всѣ

разговоры о подобномъ значенiи и влiянiи Думы на военныя дѣла являются совершенно необоснованными. Скажу даже больше: горе той армiи, которая не съумѣетъ найти въ себѣ достаточныхъ силъ для своего реформированiя и будетъ искать ихъ внѣ своей среды!

Вѣроятныя первоначальныя послѣдствiя нѣкоторыхъ военныхъ реформъ.

Невозможно разсчитывать и ожидать, чтобы тѣ или другiя реформы давали-бы быстрые и притомъ всегда положительные результаты; въ особенности это касается наиболѣе глубокихъ изъ нихъ а именно—духовнаго значенiя. Вполнѣ возможно, что нѣкоторыя реформы, напримѣръ, направленныя къ поднятiю личности солдата, на первыхъ порахъ скажутся, быть можетъ, преимущественно въ отрицательномъ отношенiи. И этимъ, конечно, не преминутъ воспользоваться всѣ тѣ, кто склонны видѣть въ подобныхъ реформахъ одну лишь распущенность; опираясь на частные отрицательные случаи, они несомнѣнно будутъ стремиться къ ихъ обобщенiю и указывать на непригодность реформы. Но этимъ не должно смущаться: ничто и никогда не дѣлается и не создается сразу; привыкнувъ къ извѣстному укладу, не только государство и общество, но и каждый отдѣльный человѣкъ не въ состоянiи стать сразу другимъ; потребуется прежде всего время и притомъ не малое, чтобы та или иная реформа начала-бы приносить свои полезные результаты. Не надо смущаться временными затрудненiями въ дѣлѣ реформированiя армiи; нужна крѣпкая вѣра въ идею реформы,

которая не должна падать отъ частичныхъ неудачъ, промаховъ и несовершенства въ исполненіи. Надо думать, что многія изъ реформъ будутъ встрѣчены извѣстнымъ противодѣйствіемъ, злостнымъ и неумышленнымъ, со стороны тѣхъ, кому онѣ невыгодны, или кажутся черезчуръ „либеральными"; и въ этомъ отношеніи, вѣроятно, будетъ пущено въ ходъ все, что можно,—разнообразная критика, отъ самой благой по своей цѣли и до клеветы включительно, раздуваніе мелочей въ цѣляхъ дискредитированія самой идеи реформъ, застращиваніе и т. д. И все это понятно: съ одной стороны, реформы несомнѣнно должны имѣть благодѣтельные результаты въ смыслѣ укрѣпленія нашей арміи, являющейся грознымъ оплотомъ Россіи, а это, разумѣется, невыгодно для ея внутреннихъ враговъ; съ другой стороны,—онѣ невыгодны и для тѣхъ, кто привыкъ созидать свое благополучіе, не оправдываемое заслугами, исключительно на привиллегированности положенія, связяхъ и т. д., а равно, и тѣмъ, которымъ, при старомъ, все нивеллирующемъ укладѣ, конечно, жилось лучше, нежели при болѣе строгомъ, разборчивомъ и твердомъ, каковымъ долженъ стать новый военный режимъ. Наконецъ, сюда надо прибавить и самыхъ благожелательныхъ людей, но устарѣвшихъ, или завѣдомо слѣпыхъ, не желающихъ слышать ни о чемъ новомъ, или склонныхъ видѣть въ этомъ исключительно „крамолу".

Невозможно требовать, чтобы въ сложномъ организмѣ, каковымъ является армія, особенно въ эпоху реформъ, все шло-бы гладко и ровно. Поэтому не слѣдуетъ стѣсняться тѣмъ, если опытъ

укажетъ на нѣкоторые промахи и недостатки въ деталяхъ реформъ и въ ихъ примѣненіи; это будетъ означать только, что онѣ проведены недостаточно умѣло и практично. Нужно имѣть мужество сознаваться въ своихъ ошибкахъ и своевременно исправлять ихъ, согласно указаніямъ жизни, но отнюдь не замалчивать явныхъ недостатковъ и не давать имъ возможности проникать глубоко и вредно отражаться на дѣлѣ. Для того-же, чтобы реформы не грѣшили въ этомъ отношеніи, надо чтобы прежде всего была-бы правильна и жизненна основная ихъ идея, чтобы всѣ онѣ были поставлены въ строгую другъ съ другомъ внутреннюю связь и выливались-бы въ видѣ совершенно опредѣленной программы; важно, наконецъ, заручиться соотвѣтственно подобранными исполнителями, чутко присматриваться къ войскамъ и слѣдить за военно-общественнымъ мнѣніемъ.

Заканчивая этимъ главу о военной реформѣ вообще, я хочу сказать нѣсколько словъ о современной работѣ нашего военнаго вѣдомства.

Надо быть совершенно слѣпымъ, или завѣдомо предубѣжденнымъ, чтобы не замѣчать усиленной работы военнаго вѣдомства вообще, и въ частности, войскъ, и военнаго общества. Высшее управленіе арміей несомнѣнно уже вступило на путь реформъ и обнаружило желаніе идти навстрѣчу времени. И это явленіе должно всемѣрно привѣтствовать.

Но, да позволено будетъ мнѣ замѣтить, что всѣмъ этимъ работамъ, повидимому, недостаетъ

именно той самой цѣльности и связности, противъ которыхъ мы такъ часто грѣшили прежде. Производитъ впечатлѣніе, что у насъ нѣтъ отправной идеи, положенной въ основу реформъ, нѣтъ соотвѣтствующей программы, недостаетъ, наконецъ, извѣстной жизненности въ работѣ. И потому нѣкоторыя прошедшія уже въ жизнь мѣропріятія страдаютъ прежнею незаконченностью и недостаточной практичностью; „маленькая запятая“ замѣтна во многихъ изъ нихъ и продолжаетъ вызывать среди исполнителей нареканія и недоумѣнія.

Заключеніе.

Я закончилъ свой трудъ и предоставляю его на судъ нашего военно-общественнаго мнѣнія.

Повторяю, что изслѣдованіе мое не претендуетъ на полное и систематическое изложеніе всего того, что намъ нужно—для этого я не считалъ себя достаточно компетентнымъ, да оно и не подъ силу одному лицу. Работа моя—преимущественно матеріалъ въ видѣ мыслей и наблюденій, выводовъ, подобранныхъ въ извѣстной системѣ и объединенныхъ общею мыслью и духомъ.

Да не подумаетъ кто-либо, что при изложеніи всего этого мною руководили какіе-либо личные разсчеты, недовольство сложившейся судьбой и т. д.

Основной причиной появленія моего труда является искреннее стремленіе послужить нашей арміи въ трудное для нея время и принести ей посильную пользу.

Глубокое чувство горечи и негодованія по-

поводу нашихъ послѣднихъ неудачъ, жажда лучшаго и свѣтлаго и сознаніе грядущихъ бѣдъ,— заставили меня высказаться съ полной откровенностью, не замалчивая своихъ недостатковъ. Я считалъ это своимъ святымъ долгомъ и убѣжденъ, что въ искренности, правдивости и цѣльности мнѣ не откажутъ и тѣ читатели, которые не раздѣлятъ моихъ мыслей.

Конечно, неизмѣримо легче говорить и проэктировать что-либо нежели работать надъ постепеннымъ проведеніемъ реформъ въ жизнь. Но, развѣ, не естественно искать выходовъ къ лучшему изъ современнаго тяжкаго положенія? Неужели-же ждать большаго позора и полнаго разложенія?

Я хорошо сознаю, что нельзя сдѣлать всего сразу, съ одного маху; для проведенія реформы прежде всего нужно время и мудрая постепенность. Несомнѣнно мы встрѣтимся приэтомъ со многими неудобствами, съ которыми, быть можетъ, трудно будетъ мириться первое время, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что все должно оставаться постарому. Пройдетъ время, выростутъ и культивируются новыя понятія и страннымъ предубѣжденіемъ покажется многое изъ нашего настоящаго. И я глубоко увѣренъ, что уже одно намѣреніе вступить на новый путь и первые, хотя-бы и несовсѣмъ удачные, въ этомъ направленіи шаги будутъ оцѣнены по достоинству лучшею частью нашего военнаго общества.

Мой трудъ, несомнѣнно страдаетъ многими недостатками и, конечно,—не автору судить о нихъ. Я хочу сказать здѣсь только объ одномъ— о направленіи моей работы: мнѣ приходилось слышать, что оно слишкомъ „демократично“ и

что я, будто-бы, преувеличиваю опасность современнаго положенія арміи.

Трудно, конечно, сказать, въ чемъ именно надо искать залоговъ нашего лучшаго будущаго, но я думаю, что однимъ изъ нихъ является именно демократизмъ въ реформахъ, общихъ и военныхъ, какъ вполнѣ отвѣчающій нашему національному складу и духу*). Мы всѣ, болѣе или менѣе, привыкли судить о Россіи съ точки зрѣнія Петербурга, а о народѣ—по самимъ себѣ, или окружаещему насъ обществу, но это—вовсе не одно и тоже.

Не могу соглаться и съ мнѣніями о преувеличеніи опасности и вотъ почему:

Слишкомъ далеко ужъ отошли мы отъ духовнаго, внутренняго міра, слишкомъ много еще есть неправды въ насъ самихъ и въ нашемъ общемъ и военномъ укладѣ и, наконецъ,—слишкомъ мало мы дѣлаемъ, чтобы начать иную жизнь. Мы какъ-бы живемъ или, вѣрнѣе, догораемъ остатками хорошаго невозвратимаго прошлаго, но вѣдь, ихъ хватитъ не на долго; всѣ мы, въ той или иной мѣрѣ,—рабы своего времени, режима и привычекъ, но болѣе чуткіе изъ насъ несомнѣнно ощущаютъ, что оставаться въ такомъ положеніи—нельзя и опасно и что изъ него есть только одинъ выходъ — идти впередъ. Такъ будемъ-же работать надъ собой, поддержимъ духовную жизнь арміи пока не поздно и дадимъ ей здоровые нравственные устои!

И, кто знаетъ, не былъ-ли послѣдній тяжкій урокъ на Дальнемъ Востокѣ необходимъ для

*) Подъ „демократизмомъ“ я понимаю отмѣну всякихъ исключительныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ въ настоящее время привиллегій и постановку всѣхъ въ одинаковыя условія передъ закономъ. И это вовсе не противорѣчитъ стремленію къ отбору лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ людей, которое сквозитъ у меня на каждой страницѣ.

насъ? Не возомнили-бы мы о себѣ еще больше въ противномъ случаѣ? И не освятилъ-ли бы успѣхъ нашихъ старыхъ недуговъ?

Какъ ни горекъ и ни тяжелъ былъ этотъ кровавый урокъ, но несомнѣнно онъ принесъ и свою долю пользы: Манчжурскій разгромъ раскрылъ намъ глаза на наше положеніе и тѣмъ самымъ, быть можетъ, предотвратилъ нѣчто худшее.

И если Крымская война была нашимъ первымъ серьознымъ предостереженіемъ, то на японскую надо смотрѣть, какъ на второе и, быть можетъ, послѣднее.......

Я закончу свой трудъ тѣми-же словами, содержаніе коихъ проходитъ сквозь всю мою книгу:

Будемъ прежде всего помнить, что переживаемое нами время—не заурядное; на нашихъ глазахъ происходятъ событія исторической важности. Армія, какъ одна изъ главнѣйшихъ основъ государственности, не можетъ и не должна оставаться слѣпою и безучастною свидѣтельницею происходящаго. Необходимо нравственное ея возрожденіе; нужна коренная, цѣльная и прочно связанная съ обще-государственной реформа въ духѣ времени и нашихъ національныхъ особенностей. Дѣло это—громадной важности; и потому оставаться такъ, или медлить—значитъ закрывать глаза на опасность, угрожающую нашему отечеству.

Будемъ вѣрить, что нашъ народъ и дѣтище его — армія, собравшіе Русь въ могучую державу, найдутъ въ себѣ силы возродиться и явятся въ будущемъ такими-же, какъ были и встарь—великими и славными.

Пусть-же каждый изъ насъ приложитъ свой трудъ къ этому святому дѣлу и тѣмъ поможетъ нашей многострадальной родинѣ!

Оглавленіе.

стр.

Введеніе: V

Вліяніе реформы 17 октября на измѣненіе государственнаго и военнаго строя. Необходимость нравственнаго совершенствованія 1

Современное состояніе арміи. Необходимыя въ ней реформы и мѣропріятія: 27

I. Воспитательная и образовательная подготовка къ офицерскому званію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. 27

II. Образовательная подготовка офицеровъ на службѣ . . 63

III. Офицерскій составъ арміи; прохожденіе и обстановка строевой службы; бытъ. 75

IV. Составъ нижнихъ чиновъ; воспитаніе и подготовительное образованіе; обстановка службы; бытъ 121

V. Служба въ войскахъ вообще: обстановка и режимъ; характеръ служебныхъ требованій. 173

VI. Боевая подготовка войскъ: опытъ послѣдней войны; характеръ нашей мирной подготовки. 207

VII. Генеральный штабъ: его подготовка; постановка и прохожденіе службы. Штабная служба. 230

VIII. Подготовка къ войнѣ, общегосударственная и военная. 277

IX. О военной реформѣ вообще 304

Заключеніе. 330

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ВЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ И СУЖДЕНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Въ изданіе это включается все наиболѣе замѣчательное, появившееся за границею. Сюда войдутъ статьи, помѣщаемыя въ военныхъ журналахъ, разборы военныхъ дѣйствій, доклады военныхъ агентовъ, воспоминанія участниковъ иностранцевъ, выдержки изъ сочиненій и нѣкоторыя сочиненія цѣликомъ, а также схемы, фотографическія и картографическія приложенія.

Вып.

I. **Поученія,** извлеченныя изъ опыта русско-японской войны. Маіора *Иммануэля.* Съ чертеж. въ текстѣ и 8 карт. Извлеченіе *К. Адариди* . . 1 р.

II. **Стратегическіе и тактическіе уроки** русско-японской войны. Маіора саксонскаго генеральнаго штаба *Леффлера.* Извлеченіе *Ю. Лазаревича* . . . . 50 к.

III. **Изъ опыта,** русско-японской войны. Тактическіе выводы капитана французскаго генеральнаго штаба. *Ніесселя.* Извлеченіе *К. Адариди.* . 50 к.

IV. **Атаки японцевъ** во время войны въ Восточной Азіи 1904—1905 гг. маіора германск. генер. штаба *Ф. Лютвицъ.* Съ 14 планами и 1 черт. въ текстѣ, Переводъ *К. Адариди.* . 75 к.

V. **Изъ записокъ очевидца** Мукденскихъ боевъ. Маіора *Бронсаръ Ф. Шеллендорфа* съ отдѣл. картой окрестностей Мукдена. Наступательныя дѣйствія пѣхоты по опыту русско-японской войны. Маіора *Балка.* Извлеченіе *К. Адариди.* . . . . 50 к.

VI. **Дѣйствія пѣхоты** въ освѣщеніи русско-японской войны.. Кап. австр. службы *Аладара Кнебеля Ф. Трейеншверта.* Извлеченіе *К. Адариди* . . . . 40 к.

VII. **Мукденскій бой** 16—25 февраля. Изслѣдованіе капитана австрійскаго генер. штаба *Рихарда Ф. Флека,* съ 6 чертежами. Переводъ *Н. Терлецкаго.* . . . . 40 к.

VIII. **Извлеченія изъ сочиненія** профес. капитана *Р. Меньэ.* О русско-японской войнѣ. Извлеченіе *А. К—ъ* . . . . 60 к.

См. на оборотъ.

Вып.

IX. **Пѣхота 1-й японской арміи** во время войны съ Россіей. Австрійской службы маіора *Адальберта Дани*. Извлеченіе *К. Адариди*. . . . . . . 30 к.

X. **Японцы подъ Мукденомъ** Корреспонденціи *Барцини* въ итальянскую газету „Corriere della sera". Перев. *Ю. Лазаревича* . . . . 1 р. 30 к.

XI. **Конница** въ восточно-азіатской войнѣ. Извлеченіе изъ труда ротмистра австрійской службы графа *Густава Врангеля*. Переводъ *Н. Сиверса* 35 к.

XII. **Развѣдка** во время русско-японской войны *Азіатикуса*. Перев. *А. К—ъ*. . . . . 75 к.

XIII. **Мукденская операція** въ условіяхъ современнаго театра войны. Извлечена изъ сочиненія *Эдмонда Ферри* „отъ Мукдена къ Нанси". *А. К—ъ*. . . . . 25 к.

XIV. **Паденіе Портъ-Артура.** Полков. *Клеманъ-де-Грандпре*. Перев. полковника *А. М. Хвостова*. 1 р. 50 к.

XV. **Извлеченія** изъ 1-й части сочиненія о русско-японской войнѣ полковника *Ф. Герча*, швейцарскаго военнаго агента при арміи Куроки. *К. Адариди* . . . . 2 р.

XVI. **Извлеченія** изъ выпусковъ 1-й серіи австрійскаго военнаго журнала Штрефлера. Съ 6-ю схемами въ текстѣ. *М. Г—въ*. . . . . . . 60 к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

НОВОСТИ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

Художественный Альбомъ съ текстомъ,

излагающимъ всю исторію войны въ послѣдовательномъ порядкѣ событій.

ИЗДАТЕЛЬ
В. А. Березовскій,
Ред.-изд. «Развѣдч.».

РЕДАКТОРЪ
М. Н. фонъ-Критъ,
подполковникъ.

При участіи художниковъ баталистовъ: *П. А. Владимірова, В. В. Игнаціуса* († командиръ броненосца «Князь Суворовъ»), *Н. Н. Каразина, Н. И. Кравченко, И. Н. Крылова, А. Г. Орлова, Н. С. Самокиша, А. П. Сафонова, В. А. Табурина, О. Шарлеманя* и др.

Изданіе изъ восьми выпусковъ.

Съ планами, схемами, картинами на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, художественно выполненныхъ въ два тона (автотипія Dublex) и картинами въ краскахъ. Текстъ на веленевой бумагѣ съ портретами участниковъ войны и множествомъ иллюстрацій, всего 240 страницъ текста альбомнаго формата 9½×7 вершк., **753 портрета и рисунка и 56 отдѣльныхъ картинъ.**

ЦѢНА ВСЕГО ИЗДАНІЯ:

Изъ 8 выпусковъ	**15** р.
» 8 » съ перес. и упак.	17 »
Въ 2 худож. кол. перепл.	18 »
» 2 » » » съ перес. и упак.	20 »

Отдѣльные выпуски продаются по 2 р., съ пересылкой и упаковкой по 2 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА допускается для всѣхъ служащихъ черезъ казначеевъ.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ

въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Предразсудки и боевая дѣйствительность. Составилъ Генеральн. Штаба капитанъ *Александръ Свѣчинъ.* 1907 г. . . . . **1** р.

... Чтеніе интересной и своевременно появившейся книги кап. Свѣчина наводитъ на многія размышленія. Предразсудки, положенные въ основу мирной подготовки арміи дали печальные результаты при столкновеніи съ боевою дѣйствительностью. А. Р. *„Думы послѣ войны", 1907 г., III.*

Дневникъ Забайкальскаго казачьяго офицера. Русско-Японская война 1904—1905 гг. Составилъ *А. Квитка.* Съ рисунками автора. 1908 г. . . . . . . **5** р.

На поляхъ Манчжуріи и въ Россіи послѣ войны. *С. А. Толузакова.* 1906 г. . . . . **1** р.

... Мы смѣло можемъ рекомендовать прочесть интересную книжку г. Тулузакова всѣмъ офицерамъ, особенно молодымъ, желающимъ работать и любящимъ то дѣло, которому они служатъ. Энже. *„Развѣдчикъ" № 838.*

... Нѣтъ возможности здѣсь дѣлать выдержки, скажемъ лишь, что вторая часть книжки «Послѣ войны» представляетъ громадный интересъ, а главы ея «Что нужно офицерамъ арміи» и «Общественная роль офицера» полезно прочитать всѣмъ, кто интересуется судьбою арміи и любитъ солдата. Еще большая заслуга г. Толузакова состоитъ въ томъ, что онъ въ главѣ «Тяжело раненъ на родинѣ» талантливо рисуетъ тяжелую дѣйствительность недостойнаго отношенія во время войны русскаго общества къ ней самой и арміи.

(Прилож. къ „Русск. Инв." № 110—1906 г.).

Воспоминанія изъ Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Съ 72 иллюстраціями по фотографическимъ снимкамъ. Сост. *Алексѣй Любицкій.* 1906 г. . . . . **1** р.

... Прочитайте, господа, эту книжку. Книжка не утомитъ васъ чтеніемъ и, быть можетъ, что-нибудь запомнится изъ нея и принесетъ пользу.

Интересныхъ мелочей въ симпатичной книжкѣ А. Любицкаго не мало. I. Защукъ. *„Развѣдчикъ", № 830.*

Русско-Японская война. Составл. *англійскимъ* генеральнымъ штабомъ. Вып. 1-й. Перевелъ генер. штаба подполк. баронъ *Винекенъ.* Съ приложен. 5 схемъ. 1908 г. . . **1** р. **50** к.

Изъ опыта Русско-Японской войны Замѣтки офицера Генер. Штаба *А. Незнамова.* Изд. 2 е. 1907 г. . . . . **1** р.

... Изложена книга живо, читается легко, а примѣры, приводимые въ подкрѣпленіе дѣлаемыхъ выводовъ, способствуютъ не мало поддержанію интереса.

К. Адариди. *„Русск. Инв.“ 1907 г. № 7 прил.*

Наши казаки на Дальнемъ Востокѣ. Сборникъ разсказовъ корреспондентовъ и участниковъ войны, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Собралъ *И. Тонконоговъ.* Спб., 1907 г. . . **50** к.

Изъ архива генералъ-маіора и кавалера П. Ѳ. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка. *Л. Теннисъ.* . . . . **75** к.

«Въ виду, однако, чрезвычайно талантливаго изложенія, хлестскаго языка, злободневности темы, наконецъ, совершеннаго отсутствія въ нашей литературѣ сочиненій подобнаго рода, я съ особеннымъ удовольствіемъ обращаю вниманіе читателей на эту изящную брошюру».

„Братская Помощь“, 1907 г. № 6.

Одинъ такой фельетонъ проливаетъ иногда больше яркаго свѣта на извѣстные факты, чѣмъ это возможно въ цѣлой книгѣ. П. Ларенко. *Томъ II, стр. 785.*

Въ этой книжкѣ собраны сатирическіе фельетоны. Читается книжка г. Л. Тенниса съ захватывающимъ интересомъ.

Н. Ж. *„Думы послѣ войны“. Іюль, 1907. III.*

Оффиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами во время Русско-Японской войны. Собраны *М. Кинай* (Шимбашидо. Токіо). Съ англійскаго перевелъ *М. Грулевъ.* Томъ I. 1908 г. . . **3** р.

Это новое изданіе даетъ возможность изучить факты прошлой войны на болѣе достовѣрной почвѣ, чѣмъ многочисленныя воспоминанія участниковъ. . . О прекрасныхъ достоинствахъ перевода говорить не приходится.

М. Ковскій. *„Рус. Инв.“ 1907 г. № 34, прилож.*

Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, на каждомъ шагу попадаются новости, еще неизвѣстныя у насъ— пересказать все нѣтъ возможности въ краткомъ отзывѣ. Лучше всего, если читатель поспѣшитъ самъ прочесть эту любопытную книгу.

А. Д. Шиманскій. *„Развѣдчикъ“, 1907 г., № 892.*

На Дальнемъ Востокѣ въ 1907 г. Изъ наблюденій во время войны съ Японіей. Лейбъ-хирургъ *Е. Павловъ*. Съ автотипіями въ текстѣ. Спб., 1907 г. . . . . **4** р.

Изъ вражескаго стана. Изъ „Дневника военнаго корреспондента“ при японской арміи. *Рэжиналь Канъ*. Перев. съ франц. *Н. М. Лагова*. 1905 г. . . . . **40** к.

„... Книга Р. Кана заслуживаетъ совершенно исключительнаго вниманія и представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ работъ, которыя до сихъ поръ появились о Русско-Японской войнѣ. *„Figaro“ № 109, 1905 г.*

«... Дневникъ изобилуетъ множествомъ талантливыхъ штриховъ и замѣтокъ, очень интересныхъ въ виду бѣдности свѣдѣній съ японской стороны и доказывающихъ наблюдательность автора. . . . Книга эта написана живо и легко читается». *„Вѣст. Общ. Ревн. Воен. Зн.“ № 105.*

Письма о войнѣ съ Японіей. *Людовикъ Нодо*. Перев. съ франц. *Н. М. Лагова*. 1906 г. . . . . **1** р.

. . . Письма написаны живымъ, образнымъ, мѣстами вычурнымъ языкомъ, въ общемъ доброжелательны къ намъ и могутъ заинтересовать своей эпизодической стороной не только военныхъ. **В. Новицкій.** *„Воен. Голосъ“ № 43.*

Тяжело читать письма Нодо, тяжело больше всего потому, что онъ пишетъ правду, что все имъ сказанное нельзя приписать ни стремленію очернить, унизить русскую армію, ни враждебному къ ней отношенію. Напротивъ, онъ высоко ставитъ ея нравственныя достоинства, преклоняется предъ ея храбростью и самоотверженіемъ, вмѣстѣ съ ней болѣетъ душой за ея неудачи, но по долгу безпристрастнаго писателя-журналиста, не можетъ молчать о причинѣ этихъ неудачъ. Переведены эти интересныя и поучительныя письма Нодо прекрасно. **А. —овъ.** *„Развѣдчикъ“ № 751.*

Правда, многое читателю будетъ обидно для самолюбія, но, право, пора перестать воспѣвать себѣ панегирики; скрываніемъ правды, маскированіемъ нашихъ больныхъ мѣстъ мы только подготовимъ нашу армію къ новому погрому... Въ заключеніе г. Л. Нодо говоритъ: «послѣ нѣсколькихъ лѣтъ матеріальныхъ и нравственныхъ реформъ русская армія будетъ самой несокрушимой военной организаціей на землѣ».

А. Далматовъ. *„Вѣст. Рус. Конницы“ 1906 г. № 2.*

Мищенко. Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ. Сост. *В. А. Апушкинъ.* Спб., 1908 г. Съ рисунками . . . . **1** р. **25** к.

Надо сказать спасибо автору, напомнившему, «что есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ и не исжита еще боевая сила русскаго народа».

К. X. *„Рус. Инв.“ 1907 г. № 34 прилож.*

Записная книжка штабнаго офицера во время Русско-Японской войны. *Сэръ Янъ Гамильтонъ* (британскій военный агентъ при арміи маршала Куроки). Съ иллюстр., планами и кроки.

Томъ I. Перевелъ съ англ. генеральнаго штаба капитанъ *Б. Семеновъ.* 1906 г. . . . . **3** р.

Томъ II. Пер. съ англ. подъ ред. *Ю. Лазаревича.* 1907 г. **3** р.

Томъ I „Записной книжки“ отдѣльно не продается.

По своей ясности, толковости эти записки заслуживаютъ полнаго довѣрія, не только военныхъ, но и интересны для русскихъ гражданъ.

Какая глубокая правда сквозитъ въ его философскихъ идеяхъ! Какіе заразительные совѣты онъ рекомендуетъ Англіи. Его предсказанія сбылись, Россія была побѣждена.

Владиміръ Сабуровъ. *„Кіевлянинъ“ 1907 г. № 18.*

Эта книга одна изъ лучшихъ среди массы трудовъ иностранныхъ авторовъ, посвященныхъ Русско-Японской кампаніи.

Г—ъ. *„Братская помощь“ 1907 г. № 2.*

. . . Книга написана настолько увлекательно, правдоподобно и краснорѣчиво, что ее прочитаетъ съ удовольствіемъ каждый не военный.

Конный воинъ. *„Вѣст. Рус. Конницы“ 1907 г. № 19.*

. . . Любопытна эта книга не только для спеціалиста военнаго дѣла, — правдивый, спокойный разсказъ очевидца, несомнѣнно, заинтересуетъ и простого русскаго читателя.

Ник. Ставрогинъ. *„Рус. Слово“ 1907 г. № 169.*

Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками. Сост. баронъ *Теттау.* Пер. съ нѣм. ген. шт. пол. *Грулева.*

Томъ I. 1907 г. . . . . **3** р.

„ II. 1908 г. . . . . р.

. . . Обѣ даютъ много цѣннаго матеріала. Прочитать ихъ (обѣ имѣются въ русскомъ переводѣ) не только необходимо нашимъ военнымъ, но и обыкновеннымъ читателямъ.

М—е. *„Новое Время“ 1907 г. № 11306 (фельетонъ).*

Съ адмираломъ Того. Описаніе семимѣсячной дѣйствительной службы подъ его командой. *Н. С. Степпингъ-Райтъ.* Съ рисунками и фотографіями автора. Переводъ съ англійск. подъ редакціей *Н. Л. Кладо.* 1907 г. . . . . . 2 р. 50 к.

...прочитывая даже одинъ разъ художественныя описанія мистера Райта надолго остаются въ памяти—если не словами своими, то своимъ колоритомъ, своей жизненной правдой, тѣмъ «нѣчто», для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ!.. **С. Тулузаковъ.** *„Развѣдчикъ" 1907 г. № 887.*

Борьба за Портъ-Артуръ. Приложеніе къ австрійскому военному журналу *Штрефлера* съ 4 планами, подъ редакціей и примѣчаніями *А. Ф. фонъ-Шварцъ* и *Ю. Д. Романовскаго.* 1907 г. . . . . 2 р. 50 к.

Великая осада Портъ-Артура и его паденіе. Съ иллюстраціями и чертежами. Сост. *Б. В. Норригаардъ.* Перевелъ съ англійскаго *Борисъ Серебренниковъ.* 1906 г. . . . . 2 р.

Авторъ строго объективенъ, тонъ изложенія лишенъ страстности, событія слѣдуютъ одно за другимъ въ видѣ художественныхъ эскизовъ, полныхъ силы и блеска литературнаго таланта. . . . Каждая страница ея имѣетъ для насъ значеніе, наглядно свидѣтельствуя, что доблесть русскаго солдата жива и намъ остается лишь заботливо оберегать этотъ драгоцѣнный даръ—основу будущаго нашего могущества. **Бой.** *„Голосъ Москвы" 1907 г. № 273.*

Осада и сдача Портъ-Артура. *Эллисъ Ашмедъ Бартлеттъ.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ примѣчаніями генер. штаба полковника *Хвостова.* Съ рисунками, картами и планами. 1907 г. . . . . 3 р.

. . . Вся книга проникнута горячимъ чувствомъ симпатіи къ японцамъ и антипатіи къ русскимъ, но авторъ умѣетъ быть справедливымъ. Онъ пророчитъ, по своимъ впечатлѣніямъ, Россіи великую будущность. **Ник. Ставрогинъ.** *„Рус. Слово" 1907 г. № 196.*

. . . Литературныя достоинства книги, даже въ переводѣ велики. . . Она читается съ захватывающимъ интересомъ и наводитъ на вереницу мыслей. . . Съ появленіемъ этой книги сдѣланъ большой шагъ къ серьезному объясненію событій минувшей войны. **Ш—й.** *„Развѣдчикъ" № 870.*

Паденіе Портъ-Артура. Полковн. *Клеманъ-де-Грандпре.* Переводъ съ французскаго и примѣчанія Генер. Штаба полковн. *Хвостова* Спб. 1907 г. . . . . **1** р. **50** к.

«Хорошую книжку перевелъ полковникъ Хвостовъ и перевелъ ее прекрасно. Совѣтую прочесть ее каждому, интересующемуся правдой о Портъ-Артурѣ.

Г. Тимченко-Рубанъ. „*Рус. Инв.*" *1907 г. № 261.*

Желтая опасность или эмиграція китайцевъ. Сост. *Менгденъ.* 1907 г. **90** к.

Тибетъ. *Н. И. Сувировъ.* Описаніе страны и отношеніе къ ней Китая и Англіи до послѣдняго времени. 1905 г. **1** р.

. . . Книга г. Сувирова безспорно заслуживаетъ широкаго распространенія, особенно при недостаткѣ у насъ популярныхъ трудовъ о Тибетѣ и тибетскомъ вопросѣ, который въ недалекомъ будущемъ, надо думать, вновь выдвинется на политическую сцену. Энвишъ. „*Развѣдчикъ*" *№ 746.*

Издана книжка аккуратно, снабжена картою и массою рисунковъ, которые, безъ сомнѣнія, оживляютъ чтеніе . . . . Во всякомъ случаѣ, очеркъ далеко не лишенъ интереса и читается очень легко, цѣна же очень умѣренная и общедоступная. П—гъ. „*Война и Миръ*" *№ 3.*

Дальній Востокъ. Воспоминанія и разсказы. *Козьминъ, Г.* (Стрѣлокъ). 1904 г. . . . . **1** р.

Благодаря наблюдательности автора и его литературному таланту, корреспонденціи эти, собранныя въ настоящей книгѣ, даютъ интересную живую картину своеобразнаго быта нашихъ войскъ въ томъ далекомъ краю, который является теперь ареной кровавой борьбы, жизни, нравовъ и обычаевъ коренныхъ обитателей этого края и ихъ отношеній къ намъ.

А—ковъ. „*Развѣдчикъ*" *№ 741.*

Манчжурія. Ея населеніе, богатство и роль въ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, предшествовавшихъ Русско-Японской войнѣ. Очеркъ *Н. И. Сувирова.* 1904 г. Съ картой . . . . **70** к.

Это дѣльно выполненная компилятивная работа, выполненная по основательнымъ иностраннымъ и русскимъ трудамъ о Манчжуріи и передающая свѣдѣнія, достаточно провѣренныя и не фантастическія.

„*Бирж. Вѣд.*" *7 апр. 1906 г. (I изд.).*

Природа и люди Кореи. *И. О. Рабиновичъ* (по поводу событій на Дальнемъ Востокѣ). 1904 г. Съ картой . . . . . **40** к.

. . . Книжка г. Рабиновича весьма выгодно выдѣляется прекраснымъ литературнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ доступнымъ для каждаго читателя изложеніемъ и искусствомъ, съ которымъ составитель сумѣлъ въ сжатой формѣ дать достаточно полное, ясное и интересное представленіе о природѣ, населеніи и бытѣ Кореи. Книжка отлично издана, иллюстрирована 22 хорошо исполненными рисунками и снабжена картой театра военныхъ дѣйствій (на отдѣльномъ листѣ).

А. З—овъ. *„Развѣдчикъ“ № 706.*

Лихунчжанъ или политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Сочиненіе *Лянцичао.* Перев. съ китайск. *А. Н. Вознесенскій* и *Чжанчинтунъ.* Съ предисловіемъ Чжанчинтуна. 1905 г. . . **2** р.

. . . Онъ даетъ не только біографію и характеристику дѣятельности извѣстнаго дѣятеля Китая, но съ большой живостью, образностью, мы сказали бы, съ китайской утонченной «граціозностью» попутно излагаетъ политическую исторію своей родины за послѣдніе сорокъ лѣтъ.

И. Александровъ. *„Странникъ“ 1907 г. Май.*

. . . Книга Лянцичао является прямо драгоцѣнной. Дѣло здѣсь, конечно, не въ самомъ Лихунчжанѣ, а въ томъ, что біографія его дѣйствительно представляетъ политическую исторію Китая за послѣднія сорокъ лѣтъ. Въ книгѣ обильно разсыпаны превосходныя мысли самого автора и различныхъ цитируемыхъ имъ китайскихъ ученыхъ и государственныхъ людей о внутренней и внѣшней политикѣ.

«Книга заканчивается интересными параллелями между Лихунчжаномъ и древними и современными государственными дѣятелями Востока и Запада».

Н. К. *Прил. къ „Нов. Вр.“ № 10721.*

Это сочиненіе произвело большое впечатлѣніе среди восточно-азіатской прессы и представляетъ интересъ и для русской публики, даже не занимающейся спеціально вопросами Дальняго Востока.

Н. К-ш-ъ. *„Русская Старина“, мартъ 1906 г.*

. . . Книга Лянцичао прекрасно переведена на русскій языкъ гг. А. Н. Вознесенскимъ и Чжань-Чинь-Тунъ и снабжена хорошимъ портретомъ Лихунчжана. Издана она великолѣпно и, несомнѣнно, встрѣтитъ сочувствіе въ нашей читающей публикѣ, интересующейся вопросами Дальняго Востока. *Журналъ „Нива“ ноябрь 1905 г.*

Реорганизація китайской арміи. Переводъ китайскихъ документовъ французской службы капитана *Водеска.* **Краткій очеркъ новыхъ войскъ Китая (Луцзюнь).** Съ французскаго перевелъ и очеркъ составилъ генерал. штаба капит. баронъ *А. Арпсгофенъ.* 1907 г. . . . . **75** к.

. . . Книжку эту весьма полезно прочитать не только всякому военнослужащему, но и каждому, интересующемуся международными политическими вопросами, ибо нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что отнынѣ «Недвижный Китай», благодаря своей новой арміи, не только пришелъ въ движеніе, но очень скоро громко заговоритъ, и одно изъ первыхъ словъ, нужно думать, будетъ «война».

С. И. О. „*Рус. Инв.*" *1907 г. № 14 прил.*

Ереси въ ученіи о морской силѣ. Сост. *Фред. Т. Дэюэнъ.* Съ рисунками и картами. Переводъ съ англійскаго подъ редакц. *Н. Л. Кладо.* 1907 г. . . . . **2** р. **50** к.

«Книга Ф. Джэна заслуживаетъ большого вниманія и появленіе ея въ русскомъ переводѣ, особенно сдѣланномъ такъ хорошо и толково, какъ настоящій, нельзя не привѣтствовать. . . . . Мы горячо рекомендуемъ прочесть «Ереси въ ученіи о морской силѣ» всякому, кто еще не утратилъ надежды на способность побѣждать». Э. „*Море*" *1907 г. № 24.*

Внутренніе водные пути Россіи и Германіи въ военномъ отношеніи. Сост. кап. *В. А. Златолинскій.* 1907 г. 2 карты. **2** р. **40** к.

. . . Внѣшнее впечатлѣніе безусловно въ пользу книги.

О внутреннемъ же содержаніи можно отчасти судить по самому названію ея.

Безспорно, вопросъ, затронутый капитаномъ Златолинскимъ, чрезвычайно интересный и огромной важности...

. . . . Трудъ капитана Златолинскаго даетъ прекрасный и обширный матеріалъ для размышленій по этому вопросу, и мы смѣло рекомендуемъ его всѣмъ, кому интересы отечества близки и дороги. Ершовъ. „*Война и Миръ*" *1907 г. № 7.*

. . . справочники, подобные составленному капитаномъ Златолинскимъ, могутъ принести большую пользу...

К. В. „*Офицерская Жизнь*" *1907 г. № 81—82.*

Маневры китайскихъ войскъ въ окрестностяхъ гор. Чжанъ-Дэ-Фу въ Хэнаньской провинціи въ 1906 г. Отпечатано по распоряженію начальн. генерал. штаба. Съ рисунками. 1908 г. . **3** р.

Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Составила *М. А. Лялина.* 1908 г. 8 д. 303 стр. съ рисунками . . . . **1** р. **50** к.

Психологическія основы воспитанія солдата (очерки военной педагогики). Цѣль военнаго воспитанія. Данныя психологіи. Средства и методъ воспитанія. Заключеніе. Состав. *П. К.* 1907 г. . . . . **75** к.

Господство личности на войнѣ. Изслѣдованія по Клаузевицу *Ф. Фрейтагъ-Лорингофенъ.* Переводъ *К. Адариди.* Съ приложеніемъ 21 схемы. 1906 г. **1** р.

Талантливая книга, могущая служить отличнымъ пособіемъ при изученіи психологіи войны.—Первая глава названа «Война—область опасностей», перечисляя качества, необходимыя полководцу, особенно подчеркивая зависимость, въ коей находится вождь по отношенію къ своей арміи, авторъ останавливается надъ вопросомъ о воспитаніи націи. Духъ, отвага могутъ быть только тогда въ арміи, когда въ народѣ эти данныя на лицо, говоритъ онъ . . . Не менѣе увлекательна и слѣдующая глава: «Война—область тѣлесныхъ напряженій и физическихъ страданій» . . . . . Это яркіе военно-психологическіе этюды, это рядъ удивительно глубокихъ, талантливыхъ мыслей. Клаузевицъ писалъ полвѣка назадъ, но до сихъ поръ каждая его фраза полна значенія и сохраняетъ цѣнность. Г. *„Война и Миръ“, № 4, іюнь 1906 г.*

Шаблонъ или самостоятельность?

Размышленія о боѣ и боевой подготовкѣ войскъ. *Вальтеръ ф.-Хюльзенъ.* Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. генеральн. штаба подполковника *Давыдова.* 1907 г. Съ 9 черт. въ текстѣ . . . . **60** к.

Объ арміи, Армія и государство.—Армія и соціализмъ.—Армія и милиція.—Армія и политика.—Русская военная сила.—Воинская повинность.—Реформы послѣднихъ лѣтъ.—Что надо улучшить въ арміи. Сост. *М. А. Волгинъ.* 2-е изданіе. 1907 г. . . . . . **20** к.

Типографія «Родникъ». Спб., Невскій, 88.

